Эта дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

РАЗОРВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Лауреат премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман
Финалист премии «Хьюго» в номинации «Лучший роман»

ДЖОН СКАЛЬЦИ

Разорванное пространство
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. Разорванное пространство
Пролог
Книга первая
Книга вторая
Книга третья
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Представители знатных родов Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий наконец-то начинают осознавать доказанный учеными факт, что течения Потока, связывающего воедино миры Вселенной, иссякают и связи между обжитыми планетами скоро будут оборваны. Но вместо того чтобы думать о спасении населения всех миров, имперская знать озабочена лишь двумя проблемами: как ей спастись самой, эмигрировав на планету Край, единственно приспособленную для жизни, и как отстранить от власти законную правительницу империи, призывающую к совместным действиям ради выхода из гибельной ситуации. И в борьбе за спасение человечества императрица Грейланд Вторая решается на последний шаг…

«Разорванное пространство» завершает новую масштабную космооперу от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики.

Впервые на русском!

Джон Скальци
Разорванное пространство

John Scalzi
THE LAST EMPEROX
Copyright © 2020 by John Scalzi
All rights reserved
Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).
© К. П. Плешков, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Это дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

Джон Скальци – один из тех авторов современной НФ, кто пишет и увлекательно, и легко.

Джо Хилл

Политический сюжет, щедрые доли сарказма, головоломок и драйва… Скальци по-прежнему невыносимо хорош на своем поле, где юмор прекрасно уживается с умной приключенческой фантастикой.

Kirkus Reviews

Скальци – один из самых блестящих авторов, которых рождала на свет фантастика.

The Wall Street Journal

* * *

Джон Скальци — американский писатель и критик, в 2006 году получил премию Джона В. Кэмпбелла в номинации «Лучший новый автор», в 2013-м — премию «Хьюго» в номинации «Лучший роман» за «Людей в красном». Финалистом этой же премии был его дебютный роман «Обреченные на победу». Также он удостоен премии журнала «Romantic Times», японской премии «Суйюн» (аналог американской «Небьюлы»), немецкой премии Курта Лассвица за лучший иностранный роман и израильской премии Гефена. Его сетевой журнал «The Whatever» — один из самых читаемых в современной НФ. Скальци родился и вырос в Калифорнии, учился в Чикагском университете, живет на юге штата Огайо.

* * *

Женщинам, которые разгребают чужое дерьмо

Пролог

Самое забавное, что Грени Нохамапитан, временный герцог Края, в самом деле успел увидеть врезавшуюся в его аэрокар ракету «земля — воздух» за секунду до попадания.

Он договаривался с Блэйном Турнином, как-теперь-стало-ясно-не-слишком-хорошо-справлявшимся-со-своими-обязанностями министром обороны, насчет тайной встречи, которая должна была у них состояться с повстанческой группировкой, пообещавшей занять сторону герцога в продолжающейся гражданской войне. Поворачиваясь к Турнину с очередной репликой, Грени боковым зрением заметил яркую вспышку, привлекшую его внимание к толстому стеклу по левому борту машины, за которым внезапно отчетливо возникла вышеупомянутая ракета «земля — воздух».

«Мне кажется, это ракета», — собирался сказать Грени, но успел произнести только «мне», а точнее, первую фонему этого короткого слова, прежде чем ракета врезалась в аэрокар и все в полном смысле этого слова полетело к черту.

За последовавшую долю секунды, в течение которой аэрокар внезапно изменил ориентацию по нескольким осям сразу, превратив непристегнутого Блэйна Турнина в ошеломленный мясистый пинбольный шарик, мечущийся среди стенок пассажирской кабины, в мозгу Грени Нохамапитана, временного герцога Края, одновременно сформировалось несколько мыслей, которые вместо того, чтобы возникнуть последовательно, наложились друг на друга, словно та часть мозга Грени, что отвечала за его высшую нервную деятельность, решила немедленно сбросить балласт, предоставив Грени возможность разобраться в случившемся позже, если это «позже» будет вообще, что выглядело все более вероятным, учитывая безвольно болтающуюся на шее голову Блэйна Турнина.

Возможно, проще описать эти мысли с точки зрения той процентной доли, которая им отводилась в сознании Грени.

Для начала: «Черт мать твою вот дерьмо твою мать черт блин… проклятье!», которая занимала примерно восемьдесят девять процентов внимания Грени, что было вполне понятно, если учесть, что его аэрокар начал вращаться и терять высоту.

На отдаленном втором месте, примерно с пятью процентами, стояло: «Откуда повстанцы знали, мы же договорились об этой встрече всего час назад, даже я не знал, что буду именно в этой машине, и где, мать твою, все эти противоракетные контрмеры, я же глава исполнительной власти всей планеты, идет гражданская война, моей службе охраны следовало бы проявить себя получше». Честно говоря, в данный момент эта мысль требовала от мозга Грени чрезмерного напряжения, и мозг решил оставить ее без ответа.

Третьей, занявшей, может, четыре с половиной процента внимания Грени, была мысль: «Похоже, мне нужен новый министр обороны». Судя по тому, что тело Блэйна Турнина приобрело форму, которую нельзя было описать иначе как «весьма замысловатый крендель», мысль эта, вероятно, была верна и в дальнейшем обдумывании не нуждалась.

Оставалась еще четвертая мысль, которая хоть и претендовала лишь на жалкие остатки внимания и мыслительных способностей Грени, тем не менее возникала у Грени и раньше, и притом весьма часто — достаточно часто, чтобы утверждать, что во многих отношениях она определила жизнь Грени Нохамапитана и сделала его

тем человеком, которым он теперь был, а если конкретнее — человеком, ставшим пленником как гравитационных, так и центробежных сил. И мысль эта была такова: «Почему я?»

И действительно — почему именно Грени Нохамапитан? Какие превратности судьбы привели его к этому мгновению жизни, когда его в буквальном и в переносном смысле закружило в чудовищном водовороте и все, что он мог, — изо всех сил стараться не наблевать на почти гарантированный труп его теперь-весьма-вероятно-бывшего министра обороны?

То был многомерный вопрос, подразумевавший несколько значимых ответов.

а) Он родился;

б) в благородном семействе, амбиции которого простирались вплоть до правления Взаимозависимостью, существовавшей уже тысячелетие империей звездных систем;

в) которые были соединены посредством Потока, некоего явления, суть которого Грени не понимал, но которое работало как сверхбыстрая связь между звездными системами Взаимозависимости;

г) с которых собирали налоги и которыми управляли имперо, правившие из Ядра, системы,

через которую в конечном счете проходили почти все течения Потока;

д) точнее, вплоть до некоего момента в ближайшем будущем, когда в Потоке произойдет некое великое смещение, после чего почти все пути будут вести через Край, в настоящее время наименее доступную систему Взаимозависимости;

е) именно потому сестра Грени, Надаше, хотела, чтобы кто-то из Нохамапитанов узурпировал власть у правящего герцога, но сама она сделать это не могла, поскольку была слишком занята попытками выйти замуж за Реннереда Ву, наследника имперского трона, а брат Грени, Амит, заведовал делами дома Нохамапитан;

ж) так что в итоге на эту роль не осталось никого, кроме Грени;

з) который отправился на Край и втайне разжег гражданскую войну, хотя публично заявлял о союзе с предыдущим герцогом;

и) которого он затем убил, свалив убийство на графа Клермонта, которого Грени считал всего лишь имперским советником по налогам;

к) и стал исполняющим обязанности герцога, пообещав покончить с гражданской войной, что он вполне мог сделать, поскольку именно он финансировал повстанцев;

л) но оказалось, что граф Клермонт был также физиком, специалистом по Потоку, чьи исследования показали, что течения Потока не смещаются, а разрушаются;

м) что подтвердилось, когда разрушилось течение Потока между Краем и Ядром, единственное, ведшее из системы Края;

н) граф затем предложил в духе прагматизма объединить усилия с Грени, чтобы подготовить Край к неминуемой изоляции, вызванной коллапсом как Потока, так и Взаимозависимости, все существование которой было основано на Потоке;

о) Грени не принял предложение графа по… гм… ряду причин и вместо этого заставил графа исчезнуть;

п) что привело в ярость Вренну Клермонт, дочь и наследницу графа, которая довольно-таки неудачно оказалась бывшим офицером имперской морской пехоты со множеством союзников, а также знала подробности исследований, которые ее отец вел в отношении Потока;

р) о которых она затем всем рассказала;

с) и разозлилась, что новый временный герцог держал их в неведении по поводу всей этой истории с «коллапсом Потока»;

т) и таким образом началась новая гражданская война;

у) против него самого;

ф) в которой участвовали новые мятежники;

х) обстрелявшие ракетами его долбаный аэрокар.

Единственное, что можно было сказать в защиту Грени: он никогда не просил, чтобы его рожали.

Но для него это было слабым утешением, когда его аэрокар врезался в улицы Краепада, столицы Края, несколько раз перевернувшись, прежде чем прекратить полет.

Открыв глаза, а он их плотно зажмурил во время столкновения с поверхностью планеты, Грени обнаружил, что аэрокар стоит вертикально. На сиденье напротив покоилось тело Блэйна Турнина. Молчаливый, собранный, безмятежный, тот выглядел так, словно последние полминуты вовсе не исполнял роль бильярдного шара в человеческом обличье. Лишь голова Турнина, вывернутая под неестественным углом, будто его шейные позвонки превратились в переваренные макароны, свидетельствовала, что он не решил просто слегка вздремнуть, чтобы набраться сил.

Десять секунд спустя дверцы разбитого аэро-

кара Грени распахнулись, и охранники из его службы безопасности — «Черт побери, — промелькнуло в голове Грени, — да ни одну из их машин, похоже, даже не взяли на прицел!» — расстегнули ремни и грубо вытащили его из машины, запихав в другую, которая устремилась по прямой назад к герцогскому дворцу. Последнее, что увидел Грени среди останков своего аэрокара, — тело Турнина, которое сползло на пол, превратившись в коврик из человечьей шкуры.

— Вам не кажется подозрительным, что ни в один из других аэрокаров не пытались стрелять? — заметил чуть позже Грени, расхаживая по тщательно охраняемой комнате своего дворца, которая находилась глубоко под землей, в подземном крыле, способном противостоять любой осаде в течение недель, а может, и месяцев. — Все аэрокары были совершенно одинаковые. Мы не подавали полетный план, и никто не знал, что мы окажемся в небе. И тем не менее — бам! — и ракета попадает в одну машину, причем именно в мою. Я вынужден полагать, что моя служба безопасности скомпрометирована и среди моего окружения затесались предатели.

Сидевший в кресле Джеймис, граф Клермонт,

со вздохом отложил книгу, которую читал, и потер глаза.

— Как ты понимаешь, у меня не так уж много поводов сочувствовать твоим проблемам, — сказал он, поворачиваясь к Грени.

Грени перестал расхаживать туда-сюда, вспомнив, перед кем, собственно, он распинается со своими мрачными мыслями.

— Я просто не знаю, кому еще доверять, — ответил он.

— Уж точно не мне, — усмехнулся Джеймис.

— И все-таки насколько я прав? — продолжал настаивать Грени. — В самом ли деле похоже, что среди моей охраны есть предатель?

Джеймис с тоской посмотрел на свою книгу, и Грени, проследив за его взглядом, увидел на потрепанном переплете название: «Граф Монте-Кристо». Грени предположил, что это историческая биография, и лениво поинтересовался, в какой системе находится планета Монте-Кристо. Потом он снова взглянул на графа.

— Да, вероятно, ты прав, — наконец сказал Джеймис. — Вероятно, у тебя завелся предатель, по крайней мере один, а может, и несколько.

— Но почему?!

— Ну… это лишь гипотеза, но тем не менее. Воз-

можно, это как-то связано с тем фактом, что ты, будучи полной бездарью, с помощью убийства завладел титулом герцога и лгал своим подданным о неминуемом коллапсе цивилизации, причем так уж вышло, что ты и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то к нему подготовиться.

— Никто, кроме вас, не знает, что я убил герцога, — возразил Грени.

— Прекрасно. В таком случае остается «будучи полной бездарью, лгал своим подданным о неминуемом коллапсе цивилизации» и так далее.

— Вы в самом деле считаете меня бездарью?

Граф пристально посмотрел на Грени.

— Зачем ты ко мне ходишь, Грени? — спросил он.

— В смысле?

— В смысле — зачем ты ко мне ходишь? Для тебя я лишь пленник и политическая помеха. Одна из главных причин, по которой ты ведешь свою нынешнюю гражданскую войну, — то, что ты пленил меня и заставил исчезнуть. Будь ты умнее… что ж, будь ты умнее, ты не стал бы делать практически ничего из того, что уже совершил. Но что касается меня, здесь и сейчас — будь ты умнее, ты бы держался подальше и дал мне возможность спокойно догнивать, вместо того чтобы являться

сюда каждые несколько дней.

— Когда-то вы предлагали мне помощь, — напомнил Грени.

— Это было до того, как ты решил, что лучше всего будет запихнуть меня подальше от чужих глаз, — возразил Джеймис. — Не говоря уже о том, что ты продолжаешь обвинять меня в убийстве, которое совершил сам, и использовал это убийство, чтобы лишить всех прав мою законную наследницу. И как, кстати, — помогло? Думаешь, Вренна хоть в чем-то отказалась от своих намерений, потеряв все свои титулы и владения?

— Никак не могу понять вашу дочь.

— То есть?

Грени махнул рукой в сторону графа Клермонта:

— Вы ученый. Вы… не похожи на мятежника.

— Я им и не был, — согласился граф, — пока ты не сделал меня таким. Что же касается Вренны — ты никогда не был знаком с ее матерью. Иначе ты намного лучше бы все понимал. Впрочем, теперь это не важно, поскольку, как и в случае со мной, именно ты сделал ее мятежницей, и притом весьма способной.

— Не уверен, что я с этим соглашусь.

— Да, конечно же, ты прав. Некий совершенно

ни на что не способный предводитель мятежников сумел внедриться в твою службу безопасности, подсадить в нее как минимум одного предателя, выведать тайный маршрут твоего полета и послать ракету конкретно в твой, а не какой-либо другой аэрокар. Извини, мне как-то трудно в это поверить.

Граф снова потянулся к своей книге.

— Мне нужен кто-то, с кем я мог бы поговорить, — внезапно сказал Грени.

Джеймис взглянул на (действующего) герцога:

— Прошу прощения?

— Вы спрашивали, почему я к вам постоянно прихожу, — пояснил Грени. — Мне нужен кто-то, с кем я мог бы поговорить.

— У тебя есть для этого целый правительственный аппарат, — напомнил Джеймис.

— В котором есть предатели.

— Позволь мне напомнить, что я как бы не вполне на твоей стороне.

— Нет, но… — Грени обвел рукой комнату. — Вам все равно никуда не уйти.

Граф снова помедлил, словно размышляя, как лучше всего реагировать на очередное напоминание о том, что он пленник, а потом взял книгу.

— Может, тебе просто стоит сходить к психо-

терапевту?

— Мне не нужен психотерапевт.

— На твоем месте я бы как следует подумал.

— Приму к сведению.

— В конце концов, у тебя что, нет друзей, Грени? Даже фальшивых?

Грени открыл было рот, собираясь парировать колкость насчет фальшивых друзей, но тут же замолк. Джеймис пристально смотрел на него, держа в руках раскрытую книгу.

— Ну, что молчишь, незаконный герцог? — спросил он. — В те времена, когда ты был советником герцога, я постоянно видел тебя в окружении свиты, целой толпы сплетников и льстецов. Ты всегда мог выбрать среди них самых лучших. А уж теперь, когда ты стал герцогом, ты точно в состоянии обзавестись поклонниками.

— У меня есть друзья, — заявил Грени.

— В самом деле? — Граф поднял книгу. — В таком случае тебе следовало бы побеспокоить их.

— Вам от меня ничего не нужно.

Граф удивленно поднял брови.

— Собственно, мне нужно только одно — чтобы ты отказался от титула герцога и отпустил меня домой.

— Я вовсе не это имел в виду.

— Понимаю, — сухо кивнул Джеймис. — Я просто намекаю, что ты не совсем верно меня оцениваешь. Но — да. С точки зрения твоего герцогского титула — мне ничего от тебя не нужно.

Грени развел руками.

— Значит, я могу с вами поговорить?

— Я все же посоветовал бы психотерапевта.

— И тем не менее вы могли бы мне помочь, — сказал Грени. — Помочь подготовиться к тому, что произойдет с Потоком.

— Несмотря на то, что я твой пленник и ты ведешь гражданскую войну против моей дочери, которую убил бы при первой же возможности?

— Она только что пыталась убить меня.

— Хоть ты и пытаешься свести гражданскую войну к тому, что «она первая начала», доверия к тебе это отнюдь не добавляет, — сказал Джеймис. — К тому же уже слишком поздно. Я предлагал тебе помощь несколько месяцев назад, несмотря на то что ты убил герцога и обвинил в этом меня. Все было очень непросто, но все же решаемо. Но теперь, когда идет гражданская война, уже ни ты, ни я не можем ничего решить. Ты разозлил слишком многих людей, ставших твоими врагами, и слишком многих, которые, возможно, могли бы стать твоими друзьями. Да-

же если бы ты меня убедил и даже если бы я готов был тебе помочь, никто бы не поверил столько времени спустя, что меня не вынудили силой. И даже если бы Вренна поверила и перешла на другую сторону — чего она, кстати, никогда бы не сделала, — остальные продолжили бы без нее.

— Так что же вы предлагаете?

— Кажется, я уже говорил — отказаться от титула и отпустить меня.

— А кроме того?

— Предлагаю подумать над планом побега и над изменением внешности, — ответил Джеймис. — Поскольку подозреваю, что герцогом тебе оставаться недолго и добром это не кончится. У тебя уже есть предатели среди твоего окружения. Если ты как можно скорее не обзаведешься новыми друзьями, тебе конец.

Граф снова вернулся к своей книге.

— В последний раз заявляю, ваша светлость: имперские морские пехотинцы не станут участвовать во внутреннем конфликте, — сказал сэр Онтейн Маунт после того, как (действующий) герцог вызвал имперского бюрократа с космической станции, где по случайности дислоцировались те самые морские пехотинцы, которые требовались Грени. Маунт и Грени пили чай в кабинете (дей-

ствующего) герцога, обстановка которого почти полностью сохранилась со времен предыдущего герцога, поскольку Грени не счел нужным ее менять. — Вряд ли стоит напоминать вам, что в соответствии с текущей имперской политикой морские пехотинцы могут использоваться исключительно для защиты межзвездной торговли и выполнения задач, определяемых на имперском уровне, то есть непосредственно империо.

— Нет больше никакой межзвездной торговли, — возразил Грени. — И с империо насчет каких бы то ни было задач никак не связаться. Ваши морпехи все равно сидят без дела.

— Течения Потока, ведущие в систему, пока работают, так что торговля все еще идет, и империо все еще может отдавать распоряжения, — бесстрастно сказал Маунт. — Что касается последнего, сэр, — имперские морские пехотинцы не станут участвовать во внутреннем конфликте ради того, чтобы немного потренироваться. Так или иначе, когда я дал согласие на исполнение вами обязанностей герцога, подразумевалось, что вы намерены прекратить гражданскую войну на этой планете.

— Что я и сделал!

— Примерно на три недели, — заметил Ма-

унт. — Можно сказать, это было не столько окончание гражданской войны, сколько передышка между кампаниями.

Он отхлебнул чая. Грени заскрежетал зубами, зная, что Маунт на самом деле вовсе не столь туп, как пытался казаться; имперский бюрократ прекрасно знал, что в нынешней гражданской войне участвуют совсем другие игроки, имеющие совсем другие цели. Но точно так же он вовсе не был заинтересован в том, чтобы его драгоценные морпехи проливали кровь и пот ради Грени. По сути, Маунт не слишком изысканно намекал ему: «Сам кашу заварил, сам ее теперь и расхлебывай».

— Тогда хотя бы разрешите позаимствовать кое-что из вашего арсенала, — попросил Грени. — Все равно оно лежит без толку.

— Позаимствовать? — усмехнулся Маунт, глядя в чашку. — Дорогой мой герцог, пули или ракеты не заимствуют. Стоит ими воспользоваться, и они израсходованы.

— С радостью готов купить все необходимое.

— Что случилось с тем грузом оружия, который вы спасли от пиратов несколько месяцев назад? — спросил Маунт. — С грузом, который предназначался для предыдущего герцога, но уго-

дил в засаду? Как я понимаю, именно вы отбили его у подлых, презренных похитителей-пиратов?

Грени снова заскрежетал зубами, зная, что Маунту прекрасно известен ответ на этот вопрос, к тому же его раздражала фальшиво прозвучавшая аллитерация во фразе бюрократа.

— Часть груза была уничтожена во время атаки. Большую часть остального похитили нынешние мятежники.

— Печально. Похоже, тот груз воистину был проклят.

— Согласен, — кивнул Грени, прихлебывая чай, чтобы избежать вспышки гнева.

— Возможно, ракета, которая вас подбила, была частью того груза, ваша светлость.

— Мне тоже приходила в голову эта мысль.

— Какая ирония судьбы. — Маунт поставил чашку. — К несчастью, ваш предшественник не сумел покончить со своей гражданской войной, так что вам пришлось унаследовать часть его проблем, к которым, возможно, добавился ряд новых, ваших собственных. Но как при нем, так и при вас имперские морские пехотинцы должны сохранять нейтралитет в данном конфликте. Уверен, вы меня поймете.

Дверь в кабинет (действующего) герцога откры-

лась, и вошла помощница с планшетом в руках, который она подала Грени.

— Важное сообщение, ваша светлость, — сказала она. — Зашифрованное, лично для вас. Должно быть прочитано немедленно по получении.

— Что-то серьезное? — спросил Маунт.

Грени взглянул на открытые заголовки сообщения.

— Семейные дела, — ответил он. — Прошу меня простить.

— Конечно. — Маунт взял чашку.

Грени подтвердил свои биометрические данные, и открылось текстовое сообщение от его сестры Надаше.

Грени!

Если ты это читаешь, значит дела здесь плохи. Не могу сказать, в чем именно дело, поскольку пишу заранее. Но что бы ни случилось, я ввожу в действие запасной план.

А именно: я посылаю тебе военно-транспортный корабль «Пророчества Рахелы». Он полностью вооружен, и на его борту десять тысяч имперских морских пехотинцев. Его командир и большая часть команды — наши; остальные, вероятно, не доживут до конца полета. Корабль должен прибыть вскоре после этого сообщения.

Если ты еще не закончил свою маленькую гражданскую войну на Крае, «Рахела» поможет тебе провести зачистку. Было бы неплохо, если бы ко времени прибытия «Рахелы» ты уже был герцогом Края, но если нет, то когда «Рахела» выполнит свою задачу, ты им станешь.

Затем командир «Рахелы» возьмет на себя командование тамошними имперскими морскими пехотинцами, вне зависимости от того, насколько это соответствует существующей субординации. После этого вы вдвоем возьмете под свой контроль отмели Потока и подготовитесь к нашему прибытию, которое состоится в любом случае.

Тебе многое предстоит сделать, братишка. Действуй.

И постарайся не напортачить.

До встречи,

Надаше.

Улыбнувшись, Грени закрыл сообщение, после чего стер его, отформатировал планшет и превратил его в кирпич — осторожность никогда не бывает лишней.

— Хорошие новости?

— Прошу прощения? — переспросил Грени, кладя ставший бесполезным планшет на стол.

— Вы улыбались, — заметил Маунт. — Я спросил: хорошие новости из дома?

— Можно сказать и так.

— Что ж, прекрасно, — кивнул Маунт. — Капелька хороших новостей вам уж точно не помешает, с вашего позволения.

Грени представил себе сэра Онтейна Маунта мертвецом, которым тот станет, когда прибудет «Рахела», и улыбнулся.

И в то же самое время в голове у него промелькнули несколько мыслей, на этот раз одна за другой. Мысли были такие:

«Блин, так-растак, я спасен»;

«Хоть бы „Рахела“ поскорее сюда добралась, черт побери»;

«Как так вышло, что у Надаше дела пошли столь хреново?».

И наконец:

«Что за чертовщина там вообще творится?»

Книга первая

Глава 1

— Будем говорить прямо, — сказал Деран Ву. — Это конец цивилизации в нашем понимании. И бизнесу он пойдет только на пользу.

На верхнем этаже здания Дома гильдий, в специально отведенном для совета директоров дома Ву большом конференц-зале, где стоял во главе огромного стола Деран Ву, только что произнесший эти несколько фраз, члены совета директоров дома Ву, все как один, уставились на Дерана, словно тот только что громогласно пустил ветры прямо им в физиономии.

«Что ж вы так, — подумал Деран. — Здорово ведь было сказано».

Деран ничем не показал своего недовольства реакцией собравшихся на свои слова. В том не было никакой необходимости. Впервые за всю свою карьеру в доме Ву Дерана особо не заботило, что́ члены совета директоров дома, каждый из которых в той или иной степени являлся ему родственником, думают о нем, о его планах или его остроумных речах. И все потому, что Деран

теперь был управляющим дома Ву.

И не просто управляющим. Прежде пребывание в этой роли во многом зависело от терпимости совета директоров, чье отношение ко всему, начиная от компетентности управляющего и заканчивая тем, что следует подавать на обед, милосерднее всего можно было бы описать как весьма капризное. С другой стороны, Деран Ву мог не опасаться неодобрительного отношения совета, поскольку Джейсин Ву, предыдущая управляющая, пыталась свергнуть импето. Импето вполне разумно полагала, что это бросает подозрение на весь совет дома.

По крайней мере, таков был повод.

Если точнее, Деран Ву поставил невмешательство в его деятельность на посту управляющего условием того, что он не сообщит всю имевшуюся у него информацию о вышеупомянутом покушении, в котором он активно участвовал, вплоть до убийства управляющего одного из других крупных торговых домов и покушения на одного из близких друзей импето, по слухам ее любовника. Импето, испытывавшая нехватку времени и предпочитавшая уже известного ей дьявола, дала согласие.

И теперь совет директоров дома Ву впервые

после недавних неприятностей собрался в полном составе, во главе с Дераном, который раньше даже не рассматривался на роль управляющего. Мнение совета на этот счет никого не волновало.

Стоявший перед советом Деран вдруг понял, что им, вероятно, это совсем не нравится. Чем вполне могла объясняться столь странная реакция на его слова.

— Что мы тут делаем? — последовал вопрос с другого конца очень длинного стола, за которым сидели директора, члены семейства Ву.

— Прошу прощения? — спросил Деран, высматривая, кто именно из родственников задал вопрос.

Это была Тиган Ву, заведовавшая подразделением стрелкового оружия оружейного концерна дома Ву.

— Я спросила: «Что мы тут делаем?» — повторила она. — Ты теперь диктатор дома Ву. Это совет директоров. Следовало бы сказать — бывший совет директоров. Теперь он лишен власти. С какой целью нас всех здесь собрали?

— Помимо того, чтобы позлорадствовать, — добавил Никсон Ву, заведовавший подразделением автоматизированных систем безопасности, то есть вооруженных роботов.

— Да, про злорадство у меня тоже была мысль, — сказала Тиган, глядя на Дерана.

— Мои дорогие родственники, — обратился к ним Деран, пытаясь изобразить ободряющий жест. — Позвольте вам напомнить, что наступили чрезвычайные времена. Джейсин (наш бывший управляющий директор) пыталась свергнуть импер о, и она вовсе не уверена, что совет директоров не причастен к попытке переворота. Она не знает вас настолько хорошо, как я.

— А она знает, что ты полное дерьмо? — спросил Бельмент Ву, заведовавший строительством военных кораблей. Бельмент никогда не принадлежал к числу поклонников Дерана.

— Она знает, что мне, по крайней мере, можно доверять, — ответил Деран, на что Бельмент лишь презрительно фыркнул.

Простер Ву, сидевший по правую руку от Дерана, откашлялся. Возможно, Простер был самым могущественным человеком в этом помещении, поскольку в числе прочего он надзирал за всей службой безопасности. Это означало, почти в буквальном смысле, что в его распоряжении находилась бóльшая часть оружия. По традиции те из Ву, кто возглавлял службу безопасности, никогда не претендовали на общее руководство

— им это просто не требовалось. В определенном смысле они правили из-за трона. Стоило Простеру кашлянуть, как все, включая Дерана, тут же замолчали и посмотрели на него.

— Деран, — сказал Простер, — не будем впустую терять время. Чтобы стать управляющим, ты предал Джейсин и шантажировал имперо. Она также позволила тебе принимать решения от имени дома Ву, не считаясь с нашим мнением. Ты неплохо все разыграл, но не делай вид, будто мы об этом не знаем или будто нам неизвестно, что ты причастен к тому дурацкому неудавшемуся перевороту не меньше Джейсин. Не оскорбляй наши умственные способности. По-моему, вполне честно.

— Вполне честно, — помедлив, ответил Деран.

Кивнув, Простер повернулся к остальным.

— Что касается того, что мы тут делаем, — все просто. — Он показал на Дерана. — Наш новый управляющий все же не полный идиот и понимает, что даже если имперо дала ему полную власть над домом Ву, эта «власть» — всего лишь иллюзия. Ему не на кого положиться из присутствующих в этом зале, и у него недостаточно союзников за его пределами. И, как он верно заметил, — Простер снова развернулся к Дерану, — близится конец

человеческой цивилизации. Время его ограниченно, и если он намерен воплотить в жизнь те планы, которые у него определенно имеются, ему для этого потребуется наше содействие. Верно?

«Не совсем», — подумал Деран. Он подготовился намного лучше, чем полагал Простер. У Дерана имелся небольшой список людей, в основном других членов семьи Ву, которые с радостью перерезали бы глотку любому, если бы это означало реальную возможность встать во главе какого-либо из подразделений дома Ву. Черт побери, если бы дошло до подобного, голова Простера первой оказалась бы на плахе. В этом зале не было никого, кто не придушил бы собственную бабушку — да и несколько других бабушек, к чему скупиться? — ради того, чтобы возглавить службу безопасности, особенно теперь, когда должность управляющего на ближайшее время стала недоступна.

Простер занимал свой пост слишком давно и успел забыть, сколь жадными до власти могут быть его тщеславные родственники, хотя ему стоило бы об этом помнить. В свое время он силой заставил Финну Ву, прежнего директора службы безопасности, покинуть свою должность, после чего ей пришлось удалиться на покой в другую

систему, чтобы ничто постоянно не напоминало ей о позорном свержении. Деран знал обо всех пороках и ошибках Простера больше, чем, вероятно, кто-либо другой, включая самого Простера, и с радостью был готов поделиться этой информацией с любым представителем семейства Ву.

Так что насчет Дерана вовсе нельзя было сказать, будто ему не на кого положиться или у него нет союзников, как пытался утверждать Простер. Если точнее, Деран был уверен, что со временем приобретет как тех, так и других.

Но время было не на его стороне — в этом Простер был прав.

Время теперь вообще больше не было ни на чьей стороне.

И потому Деран, кивнув, ответил Простеру:

— Верно.

— Мы все друг друга понимаем, — сказал Простер. — Что ж, тогда расскажи нам, Деран, каким образом конец цивилизации может вдруг оказаться на пользу дому Ву.

— На самом деле все просто, — ответил Деран. — Дом Ву обладает монополией на кораблестроение, вооружение и безопасность. Что в первую очередь потребуется, когда продолжат рушиться течения Потока?

— Еда, — сказала Тиган Ву.

— Вода, — сказал Никсон.

— Медикаменты, — добавил Бельмент.

— Вы упустили суть. — Деран раздраженно махнул рукой.

— Разве суть не в том, что люди будут голодать? — спросила Тиган.

— Почти, — кивнул Деран. — Суть не в том, что люди будут голодать. Суть в том, что люди боятся голода. В ближайшие несколько лет течения Потока начнут рушиться, и людям станет страшно. Империя не просто так называется Взаимозависимостью. Каждая населенная людьми планета по определению зависит от других, и это прекрасно работало, пока Поток был стабилен. По мере того как он теряет стабильность, то же происходит с политическими и общественными системами Взаимозависимости. И этим системам нужно оказать поддержку.

— С помощью сил безопасности и оружия, — сказал Простер.

— Именно.

— Пока силам безопасности тоже не станет страшно, когда у них, как и у всех, начнет заканчиваться еда, — заметила Тиган.

— Ну, по крайней мере, этот вопрос мы можем

решить, — сказал Никсон, отвечавший за вооруженных роботов.

— Суть в том, что неминуемы беспорядки, — продолжал Деран. — Усиливающиеся и непрекращающиеся.

— А мы хотим заработать на этом хаосе денег, — кивнула Тиган.

— Мы хотим предложить возможность оттягивать хаос как можно дольше, — ответил Деран. — Беспорядки в любом случае произойдут. Они уже происходят, и это неизбежно. Но «неизбежно» вовсе не обязательно означает «немедленно». Мы можем выиграть время для правительств систем. Или, точнее, они могут у нас это время купить. Поскольку мы в самом деле хотим на этом заработать.

— До тех пор, пока деньги будут хоть что-то значить, — заметила с дальнего конца стола Лина Ву-Герц, заведовавшая подразделением перепродаж, торговавшим подержанными космическими кораблями или кораблями, которые были построены, но так и не использовались из-за того, что предполагаемый владелец их не забрал. — Когда цивилизации приходит конец, деньги теряют всякий смысл.

— Цивилизация вовсе не заканчивается, — ска-

зал Деран.

— Я что-то пропустил? — спросил Бельмент. — Разве ты сам только что не говорил, что цивилизации наступает конец?

— Я говорил: «Цивилизации в нашем понимании». — Деран взял со стола пульт и нажал кнопку. Стена за его спиной ожила, и на ней появилась голубовато-зеленая планета.

— Это Край, — заметил Простер.

— Это цивилизация, — поправил Деран.

— Значит, ты не бывал на Крае, — усмехнулся Простер.

— Именно на Крае предстоит выжить нашей цивилизации, — сказал Деран. — Это единственная система во Взаимозависимости, где имеется планета, на которой способна самостоятельно существовать человеческая жизнь. И, судя по тому, что говорят нам ученые империо, это последняя планета, на которой останется течение Потока, ведущее на нее с Ядра. Именно там продолжит существовать цивилизация. — Он взглянул через стол на Лину Ву-Герц. — Вместе с ее деньгами.

— Да, цивилизация сможет там выжить, — кивнул Простер. — Если сумеет туда добраться.

— По слухам, мы строим космические корабли, — улыбнулся Деран.

— Но не столько же, — возразил Бельмент.

— Наша задача — спасти цивилизацию. Но это вовсе не означает спасти каждого человека, хотя я уверен, что все здесь присутствующие и все те, кто им дорог, рано или поздно попадут на Край.

На мгновение наступила тишина.

— Значит, твой план — космические корабли для некоторых и подавление беспорядков для остальных? — спросила Тиган, когда пауза миновала.

— Не моя вина, что Поток рушится, — ответил Деран. — Я всего лишь осознаю последствия. И — нет, суть плана не в кораблях и не в подавлении беспорядков. План — и в этом мне потребуется поддержка совета — заключается в том, чтобы начать строить космические корабли и подавлять беспорядки уже сейчас, в больших масштабах, до того, как поступят соответствующие приказы.

— Если исходить из предположения, что приказы поступят, — заметил Простер.

— Они уже поступают, — заверил его Деран. — И нам вовсе незачем ждать, пока правительства и остальные торговые дома поймут, что конец близок. Об этом им напомнят наши торговые агенты. Я хочу, чтобы строительство кораблей и производство оружия началось уже сейчас,

чтобы торговые агенты могли сказать нашим клиентам, что товар готов. Никакой задержки между заказом и поставкой, кроме времени на транспортировку. Крайне важный фактор в нынешние времена.

— Предложи им выгодные условия, и они сразу согласятся, — сказал Бельмент.

— Нет, — покачал головой Деран. — Деньги на бочку, и никак иначе. За все.

— Это безумие, — заметил Бельмент.

— Никакое это не безумие. Это конец цивилизации в нашем понимании. У нас нет времени собирать деньги в рассрочку.

— В таком случае мы раскрываем карты, — сказал Простер.

— Суть как раз в том, чтобы раскрыть карты, — ответил Деран. — Если они сочтут, что, по нашему мнению, сейчас не время для рассрочки, быстрые сроки станут приоритетом и для них. Деньги у них есть, им только нужно решить в первую очередь отдать эти деньги нам. — Он посмотрел на Лину Ву-Герц. — А если наши клиенты сочтут, будто цивилизации конец и деньги в любом случае потеряют цену, им гораздо легче будет с ними расстаться. Они подумают, будто обвели нас вокруг пальца.

— Значит, будем строить корабли и производить оружие… — кивнул Простер.

— Пока это все еще дешево и легко, поскольку по мере разрушения течений Потока будет все дороже получать все необходимые материалы, — вставил Деран.

— …и брать за них деньги по максимуму, а потом, когда течения Потока окончательно разрушатся, мы перенесем нашу деятельность на Край, где деньги будут сохранять свою ценность, а остатки цивилизации будут все так же нуждаться в оружии и космических кораблях.

— Да, таков план, — сказал Деран. — В общих чертах.

Кивнув, Простер окинул взглядом стол, сидевшие за которым тоже кивнули, включая даже Бельмента и Тиган, и снова посмотрел на Дерана.

— Похоже, ты прав: конец цивилизации пойдет на пользу бизнесу.

— Да, — ответил Деран. — Думаю, да.

— Кстати, хорошо было сказано.

— Спасибо, Простер, — лучезарно улыбнулся Деран.

Дверь конференц-зала открылась, и в нее заглянула Витка, помощница Дерана, чтобы объявить

перерыв на обед. Вкатились столы на колесиках, нагруженные едой и напитками. Члены совета встали со своих мест и, переговариваясь, принялись за угощение. Помощница Дерана подошла к нему с чашкой горячего чая его любимого сорта, который она специально хранила для него в потайном отделении своего стола.

— Как все прошло? — спросила Витка, подавая ему чашку.

— Похоже, все получилось, — ответил Деран и отхлебнул чая. — Мне кажется, они поняли суть моего плана.

— Что ж, хороший план.

— Мне тоже так казалось, — согласился Деран.

— Принесу вам чего-нибудь поесть. — Витка отошла к столам с едой.

Деран глотнул еще чая, купаясь в лучах своих сегодняшних достижений. Он вовсе не нуждался в членах совета, чтобы сделать все то, что он им вкратце обрисовал, — на самом деле он уже начал процесс перевода большей части финансовых активов дома на Край, но при наличии их согласия все становилось проще и легче. Ему не пришлось особо с ними сражаться, а тем более сменять бóльшую их часть на своих постах, хотя он и предполагал, что без этого не обойдется.

По крайней мере, пока. У него еще оставалось немного времени.

«Да, все отлично складывается», — подумал Деран, глотнул еще чая и рухнул замертво. Чашка покатилась по полу.

Витка, направлявшаяся к нему с тарелкой еды, вскрикнула, выронила тарелку и бросилась к телу Дерана. Остальные молча стояли, наблюдая за происходящим. Минуту спустя Витка выбежала за дверь, зовя врачей.

Члены совета все так же не сводили гдаз с тела Дерана.

— Это точно не я, — наконец сказал Бельмент.

— И кто же? — поинтересовался Простер.

Все что-то пробормотали.

— Гм, — заметил Простер, откусывая от булочки.

— Так что, следуем его плану? — спросила Тиган.

Прежде чем кто-либо успел ответить, в зал ворвались медики.

Глава 2

В то же самое время, когда Деран Ву падал замертво на самом верхнем этаже Дома гильдий, несколькими этажами ниже Кива Лагос боролась

с искушением вышвырнуть кое-кого в окно.

— Что ты сказал, твою мать? — обратилась Кива к сидевшему по другую сторону стола.

Багин Хейвель, старший торговый переговорщик дома Вульф, даже не моргнул.

— Вы прекрасно меня слышали, леди Кива. Дом Вульф намерен пересмотреть наши контракты с домом Нохамапитан, администратором которого вы являетесь. Мы предпочли бы, чтобы переговоры прошли позитивно, в духе сотрудничества и взаимной выгоды. Но если это невозможно, что я могу предполагать по вашей реакции, мы в порядке утешения охотно подадим иск в Суд гильдий.

— И на каком же основании?

— На том, что цивилизации грозит коллапс, леди Кива.

Кива взглянула на Сению Фундапеллонан, юриста дома Нохамапитан — вернее, бывшего юриста, пока по вине графини Нохамапитан ее случайно не ранили при попытке убить Киву, после чего Сения перешла на другую сторону и стала работать на Киву, которая теперь возглавляла дом Нохамапитан после того, как графиню посадили в тюрьму по обвинению в измене. Кива поставила Фундапеллонан во главе юридическо-

го департамента дома Нохамапитан, к тому же у Кивы и Фундапеллонан довольно-таки неожиданно сложились весьма близкие отношения, так что Фундапеллонан прекрасно поняла ее взгляд.

— В контрактах между нашими домами нет никаких пунктов насчет якобы грозящего цивилизации коллапса, господин Хейвель, — сказала она.

— Однако в них имеются пункты относительно форс-мажора, — возразил Хейвель.

— Форс, мать его, мажора? — воскликнула Кива.

— Я ничего не упоминал про чью-либо мать, но в остальном — да.

— Форс-мажор — это когда незамеченная космическая глыба неожиданно разрушает какую-нибудь долбаную космическую станцию, — сказала Кива.

— Это один из примеров, — согласился Хейвель. — Мы считаем таковым и коллапс цивилизации.

— Ключевое слово — «неожиданно».

— На самом деле ключевые слова — «коллапс цивилизации».

— Леди Кива права, — вмешалась Фундапеллонан. — Форс-мажор предполагает события,

которые невозможно предвидеть или ожидать.

— Да, вроде коллапса всей нашей цивилизации, — кивнул Хейвель.

— Через хрен знает сколько лет, — сказала Кива.

— На протяжении времени, в течение которого существенные составляющие контрактов между нашими домами не смогут быть исполнены, что влечет существенный гражданский и финансовый ущерб для дома Вульф, — произнес Хейвель, для пущей важности подняв палец. — Если текущие оценки состояния течений Потока внутри Взаимозависимости верны, дом Вульф будет вынужден, в отсутствие его вины и под воздействием сил, находящихся вне его контроля, начать отказываться от исполнения своих контрактных обязательств, подвергаясь при этом неприемлемому риску.

— Это ваши проблемы.

— Согласен, это проблемы, — кивнул Хейвель. — Но я не согласен с тем, что это только наши проблемы. И дом Вульф готов отстаивать данный аргумент в суде.

— Суд гильдий не особо восприимчив к новым интерпретациям контрактного законодательства, — заметила Фундапеллонан. — Исходя из

нескольких сотен лет судебного опыта, можно с немалым основанием предполагать, что, если вы подадите этот иск, в суде вас попросту осмеют, а вашему клиенту придется оплатить наши судебные издержки плюс существенный штраф.

— Это одна из возможностей, — заметил Хейвель. — Есть и другая — Суд гильдий признает, что несколько сотен лет судебного опыта ничего не значат, когда Взаимозависимость сталкивается с экзистенциальной угрозой своему существованию, которой в буквальном смысле нет аналога во всей известной истории.

— Вы слишком многого ожидаете от Суда гильдий.

Хейвель пожал плечами:

— Из-за этого коллапса они оказались в точно такой же ловушке, как и все мы. Мы полностью отрезаны от мира. — Он снова переключил свое внимание на Киву. — Но, как я сказал вначале, у нас на самом деле вовсе нет никакого желания обращаться в суд. Мы готовы пересмотреть контракты по доброй воле, на условиях, выгодных обоим нашим домам.

— Ты говорил не это. — Кива устремила на Хейвеля каменный взгляд. — Ты сказал, что дом Вульф намерен либо пересмотреть контракты,

либо обратиться в суд.

— Да, — кивнул Хейвель. — И что?

— То, что ты пришел рассказать мне, что произойдет, а не попросить моей помощи.

— Естественно, нам понадобится ваша помощь…

На этот раз уже Кива подняла палец:

— Но ты ее не просил. Ты говорил мне, что произойдет, и ожидал, будто я с этим соглашусь, словно вопрос уже решен.

— Не понимаю, какое это имеет значение.

— Имеет, поскольку ты меня основательно разозлил, мать твою растак, — сказала Кива. — Я не люблю, когда кто-то является ко мне в кабинет и говорит, как я должна поступать, будто у меня нет своего мнения на этот счет, да еще заранее угрожает потащить меня в суд, пытаясь силой добиться моего согласия.

— Леди Кива, если вы так меня поняли — прошу меня извинить, я вовсе не хотел…

— А теперь ты, мать твою, разозлил меня вдвойне, притворяясь, будто устроил всю эту срань случайно. Ты же взрослый человек, старший торговый переговорщик целого долбаного дома. И — да, дом Вульф всего лишь мелкий долбаный дом…

— Эй…

— Но даже у мелкого долбаного дома есть средства, чтобы нанять кого-то более опытного. Так что либо тебе достаточно долго удавалось скрывать свою полную некомпетентность от дома Вульф, чтобы всплыть, как дерьмо, до своего нынешнего положения, либо ты знал, что делаешь, с того самого момента, как уселся на этот долбаный стул и решил оскорбить мои умственные способности. Что из двух?

— Почему это вас так волнует? — заморгав, спросил Хейвель.

— Твоя компетентность? Меня она нисколько не волнует. Хотя наверняка могла бы волновать твоего босса.

— Нет, я про то, почему вас так волнует этот контракт?

— В смысле?

— Графиня Нохамапитан пыталась вас убить, леди Кива, — сказал Хейвель. При этих словах Фундапеллонан неуютно поерзала на стуле; именно в нее попала пуля, предназначавшаяся Киве, и лишь на прошлой неделе она смогла вернуться к работе. Раздолбанное плечо все еще медленно заживало. — Дом Нохамапитан — дом предателей. Его глава в тюрьме, а его наследники

пропали без вести или мертвы. Вы заведуете им лишь потому, что вас назначила на этот пост импер. Вас ничто не связывает с этим домом, леди Кива. Так что с того, если контракт будет пересмотрен? В худшем случае дом Нохамапитан заработает чуть менее огромную кучу денег, чем раньше. Это дом предателей. Не понимаю, в чем вообще проблема.

Кивнув, Кива встала и, обойдя стол, подошла к Хейвелю. Хейвель неуверенно взглянул на Фундапеллонан, которая едва заметно покачала головой, словно говоря: «Бежать слишком поздно». Наклонившись, Кива уставилась Хейвелю прямо в глаза.

— Что ж, раз уж ты спросил, — сказала она, — мне не все равно потому, потому что так мне велела импер. Мне не все равно, поскольку, помимо долбаных Нохамапитанов, этот дом дает работу сотням тысяч людей, которые теперь вынуждены полагаться на меня, поскольку я защищаю их интересы. Мне не все равно, потому что, хоть вам этого никогда не понять, заведовать целым долбаным домом — огромная ответственность, и кто знает, возможно, мне хочется, чтобы все видели, что я с этой работой справляюсь. Мне не все равно, потому что, несмотря на имя на две-

рях, теперь этой мой дом, мать его растак. Мне не все равно, потому что, когда ты являешься в мой дом, в мой кабинет, и указываешь мне, что мне следует делать, ты оскорбляешь меня и оскорбляешь мой дом. А поскольку я вижу, что ты не намерен проявлять хоть какую-то клятую инициативу со своей стороны, долбаный умник, мне не все равно, что твой сраный домишко оскорбляет меня и мой дом — оба моих дома, ибо, мать твою, я по-прежнему принадлежу к дому Лагос. Мне не все равно, потому что мне не все равно, черт побери. И твой сраный домишко выбрал совершенно неподходящего индивидуума, чтобы пытаться мной помыкать. Ясно тебе, господин Хейвель? Или мне объяснить попроще и погрубее?

— Да, я понял, — ответил Хейвель.

— Вот и хорошо. — Кива выпрямилась и наклонилась к нему через стол. — В таком случае сделаем вот что. Ты вернешься к своим боссам и скажешь им, что дом Нохамапитан благодарит их за предложение, в ответ на которое мы предлагаем дому Вульф засунуть свои желания в задницу, поскольку мы не согласны изменить в наших текущих контрактах ни одну долбаную запятую. Если дом Вульф желает подать иск в Суд гильдий — пожалуйста. Дом Нохамапитан постарается

затянуть дело не только до коллапса Потока, но и до реальной тепловой смерти наблюдаемой Вселенной, мать ее. — Кива повернулась к Фундапеллонан. — У нас ведь есть для этого ресурсы?

— О да, — кивнула Фундапеллонан.

Кива вновь повернулась к Хейвелю.

— Так что если хочешь, чтобы над этим делом трудились твои прапраправнуки — можешь идти в суд со своим дерьмом насчет форс-мажора. Посмотрим, как они будут синеть от натуги. А пока — вали на хрен из моего кабинета.

— Обожаю смотреть, как ты работаешь, — сказала Фундапеллонан после того, как Хейвель свалил на хрен из кабинета Кивы.

— С подобным мы столкнемся еще не раз, — заметила Кива.

— Со стратегией форс-мажора? Наверняка. — Фундапеллонан махнула рукой в ту сторону, куда свалил на хрен Хейвель. — Дом Вульф не отличается особой изобретательностью в юридических вопросах. Вряд ли они придумали это сами, а если так, можно не сомневаться, что кто-то уже подал иск в Суд гильдий. Могу поинтересоваться.

— Займись.

— Ладно. — Фундапеллонан сделала у себя пометку. — Естественно, возникает вопрос, почему

это тебя так волнует.

Кива, прищурившись, взглянула на Фундапеллонан:

— Только ты еще не начинай.

— Я знаю, почему тебе было не все равно, когда дело касалось тебя и этого дома, — улыбнулась Фундапеллонан. — Но сейчас тебе не все равно, хотя это не касается тебя лично. Весьма примечательный случай.

— Звучит не слишком впечатляюще.

— Ты в высшей степени эгоистка. В том нет ничего плохого или хорошего, просто факт. Так что если тебя и впрямь заботит данный вопрос, значит для тебя он словно заноза в заднице.

— Он в самом деле для меня словно заноза в заднице, потому что этот мерзкий навозный жук прав, — ответила Кива. — Близится коллапс Потока. Если Суд гильдий решит, что коллапс цивилизации означает недействительность всех контрактов, начнется хаос.

— Тебе вдруг перестал нравиться хаос?

— Мне не нравится, когда он не приносит мне пользы.

— Вот видишь — еще одно подтверждение твоего эгоизма.

— В данном случае хаос не принесет пользы

никому, — сказала Кива. — Если Суд гильдий удовлетворит хотя бы один подобный иск, это выбьет опору из-под всей нашей экономической системы.

— Точно так же, как, скажем, коллапс Потока.

— Конец близок, — сказала Кива. — И мне не вполне понятно, зачем нам его приближать. — Она показала туда, куда ушел Хейвель. — Из-за него и ему подобных, мать его растак, люди начнут умирать с голоду.

— В защиту бедняги Хейвеля — он лишь следовал приказам, исполняя свой профессиональный долг, — заметила Фундапеллонан. — Если бы ты велела мне отправиться в какой-нибудь другой дом с тем же дурацким планом, я была бы обязана подчиниться.

— Надеюсь, сперва ты врезала бы мне по морде.

— У меня до сих пор не зажило плечо. Пришлось бы вместо этого дать тебе пинка под зад.

— Ты и сейчас бы с удовольствием это сделала.

— В данный момент вряд ли. Да, ты эгоистка, но, похоже, твой эгоизм в какой-то степени распространяется и на других. По крайней мере, временно.

— Не привыкай.

— Не собираюсь. — Фундапеллонан встала, опираясь на здоровую руку. — Пойду к юристам, соберу команду на случай, если Кива Лагос все же не сумела внушить дому Вульф достаточно страха. А ты?

Кива взглянула на настольные часы:

— Мне нужно успеть на челнок до Сианя, который стартует через полчаса. Долбаное заседание исполнительного комитета.

— Тебе меня не одурачить, — улыбнулась Фундапеллонан. — Ты же обожаешь эти заседания.

Кива лишь неразборчиво буркнула в ответ. Исполнительный комитет состоял из трех представителей парламента, трех представителей церкви Взаимозависимости и трех представителей гильдий. Кива вошла в его состав после того, как попытка свержения импето создала немало проблем примерно для трети домов. Импето решила, что ей нужен надежный голос в комитете, и таковым стала Кива, прекрасно осознававшая всю иронию того, что из всех выбрали именно ее.

— Тебе стоило бы выразить на заседании свою озабоченность насчет этой чуши с форс-мажором, — посоветовала Фундапеллонан. — Либо Грейланд, либо парламент могут не дать ей дойти

до суда.

— Вряд ли Суду гильдий это понравится, — возразила Кива. Суд гильдий крайне ревностно относится к своей декларируемой независимости.

— Вряд ли, — возразила Фундапеллонан, направляясь к двери. — Но это уже не твоя проблема.

Кива смотрела ей вслед — отчасти наслаждаясь очертаниями ее фигуры, а отчасти продолжая размышлять о только что состоявшемся словесном поединке с долбаным Хейвелем.

Сения Фундапеллонан была права по поводу Кивы — та была крайней эгоисткой. Сения считала, что это не хорошо и не плохо, но Кива имела на сей счет особое мнение, считая, что эгоизм, по сути, единственный способ существования во Вселенной, которую нисколько не волнует чья-либо жизнь, и в цивилизации, где основной принцип — не мешать богатым богатеть и не давать бедным умирать с голоду, чтобы у тех не возникало предпосылок восстать и отрубить богатым головы. Безразличная Вселенная и неизменная по своей сути цивилизация давили на корню любого, кто не ставил на первое место себя и свои собственные интересы.

В этом Кива была права, по крайней мере в том, что касалось ее самой. Ее политика: «А что я буду с этого иметь, мать твою» — за несколько лет привела ее от положения шестого ребенка в семье не слишком влиятельной аристократки к должности фактической главы одного из самых могущественных домов Взаимозависимости, к месту в исполнительном комитете и благосклонности имперо. Следует признать, что присущая Киве философия прагматичного целеустремленного эгоизма работала не лучшим образом для подавляющего большинства других, но, мать их растак, они не были Кивой.

И тем не менее чем выше Кива поднималась по карьерной лестнице, тем больше она понимала, что ее политика эгоизма имеет, так сказать, определенные пределы. Возможно, в другую эпоху, когда цивилизацию не отделяло от падения в темную глубокую долбаную бездну несколько недолгих лет, Кива могла бы спокойно следовать прежним путем, будучи уверенной, что в конечном счете ее действия не имеют никакого значения. Являясь всего лишь сгустком живого углерода, которому достаточно скоро предстояло стать навеки неживым, она могла поступать как угодно — съесть еще один кекс, или потрахаться

с той симпатичной рыженькой, или еще что-нибудь. Вселенная не создавалась специально для того, чтобы удовлетворять эгоизм Кивы, но вряд ли он мог сколько-нибудь заметно этой самой Вселенной повредить.

Но Кива вполне осознавала, что для нее теперь наступило иное время. Долбаная человеческая цивилизация схлопывалась, забирая с собой человеческих индивидуумов, включая ее саму. Вероятное время ее собственной жизни (если исключить убийство, неосторожный передоз или падение с лестницы) теперь превышало время жизни цивилизации, к которой она принадлежала. А это означало, что некоторая часть ее жизни — возможно, несколько десятилетий — станет, мать твою, крайне неприятной, если только люди, занимающие властные посты, не предпримут что-либо, чтобы этого избежать.

Вот только оказывалось, что люди, занимающие властные посты, скажем так, крайне эгоистичны. В точности как сама Кива.

Что опять-таки вполне бы ее устраивало, если бы человеческая цивилизация не близилась к своему долбаному концу.

Но именно так оно, мать твою, и было.

И в этом заключалась проблема.

Именно потому появлялись существа вроде этого долбаного дерьможабеныша Багина Хейвеля и его столь же дерьмово-земноводных боссов, которые с радостью были готовы швырнуть в пропасть экономические основы общества лишь для того, чтобы сэкономить несколько марок, которые все равно не будут иметь никакого значения, когда рухнет цивилизация и их жирные влажные задницы вдруг окажутся по вкусу изголодавшимся толпам. Дерьможабеныш Багин Хейвель и его боссы не думали ни о чем другом, кроме как о собственных весьма краткосрочных интересах.

Вряд ли Кива могла сказать, что чем-то фундаментально отличается от них — по крайней мере, пока Хейвель не начал что-то подобострастно вякать, — но она поняла, что в данный момент численность в корне эгоистичных и своекорыстных людей, которых способна терпеть человеческая цивилизация, особенно в той части общества, которая могла реально повлиять на судьбу человечества, существенно сократилась. Возможно, мысль эта и не стала для Кивы истинным откровением, но ее вполне хватило, чтобы осознать: либо придется стать не столь эгоистичной, либо найти способ сделать менее

эгоистичными других.

Естественно, ей самой не хотелось становиться менее эгоистичной. Как уже было сказано, ее эгоизм прекрасно работал, помогая ей добиться успеха, и она не видела причин что-либо менять. Если совсем честно, больше всего ей сейчас хотелось привести Сению к себе домой и оттрахать ее до потери сознания, поскольку если уж Кива собиралась испробовать для разнообразия так называемую моногамию и все с ней связанное, то непременно в полной мере. И хотя Сения, вероятно, получала определенное удовольствие (а она его получала, если верить ее словам), Кива занималась с ней любовью вовсе не ради этого. Она делала это ради себя самой, что ее вполне устраивало.

Соответственно, измениться предстояло другим.

И это было непростой задачей. Вряд ли кто-то столь же эгоистичный, как она, захотел бы хоть в чем-то меняться.

Кива осознала кое-что еще, не менее важное: для эгоистичных и своекорыстных людей наступил своего рода переломный момент. Насколько она могла понять, каждый раз, когда эгоисты сталкивались с мучительным, меняющим всю

их жизнь кризисом, они проходили через пять четко выраженных стадий:

1. Отрицание.
2. Отрицание.
3. Отрицание.
4. Долбаное отрицание.
5. Твою мать все ужасно хватай что можешь и беги.

Судя по появлению в ее кабинете Багина Хейвеля и его стратегии нападения, можно было предполагать, что всерьез имеет место пятая стадия.

Это осложняло задачу Кивы, поскольку те, кто готов был хватать все, что можно, прежде чем все полетит к чертям, вряд ли были склонны внезапно становиться альтруистами.

Что ж, прекрасно. Киве нравились непростые задачи.

Дверь в кабинет Кивы открылась, и вошел ее помощник Бантон Салаанадон.

— Леди Кива, — сказал он.

— Пора на челнок? — спросила Кива.

— Нет, — ответил Салаанадон, но тут же поправился, подняв руку: — Да. Но я пришел не поэтому.

— Тогда почему?

— Новости из дома Ву.

— Что случилось? — Имперо являлась членом дома Ву, хотя и не участвовала в его повседневных делах. Возможно, это было как-то связано с ней. — Что-то насчет имперо?

Салаанадон покачал головой:

— Насчет Дерана Ву.

— Ах, этого засранца? Если говорить об эгоизме, то Деран Ву был выдающимся его представителем. Что с ним?

— Он мертв.

— Мертв?

— Убит.

— Это не я.

— Я… не знал, что кто-то может вас подозревать, леди Кива.

— Известно, кто это сделал?

— Пока нет.

— Ладно, а имперо знает? Хоть о чем-нибудь?

Глава 3

Кардения Ву-Патрик проснулась за полчаса до будильника из-за того, что ее возлюбленный, Марс, обожал храпеть. Обычно Кардении удавалось отфильтровать этот фоновый белый шум, который ее мозг хорошо знал и мог им пре-

небречь. Но в последние несколько дней Марс сражался с простудой, отчего его храп стал более громким и не столь размеренным. Храп Марса, разбудивший Кардению, напоминал весьма оживленную беседу двух троглодитов об изобретении огня, охоте на дикого кабана или о чем-то подобном.

Кардения не обращала на храп внимания — он ей даже нравился. Их с Марсом отношения находились еще в той стадии, когда недостатки каждого скорее доставляют радость, чем вызывают раздражение; или, по крайней мере, Кардении все еще доставляли радость недостатки Марса, а Марс был то ли слишком вежлив, то ли слишком осмотрителен, чтобы высказываться о ее собственных. Кардения лениво подумала, наступит ли когда-нибудь такой момент, когда недостатки перестанут радовать и, вместо того чтобы с улыбкой терпеть храп Марса, ей захочется придушить его подушкой. Кардения никогда еще не была с кем-либо в столь долгих отношениях и вдруг представила себе, что, даже придушив любимого, она, возможно, радовалась бы, что они сумели добраться до этой стадии.

Пока же она просто лежала, закинув руку на грудь Марса, и слушала беседу двух троглодитов,

которая наконец завершилась и ее участники покинули свой лагерь, возможно отправившись на поиски мастодонта. Храп Марса стих до своего обычного уровня громкости. Кардения легко провела пальцами по его груди, слегка пощекотав, но стараясь не разбудить, и не в первый уже раз удивилась тому, что им удалось ужиться друг с другом. По ряду причин это казалось маловероятным — и тем не менее.

Она полежала еще немного, пребывая на грани сна и яви и наслаждаясь исходившим от Марса теплом. Затем, за пять минут до того, как будильник должен был разбудить их обоих, она вздохнула и, слегка ворча, выскользнула из постели. Тапочки и халат лежали там, где она положила их накануне вечером. Надев их, она шепотом дала команду часам сбросить будильник. Ей предстояло идти на работу, но Марсу ничто не мешало спать дальше. Может, вернулись бы троглодиты, чтобы продолжить свое совещание.

Кардения приняла душ, вытерлась, расчесала волосы, а затем надела нижнее белье и пеньюар. В данный момент у нее имелось два варианта. Первый — выйти в дверь сразу налево, за которой ждала ее прислуга, ответственная за гардероб, прическу и макияж, а Нера Чернин, глава ее

аппарата, должна была сообщить ей распорядок дня, который начинался с того момента, когда завершался ее макияж, и заканчивался неопределенным моментом в будущем примерно через двенадцать-пятнадцать часов, а может, и позже.

Второй — выйти в совсем другую дверь и побеседовать с теми, кто находился за ней. Даже если бы она вышла в эту вторую дверь, ей не удалось бы избежать общения с Чернин и остальной прислугой — это лишь отсрочило бы неминуемое на все то время, какое она бы там пребывала.

Так или иначе, это никак не меняло того факта, что, совершив столь простое действие, как шаг за порог, она переставала быть Кардинией Ву-Патрик и становилась Грейланд Второй, имперо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королевой Ядра и Ассоциированных наций, главой церкви Взаимозависимости, наследницей Земли и Матерью всего сущего, восемьдесят восьмой имперо из дома Ву.

Посмотрев на обе двери, Кардения вздохнула и подошла ко второй, которая сама открылась перед ней. Грейланд Вторая шагнула через порог.

За дверью находилось большое, практически лишенное обстановки помещение, не считая

выступающей прямо из стены скамьи; оно выглядело почти стерильным. Возможно, здесь не стоило долго задерживаться, но тем не менее Грейланд села на скамью, устроилась поудобнее, насколько это было возможно, и обратилась к главному обитателю комнаты.

— Цзии, — произнесла Грейланд.

Вспыхнули потайные проекторы, и посреди комнаты возникло бесполое человекоподобное существо, которое взглянуло на сидящую Грейланд, подошло к ней и кивнуло.

— Приветствую, имперо Грейланд Вторая, — как обычно, произнес Цзии. — Чем могу помочь?

Грейланд задумчиво посмотрела на стоящую перед ней фигуру. Эта комната называлась Залом Памяти. В ней содержались мысли и воспоминания каждого из предшествовавших имперо, вплоть до самой пророчицы-имперо Рахелы Первой, записанные посредством нейросети, которая была вживлена в мозг каждого имперо, включая Грейланд. Цзии являлся интерфейсом, который каждый из ныне живущих имперо использовал для доступа к своим предшественникам; для этого достаточно было попросить увидеться с кем-то из них, и Цзии их показывал — по одному или нескольких сразу, в зависимости от того, со

сколькими желал пообщаться живой импер.

Все предыдущие импер, кроме одного, считали, что единственное предназначение Цзии — интерфейс для связи с другими импер, обладающий базовым искусственным интеллектом для получения другой информации общего характера. Но, как недавно узнала Грейланд, Рахела Первая, создавая Цзии, добавила ему также совершенно иную функцию — поиск и обнаружение тайной информации по всей Взаимозависимости.

С этой задачей Цзии справлялся не слишком быстро и не слишком успешно — некоторой информации могли потребоваться годы, чтобы оказаться в базах данных Цзии, но недостаток скорости и проницательности с лихвой восполнялся настойчивостью. Рано или поздно все тайное становилось для Цзии явным.

А теперь, поскольку Грейланд об этом знала, и для нее тоже.

— Деран Ву уже двенадцать часов как мертв, — сказала Грейланд Цзии. — Пока не знаешь, кто его убил?

— Не знаю, — ответил Цзии.

— Ты не обнаружил ничего, что могло бы указывать на конкретного виновника?

— После того как об убийстве стало известно всем, последовал вал сообщений от высокопоставленных представителей аристократии и торговых домов, — сказал Цзии. — Все эти сообщения были зашифрованы, что является стандартным почти для всего общения в этих кругах. Мне потребуется некоторое время, чтобы получить к ним доступ с помощью расшифровки или других средств.

— Определи понятие «некоторое время».

— Если потребуется применять метод грубой силы, это может занять десятилетия. Обычно в том нет необходимости, поскольку имеются другие пути получения информации, такие как доступ к камерам видеонаблюдения, показывающим экраны с информацией.

— Читаешь через плечо? — усмехнулась Грейланд.

— Да, — ответил Цзии. — В данный момент ни одно из секретных сообщений, которые я видел, не содержит каких-либо сведений о случившемся, за исключением информации от самих свидетелей.

— И никто из них ничего не писал об окончательном расчете по контракту?

— Нет.

Грейланд недовольно поморщилась:

— Знаешь, мне намного облегчило бы жизнь, если бы ты выяснил все это сегодня.

— Понимаю, — сказал Цзии, и Грейланд не в первый раз подумала, в самом ли деле Цзии ее понимает. Цзии по определению был столь же вызывающе бесстрастен, как и сам Зал Памяти.

— Есть у тебя какая-то новая информация, о которой мне следовало бы знать?

— Об убийстве Дерана Ву или более общего характера?

— И то и другое.

— Никакой информации о Деране Ву больше нет. В более общем смысле — некоторые аристократические дома втайне начали переправлять часть своих богатств на Край, и некоторые члены этих домов, занимающие важные посты, планируют отправиться следом.

Грейланд Вторая кивнула. Ей вовсе не требовался вынюхивающий секреты тысячелетний искусственный интеллект, чтобы понять — до глав благородных семейств и Торговых гильдий, которыми они управляли, наконец дошло, что Поток на самом деле рушится, и, возможно, им хотелось сохранить хотя бы часть своего состояния, отправив их в единственное место

во Взаимозависимости, которое теоретически могло пережить в лучшем случае еще несколько десятилетий. Чтобы сделать подобные выводы, ей хватало вполне законных финансовых отчетов и докладов службы безопасности. Она знала, что на их изучение уйдет часть сегодняшнего дня, и подозревала, что с каждым днем их будет становиться все больше.

«Об этом будем беспокоиться после», — подумала она. Сейчас она находилась в Зале Памяти по причине смерти Дерана Ву и ее возможных последствий. Цзии, при всей его полезности, не принадлежал к числу тех, с кем следовало говорить на эту тему. Грейланд требовался тот, кто имел реальный жизненный опыт управления Взаимозависимостью и ее аристократическими домами, в частности домом Ву. Именно с просьбой вызвать такого человека она и обратилась к Цзии.

— Умер от чая, — проговорил импето Аттавио Шестой, или, вернее, его симулякр — точная компьютерная имитация. Аттавио Шестой был не только предыдущим импето, но, по стечению обстоятельств, еще и отцом Грейланд.

Грейланд кивнула и тут же поморщилась:

— Ну… мы не знаем, что дело именно в чае. Мог-

ла быть отравлена сама чашка. Или, возможно, и в чае, и в чашке содержались некие компоненты, которые, смешавшись, превратились в яд. Этим все еще занимаются следователи.

— Но это определенно был яд? — спросил Аттавио Шестой.

— Да.

— И никто не пытался замаскировать отравление, скажем, под сердечный приступ или инсульт?

— Нет.

— Никаких очевидных подозреваемых?

— Личную помощницу Дерана, Витку Чиньлунь, подавшую ему чай, допросили и держат сейчас под стражей, но, как я понимаю, почти никто не сомневается, что она ничего не знала про яд. Она явно в шоке и готова оказать любую помощь следствию.

— Тебе ее жаль?

— Она непреднамеренно отравила собственного босса, папа. Этого более чем достаточно.

— Да, конечно, — согласился Аттавио Шестой. — Ты ведь не просто так мне все это рассказываешь, верно?

— Я хотела узнать, что ты об этом думаешь.

— Я ничего об этом не думаю. Собственно, я

вообще не мыслю.

Грейланд с минуту пыталась удержать готовую сорваться с языка фразу, поскольку та в равной степени относилась к Аттавио Шестому, Цзии и всем остальным импер о, а потом, вспомнив, что Аттавио Шестой перед ней на самом деле только симулякр, все же сказала:

— Сомневаюсь, что это правда.

— Что я вообще не мыслю?

— Да. Мы с тобой уже достаточно давно таким образом общаемся, и ты не раз задавал мне вопросы и давал советы. Вряд ли бы ты это мог, если бы не мыслил.

— Не совсем верно, — сказал Аттавио Шестой. — По крайней мере, в том смысле, как ты понимаешь мышление. Данный симулякр способен на качественные эвристические аппроксимации. Я могу высказывать предположения, основываясь на собственном жизненном опыте и сохраненной модели моего образа мышления при жизни.

«Собственно, по сути, это и есть мышление», — подумала Грейланд, но не стала озвучивать свою мысль, сознавая, что в очередной раз ввязывается в телеологическую дискуссию со своим покойным отцом, или его копией, и что в данной ситуации это мало чем ей поможет.

«Наша цивилизация рушится, но при этом кто-то отравил Дерана Ву», — вздохнув, подумала Грейланд. Очередная подлость, с которой Грейланд могла бы почти смириться, если бы это заодно не осложняло ей жизнь.

— Попробую сформулировать иначе, — сказала Грейланд призраку отца. — Что бы ты подумал на этот счет, если бы был способен думать?

— Смерть Дерана служит неким намеком, — ответил Аттавио Шестой.

— В смысле?

— Твой родственник убит на глазах у всех. Отравлен своим любимым чаем. Никто не пытался скрыть отравление, хотя сделать это было относительно легко. Убийца хотел, чтобы все понимали, что это именно убийство.

— Террористы? — предположила Грейланд.

— Возможно, — согласился Аттавио Шестой. — А может, что-то другое. Никакая организация не взяла на себя ответственность за его смерть?

— Обычные группировки, которые берут на себя ответственность за все подряд, — ответила Грейланд. — Моя служба безопасности утверждает, что никто из них не имеет к этому никакого отношения.

— То есть никаких серьезных заявлений не

последовало?

— Нет.

— В таком случае, возможно, это не террористы, — сказал Аттавио Шестой. — А если даже и так, то у них некие долгосрочные цели и они не преследуют немедленную выгоду.

— Например?

— У меня пока недостаточно информации. Кто мог хотеть смерти Дерана Ву?

— Примерно половина аристократических домов, — усмехнулась Грейланд, — немалое количество военных и депутатов парламента и, вероятно, все члены бывшего совета директоров дома Ву.

— И ты, — добавил Аттавио Шестой.

— Прошу прощения? — удивленно моргнула Грейланд.

— Если мне не изменяет память, Деран Ву участвовал в заговоре против твоего правления.

Грейланд улыбнулась в ответ на его реплику, из которой неявно следовало, что симулякр покойника обладает знаниями о событии, произошедшем долгое время спустя после его смерти.

— Он выступил против заговора и выдал всех его участников, — сказала она.

— Возможно. Ты не первая импер, которая

воспользовалась информацией от перебежчика лишь затем, чтобы расправиться с ним после.

— А ты? — Грейланд, прищурившись, взглянула на отца. — Убивал кого-нибудь таким образом?

— Нет.

— Приказывал кого-нибудь убить?

— Не напрямую, — сказал Аттавио Шестой.

— Не напрямую?!

— Убийство не входило в число тех средств, которыми я предпочитал пользоваться. Но даже при этом мне не раз хотелось, чтобы кто-нибудь избавил меня от какого-нибудь священника с чересчур турбулентным характером.

— Ты приказывал убивать священников?

Грейланд понятия не имела, что у ее отца имелись какие-то проблемы с церковью Взаимозависимости, номинальным главой которой он являлся, как и она сейчас.

— Я в иносказательном смысле, — сказал Аттавио Шестой. — Можешь сама проверить. Суть в том, что я решил не делать убийства частью моего правления. Можешь, однако, поинтересоваться мыслями на этот счет у своей бабушки. Скорее всего, ее ответ будет совершенно другим.

Грейланд подумала о Зетиан Третьей, ее бабке со стороны отца, и слегка вздрогнула. Вряд ли

Зетиан Третья запомнилась бы с лучшей стороны в истории — или в том ее обрывке, что еще оставался.

Аттавио Шестой заметил, как вздрогнула его дочь.

— Как я понимаю, ты тоже предпочитаешь не потакать убийствам.

— Да, предпочитаю.

— Возможно, это разумно.

— Возможно?

— Убийство никогда не бывает чистым и всегда имеет последствия. Но тебе довелось править в турбулентные времена, — сказал Аттавио Шестой. Грейланд отметила про себя повторное упоминание слова «турбулентный». — Ты пережила два почти удавшихся покушения и одну почти удавшуюся попытку переворота. Вряд ли бы тебя слишком сурово осудили, если бы ты как импера решила ускорить справедливый приговор тем, кто строил заговоры против тебя.

Грейланд представила себе перечень имен, которые могли бы оказаться в ее списке, если бы таковой у нее имелся. Ее службе безопасности хватило бы работы до окончательного коллапса Взаимозависимости.

— У нас хватает других, более настоятельных

забот, — ответила она.

— Возможно, это разумно, — повторил Аттавио Шестой. — Если покончить со своим родственником решила не ты, лучше всего начать составлять список тех, кто мог бы это сделать, и посмотреть, куда это приведет. — Грейланд кивнула. — Предполагается, что ты вообще как-то заинтересована в том, кто его убил, — добавил Аттавио Шестой. — Помимо формального расследования.

— Естественно, заинтересована.

— Повторяю: он участвовал в заговоре против тебя.

— Да, но, помимо всего прочего, от его смерти мне нет никакой пользы, — сказала Грейланд. — Его задача состояла в том, чтобы управлять домом Ву и держать его в узде. Теперь он мертв, и члены совета директоров уже дерутся за власть. Если Деран окажется единственным из семейства Ву, убитым в ближайшие несколько месяцев, можно считать, что нам повезло.

— Формально глава дома Ву — ты, — заметил Аттавио Шестой.

— Формально имперо не пытались управлять домом Ву много столетий, — возразила Грейланд. — Меня уже невзлюбили родственники за то, что я урезала состав совета и поставила Дерана

во главе его, и мне сошло это с рук только потому, что против меня выступила Джейсин Ву, так что у меня имелся повод для подозрений. Если только не обнаружатся очевидные доказательства, что его убил кто-то из совета, у меня нет никаких политических причин для вмешательства. А если я все же попытаюсь, то столкнусь с впечатляющим сопротивлением. Так что я не могу себе этого позволить. По крайней мере, пока.

Аттавио Шестой наклонил голову.

— Недавно ты подавила мятеж. Наверняка у тебя есть политический капитал, который можно тратить.

Грейланд снова улыбнулась, на этот раз печально:

— Можно считать и так, отец. Но, как ты сам сказал, времена теперь… турбулентные.

— О чем ты заранее знала. Я предупреждал тебя, когда ты приняла корону.

— Да, предупреждал, — кивнула Грейланд. — Ты тогда еще говорил, что, по твоему мнению, я ко всему этому не готова. Помнишь?

— Помню, — ответил Аттавио Шестой.

— И что ты теперь об этом думаешь? — Грейланд подняла руку. — В смысле, что бы ты подумал, если бы был способен думать?

Аттавио Шестой помедлил. Грейланд понимала, что в этой паузе нет необходимости и она вставлена в симулякр Аттавио лишь потому, что Зал Памяти осознавал — в подобный момент, когда двое людей ведут подобного рода беседу, требуется пауза, пока отвечающий человек приведет в порядок свои мысли. Целью паузы было изобразить для Грейланд более аутентичную психологическую человеческую реакцию. Не более того.

Но это никак не помешало тому, чтобы за время этой короткой паузы на Грейланд нахлынул целый поток чувств — что ее оценивают и делают вывод о ее несостоятельности и что ее отец, или его копия, пытается сообразить, как помягче сообщить дочери, что ей, к сожалению, не по плечу та задача, за которую она взялась.

— Тебе это не по плечу, — прямо сказал Аттавио Шестой. — Но с другой стороны, кто еще, если не ты?

Грейланд шумно выдохнула, только теперь поняв, что затаила дыхание.

— Спасибо, что добавил последнюю часть, — ответила она.

— Я сделал это вовсе не из сочувствия к тебе.

— Знаю. Ты для этого не запрограммирован. Но

все равно спасибо.

— Не за что, — ответил Аттавио Шестой. — Насчет убийства твоего родственника — что ты намерена предпринять дальше?

— Напрямую — ничего, — сказала Грейланд. — Этим уже занимаются моя служба безопасности и другие следователи. Как я уже сказала, у меня хватает и более настоятельных забот.

— И все-таки ты пришла ко мне об этом поговорить.

— Я решила, что другой имперо, возможно, что-то знает об убийстве.

— Вряд ли я сообщил тебе нечто такое, чего ты уже не знала.

— Да, — согласилась Грейланд. — Но тебя не существует, так что ты можешь относиться к этому бесстрастно. И думаю, ты прав. Убийство послужило неким намеком. Нужно лишь расшифровать, кому именно.

— Это зависит от того, кто стоял за убийством, — сказал Аттавио Шестой. — И, как ты уже говорила, очевидных подозреваемых нет.

— Нет, — кивнула Грейланд. — Но у меня есть предположение.

Глава 4

Когда Надаше Нохамапитан проснулась, ее переполняла ненависть — в чем в последнее время не было ничего необычного.

Кого же и что она ненавидела сегодня? Что ж, посчитаем.

Для начала она ненавидела собственную каюту. Впрочем, для коробки размером три метра в длину, два метра в ширину и два метра в высоту, в которой ей теперь приходилось существовать, название «каюта» выглядело чрезмерно громким. Тюремная камера, в которой она провела несколько месяцев, была и то больше, да и пахло тут хуже. В каюте имелась складная койка с ремнями, удерживавшими ее обитателя, когда отключались пресс-поля, что случалось нечасто. Матрас на койке, толщиной в два сантиметра, похоже, был сделан из древесно-стружечной плиты и отчаяния, а от спального мешка, которым ее снабдили, несмотря на все заверения, что он почищен и дезинфицирован, воняло так, будто в нем занимались самоудовлетворением десятки одиноких звездолетчиков, оставив разлагаться следы своей бурной деятельности.

В каюте не было ни окон, ни украшений, она,

казалось, лишь урывками подключалась к вентиляционной системе, а каждые несколько минут раздавался сводящий с ума звук, напоминавший Надаше хрип подавившегося металлическим леденцом младенца. В первую свою ночь в каюте Надаше тщетно пыталась найти источник этого звука, постепенно доводившего ее до бешенства, пока наконец не застегнулась наглухо в спальном мешке, закрыв уши руками и вдыхая вонь остатков космической спермы, и впала в тревожное забытье.

Капитан заверял ее, что это лучшая каюта на корабле.

Помимо каюты, она ненавидела сам корабль под названием «Наша любовь не может больше длиться» — грузовик, совершавший рейсы между планетой Ядро и Орлеаном, средних размеров космическим поселением на орбите звезды Ядра, чуть ближе к ней, чем само Ядро. «Нашей любви» на вид было лет сто, и, похоже, ее приводили в порядок в лучшем случае раз в десятилетие. Когда Надаше оказалась на ее борту и взглянула на стены и переборки, первой ее мыслью было не столько опасение заразиться от них какой-нибудь дрянью, сколько попытка понять, какой именно. Учитывая, что через неделю после прибытия на

корабль она подхватила острый бронхит, она не сильно ошибалась.

«Наша любовь» являлась независимым грузовым кораблем, хотя данное наименование было всего лишь изящной метафорой для понятия «контрабандистское судно». Корабль перевозил небольшое количество легального товара, что давало ему доступ к причалам Ядра и Орлеана, а под покровом законного груза таился бескрайний океан нелегального, как банального, так и весьма хитроумного, — дешевые подделки, товары, произведенные вне легальных монополий или с нарушением авторского права, все, что угодно, — от оружия до рома. Все знали, что такое корабль «Наша любовь» и чем он занимается, но никого это не волновало, поскольку контрабанда приносила хорошие деньги, и капитан Робинетт щедро их раздавал — естественно, не команде, но портовым чиновникам, стивидорам, барменам и имперским советникам по налогам. Капитан Робинетт пользовался немалой популярностью.

Для капитана Робинетта Надаше была лишь еще одним предметом контрабанды на «Нашей любви», не считая того, что с нее, в отличие от груза, взяли заоблачную цену за путешествие с Ядра до Орлеана и обратно. Единственное, что ей

предоставил Робинетт, была каюта, которую до этого использовали двое не имевших лицензии корабельных секс-работников, Джини и Рольф, для свиданий с клиентами, — возможно, как теперь сообразила Надаше, именно этим и объяснялось состояние спального мешка. Джини и Рольфа переместили в каюту доктора Брэдшоу, которой теперь приходилось спать после них на той же койке, и она каждый раз яростно ворчала на Надаше, когда та приходила за лекарством от своего бронхита.

Впрочем, Надаше не особо беспокоилась, что доктор Брэдшоу сдаст ее властям на Ядре или Орлеане. Как и почти каждый второй член команды «Нашей любви», доктор Брэдшоу сама скрывалась от закона. По ходившим на корабле слухам, она заколола своего бывшего любовника, воткнув ему нож прямо в почки. Фамилия доктора Брэдшоу была вовсе не Брэдшоу — ее она получила вместе с местом на «Нашей любви», из списка, который вел на борту корабля капитан Робинетт. Брэдшоу звали вовсе не Брэдшоу, Джини и Рольф тоже на самом деле не были Джини и Рольфом, а Робинетт не был Робинеттом, когда совершал первый рейс на «Нашей любви» тридцать лет назад.

Даже у Надаше имелось корабельное имя, хотя

вряд ли оно имело смысл для бывшей невесты кронпринца Взаимозависимости, заодно оказавшейся также нынешним Врагом Империи Номер Один. «Порядок есть порядок», — сказал Робинетт и нарек ее именем Карен.

Надаше терпеть не могла это имя, и еще больше она ненавидела дурацкий порядок, по которому все получали новые имена. Еще она ненавидела «Нашу любовь» за то, что заработала на ней бронхит. Ненавидела она и то, что, хотя пребывание на «Нашей любви» избавляло ее от тюрьмы, оно само по себе означало тюремный срок, поскольку покинуть корабль она не могла. В отличие от доктора Брэдшоу, Джини, Рольфа или любого другого члена этой команды с чужими именами, стоило ей хоть на секунду высунуть голову с корабля, как ее тут же заметили бы и схватили. На команду «Нашей любви» можно было положиться в том, что они не выдадут Надаше. Никто другой во всей системе подобных гарантий не давал.

И еще одно — она ненавидела сам факт, что ей приходится скрываться.

Умом она, естественно, прекрасно понимала, почему оказалась в подобной ситуации. Когда ты спровоцировала всепланетный мятеж, убила собственного брата при покушении на импер о,

сбежала из тюрьмы и участвовала в заговоре с целью свержения монархии — необходимость скрываться становится не только вероятным следствием вышеперечисленного, но, если честно, самым лучшим из возможных сценариев. Это ей было ясно.

Но от этого ее заключение в вонючей каюте на ржавом корабле в компании готовых воткнуть нож в почки злодеев не становилось приятнее, с какой стороны ни посмотреть.

Надаше никак не могла отрицать тот факт, что она на неопределенный срок скатилась на самое дно общества. Когда-то — еще совсем недавно! — она готовилась стать супругой наследника и матерью будущего импер. Даже если бы это ей не удалось (как оно в итоге и оказалось), у нее имелся запасной план: сделать своего брата Грени герцогом Края до того, как произойдет смещение течений Потока, обеспечив тем самым, что после этого смещения новой имперской династией станут Нохамапитаны, а не Ву.

Но и из этого ничего не вышло. Грени оставался на Крае и, возможно, уже стал герцогом, но оказалось, что течения Потока ведут себя вовсе не так, как хотелось Надаше и как говорила ей специалист по физике Потока Хатида Ройнольд.

Вместо того чтобы смещаться, они полностью разрушались. Надаше пришла в ярость, узнав, что Ройнольд ошибалась, и расправилась бы с ней, если бы ее мать уже не взорвала ученую в космосе вместе с десятками других людей, опрометчиво пытаясь выступить против имперо.

Ее мать!

И это еще одно, что она ненавидела.

Не мать саму по себе — с этим можно было пока повременить, — но то, что ее мать, графиня Нохамапитан, готовила свой собственный переворот против нынешней имперо. Мало того что попытка переворота провалилась, так еще после этого ее матери не пришло в голову ничего умнее, как заорать прямо в лицо имперо, что она, графиня Нохамапитан, убила бывшего кронпринца, чья смерть до этого считалась несчастным случаем.

На самом деле поступать так было глупо. Надаше ненавидела не только то, что ее мать оказалась в тюрьме за измену и убийство — в той же самой тюрьме, куда, по иронии судьбы, попала за измену и убийство сама Надаше, — но и то, что семейство Нохамапитан оказалось навеки отстранено от управления домом и его торговой монополией, которой теперь управляла мелкая представительница другого, намного менее

успешного аристократического дома.

То была долбаная Кива, долбаная Лагос, как наверняка выразилась бы несдержанная на язык Кива, которую Надаше терпеть не могла. Впервые пути Кивы и Надаше пересеклись в университете, где, не считая того недолгого времени, когда Кива использовала Грени, брата Надаше, как секс-игрушку, они решили, что лучше всего для обеих будет держаться друг от друга подальше — для Надаше потому, что ей не хотелось проводить время в компании тех, кто занимал положение ниже нее, а для Кивы потому, что она поставила себе целью оттрахать всех в университете, и ее нисколько не волновало, стоит ли на ее пути Надаше или нет.

Они продолжали избегать друг друга и в последующие годы, пока Кива каким-то образом не дотрахалась до раскрытия участия Надаше в покушении на импера и убийстве собственного брата. За это ее вознаградили правом временно руководить местными делами дома Нохамапитан, что повлекло, скажем так, дальнейшие проблемы, когда Кива частой расческой прочесала финансы Нохамапитанов, обнаружив немало незаконных денежных потоков.

По мнению Надаше, Кива была сквернословя-

щей, низкопробной дрянью, и этого было достаточно, чтобы ее ненавидеть. Но сам факт, что этот сквернословящий мусор теперь заведует ее семейным бизнесом и состоянием, в то время как сама Надаше сражается с постоянным кашлем в коробке размером 2 × 2 × 3 метра, заставлял ее ненависть выплескиваться через край.

При всем при этом Кива Лагос вовсе не занимала верхней строчки в списке предметов ненависти Надаше Нохамапитан, как и «Наша любовь», ее команда, каюта Надаше, ее статус беглянки, глупость ее матери или бронхит. Верхнюю строчку занимала, причем с существенным отрывом, нынешняя имперо Грейланд Вторая.

Естественно, для этого имелось множество причин, начиная с того, что та вообще стала имперо, чего никто не ожидал, и что вследствие гетеросексуальности имперо и явного ее нежелания проявить в этом отношении гибкость, Надаше лишилась всяческих шансов выйти замуж за имперо или родить нового. Далее — имперо отказалась всерьез рассматривать Амита, брата Надаше, как возможного супруга, закрыв для Нохамапитанов возможность породниться с имперской династией. А затем последовала реакция Грейланд на неоднократное вероломство дома

Нохамапитан, вследствие чего тот полностью лишился каких-либо прав, что хоть и выглядело вполне разумным с юридической и династической точек зрения, решительно не устраивало Надаше, на которую в итоге пришелся главный удар.

Но больше всего Надаше ненавидела упорное нежелание Грейланд попросту умереть, не важно — от бомбы, или случайно сошедшего с курса челнока, или взрывной декомпрессии в глубинах космоса, или, черт побери, не стоит привередничать, от застрявшего в трахее куска пирога, или еще от чего-нибудь столь же банального. Хватило бы кусочка пирога! Если честно, в данный момент Надаше удовлетворила бы любая причина безвременной смерти Грейланд.

Надаше прекрасно понимала, что, пестуя подобные мысли, она полностью причисляет себя к категории законченных злодеев по отношению к имперо. Оправдаться она могла лишь тем, что имперо слишком дорого ей обошлась, лишив ее брата, матери, аристократического дома и тесно переплетенного с имперской династией будущего. И не имело никакого значения, планировала ли имперо все это изначально и в какой степени Надаше и ее семья стали соавторами

собственных невзгод. Когда в итоге все свелось к голым ржавым стенам каюты, Надаше ничего не оставалось, кроме как ненавидеть импер и злиться, что наивная дура, носящая этот титул, продолжает существовать.

В данный момент Надаше считала, что свела бы вничью счет в игре под названием «жизнь», даже если бы ей ничего больше не удалось, кроме как покончить с Грейланд Второй.

Но естественно, у нее — все еще! — имелись и другие, более величественные планы.

В дверь каюты постучали, и та со скрежетом открылась, впустив первого помощника Номика, который, по слухам, сжег нескольких своих приятелей, пытаясь приготовить некие незаконные и, судя по всему, сильногорючие вещества в ванной собственного дома в его родной системе.

— Карен, — сказал Номик, заставив Надаше поморщиться, — к вам посетитель. Он в каюткомпании. Я вас к нему провожу.

— Спасибо, — ответила Надаше, откашлялась, взяла свой планшет и последовала за Номиком по коридорам «Нашей любви», пропахшим металлом, плесенью и старьем.

— Мне сказали, чтобы я называл тебя Карен, — произнес посетитель, когда она вошла

в кают-компанию. Первый помощник Номик нахмурился, услышав столь непочтительное обращение, и вышел. — Значит ли это, что мне тоже следует использовать псевдоним?

— Предпочитаешь псевдоним? — спросила Надаше, садясь за тесный, грязный стол в столь же тесном и грязном помещении, и жестом предлагая посетителю сделать то же самое.

— В общем, нет, — ответил посетитель. — Меня вполне устраивает имя Простер Ву, и менять я его пока что не собираюсь. — Он сел и огляделся вокруг. — Не очень-то похоже на твое обычное окружение, Карен.

— Это временно.

— Уверена?

— Если бы ты так не считал, тебя бы здесь сейчас не было. Кстати, за тобой никто не следил?

Простер раздраженно отмахнулся:

— В данный момент я самый высокопоставленный из ныне живущих членов дома Ву, не считая самой имперо. Естественно, за мной следят. — Надаше напряглась, но Простер поднял руку. — Но с точки зрения всех остальных, я прибыл сюда, чтобы забрать партию произведенных на стороне бренди и портвейна, которыми сейчас занимается мой водитель. Банальная контрабанда. Тебе

ничто не угрожает.

Надаше немного расслабилась:

— То есть ты полагаешь, что со мной все еще следует считаться?

— Должен признаться, я не сразу сообразил, что это ты отравила Дерана, — улыбнулся Простер. — Я ожидал кое-чего иного.

— Чего еще ты мог ожидать?

— Ну… не знаю, — признался Простер. — Но именно ты послала тот челнок, который врезался в грузовой отсек, чтобы убить импере. Полагаю, я ожидал чего-то… погромче.

На этот раз улыбнулась уже Надаше. Достав планшет, она открыла приложение и положила планшет перед Простером.

— Что это? — спросил он.

— Программа срабатывания бомб, которые я заложила в зале заседания совета директоров дома Ву, — ответила Надаше. — Они появились там тогда же, когда и отравленный чай среди того небольшого запаса напитков, что имелся у помощницы Дерана.

Простер с сомнением взглянул на программу.

— И как же они там оказались?

— Хватит тебе, Простер, — сказала Надаше. — Ты же не рассчитываешь, что я стану выдавать

свои корпоративные тайны?

— Собственно, если ты желаешь, чтобы наш разговор продолжился — да, рассчитываю.

— Прекрасно. Когда вернешься, поищи, кто из вашего обслуживающего персонала не появлялся на работе с того дня, как умер Деран, а когда найдешь, поручи своим людям поинтересоваться его биографией и местопребыванием. Ты обнаружишь, что такого человека не существует, хотя он проработал у вас несколько лет… Этот грязный кораблик, — Надаше обвела вокруг рукой, — не единственное место, где поддельные личности в порядке вещей.

— Корпоративный шпионаж, — проговорил Простер.

— Только не делай вид, будто тебя это потрясло. Сомневаюсь, что дом Ву не занимается тем же самым дерьмом.

— Где сейчас этот человек?

— У себя дома, — ответила Надаше. — Или в пути домой. В нынешнее время всем хочется оказаться дома. Похоже, цивилизации приходит конец.

Простер показал на планшет с программой.

— Какой смысл было мне это показывать?

— Ты сказал, что ожидал чего-то погромче, и

мне хотелось дать тебе понять, что я могла устроить нечто куда более громкое, если бы решила, что мне это действительно нужно. — Она взяла планшет, закрыла программу и протянула планшет Простеру. — Держи. Пусть этот маленький сувенир напоминает тебе, что я могла не просто избавиться от Дерана. Я могла уничтожить всех важных представителей семейства Ву и повергнуть весь дом в хаос. У меня был такой вариант, но я им не воспользовалась.

Простер взял планшет:

— А почему, собственно? Я бы в твоей ситуации именно так и поступил.

— Ну… возможно, я бы так и сделала, не будь в том зале тебя, Простер.

— Меня? — ошеломленно переспросил он.

— Ты сам сказал, что в данный момент ты самый старший из Ву. Вряд ли после случившегося у тебя есть планы доверить пост управляющего кому-то еще.

— По традиции тот, кто руководит службой безопасности, не может претендовать на пост управляющего.

Надаше фыркнула, но тут же закашлялась.

— Да брось, Простер, — проговорила она. — Об этом теперь несколько поздно думать.

— Надаш… Карен, если я и считал Дерана жадным глупцом, недостойным управлять домом Ву, это вовсе не означает, что мне хочется заниматься этим самому.

— А кто еще? — возразила Надаше. — Ты знаешь своих родственников. Кто из них мог бы подойти? Особенно сейчас, когда не приходится ждать ничего, кроме одного кризиса за другим?

Простер промолчал, чего и ожидала Надаше. Возможно, Простер с готовностью позволил бы Надаше отравить Дерана — что Надаше с радостью проделала, движимая желанием отомстить, — но в конечном счете он всецело поддерживал дом Ву. Он достаточно долго правил из-за трона, чтобы понимать, что в данный момент никто другой из Ву не достоин этого трона. Надаше с удовольствием наблюдала, как Простер с некоторой неохотой признает данный факт, представляя, как он наконец-то возглавляет самый могущественный дом во Взаимозависимости.

Или, по крайней мере, пока что самый могущественный дом.

— Давай конкретнее, — наконец сказал Простер.

— Конкретнее — в данный момент мы не можем

допустить хаоса. — Надаше показала на планшет в руках у Простера. — Гибель директоров привела бы к хаосу, но отравление Дерана потенциально восстанавливает порядок, возвращая директорам их законную власть над домом Ву. И для тебя, поскольку ты осознаешь необходимость порядка лучше любого другого из директоров, это способ вернуть положению дел его надлежащий вид.

— Ни за что не поверю, будто ты сделала это по доброте душевной, — усмехнулся Простер.

— Нет, конечно, — согласилась Надаше. — У меня свои счеты. Но я свела их — и не более того. Все остальное было бы губительно. Близится конец времен, Простер. Наши нынешние поступки определяют, выживем ли мы, выживет ли кто-либо из нас — в грядущем.

— И как во все это вписываюсь я?

Надаше снова кивнула в сторону планшета:

— Я заслужила хоть немного твоего доверия?

— Немного.

— Скажу честно: твоя дорогая родственница-империо в данный момент не самая популярная персона среди представителей аристократических домов и парламента.

— Поскольку недавно она посадила за решетку немалый процент и тех и других по обвинению в

измене, пожалуй, соглашусь, — кивнул Простер.

— И ты наверняка согласишься, что подобный поступок лишь способствовал хаосу в худшие из возможных времен для всех нас.

Простер пристально взглянул на Надаше:

— Как скажешь.

— В таком случае мне хотелось бы, чтобы ты, Простер Ву, организовал для меня небольшую встречу. Чтобы поговорить с теми, чьи планы разрушила наша имперо.

Простер изумленно уставился на нее.

— Как ты понимаешь, это будет непросто, — наконец сказал он. — Империо уже поручила провести расследование деятельности всех их домов. Твой дом лишен всех прав. Да и ты сама, — он обвел рукой кают-компанию, — оказалась не в лучшем обществе и ничего не можешь с этим поделать.

— И опять-таки, Простер, если бы ты в самом деле так считал, тебя бы сейчас здесь не было.

Простер взял планшет:

— Будь ты умнее, ты бы мне его не отдала.

— Будь ты умнее, Простер, ты бы давно понял, что я бы тебе его не дала, если бы у меня не было других способов получить от тебя то, что мне нужно.

— Это уже напоминает угрозу.

— Я бы скорее назвала это страховкой, — сказала Надаше. — Которой я все равно не воспользуюсь, поскольку мы с тобой хотим одного и того же.

— А именно?

— Порядка. И выживания. На наших условиях. А не твоей родственницы.

— Похоже, ты всерьез ненавидишь Грейланд, — задумчиво проговорил Простер.

— Я ее не ненавижу, — солгала Надаше. — Я считаю, что она по уши в дерьме. Проблема в том, что, когда она в нем утонет, она утащит с собой всех нас. Тебя. Меня. Все дома. И Взаимозависимость. Я лично тонуть не собираюсь.

Простер встал:

— Мне нужно подумать.

— Конечно, — кивнула Надаше, продолжая сидеть. — Когда надумаешь, ты знаешь, где меня искать. — Простер кивнул в ответ и направился к выходу. — Но, Простер…

Простер помедлил на пороге:

— Да?

— Не забывай, что у нас мало времени.

Простер что-то проворчал и вышел.

Надаше сидела одна в кают-компании, продол-

жая ненавидеть, строить планы и между делом размышлять, сколько времени у них у всех на самом деле осталось.

Глава 5

Вскоре после того, как стало ясно, что происходящее между ними вовсе не мимолетный роман и что Кардения Ву-Патрик в самом деле испытывает к Марсу Клермонту те же чувства, что и он к ней (в более или менее одинаковых пропорциях), новая подруга Марса, которая оказалась также имперо Взаимозависимости Грейланд Второй, вручила ему первый подарок — карманные часы.

— А я тебе ничего не подарил, — сказал Марс, когда после сеанса томного секса, который, по его мнению, можно было бы назвать настоящей любовью, она протянула руку к тумбочке, насчитывавшей, вероятно, лет пятьсот и стоившей больше, чем Марс мог бы заработать за всю жизнь, достала карманные часы и сказала ему, что это для него.

— Естественно, ты мне ничего не дарил, — ответила Кардения. — Да и что такого ты бы мог мне подарить из того, чего у меня еще нет? В буквальном смысле, — добавила она, заметив

притворную обиду в его взгляде. — Ты же знаешь, у меня настоящие склады подаренных мне вещей, которых я никогда не видела. — Она взяла в руку часы. — Собственно, они оттуда же.

— Твой первый подарок мне — регифт? — с наигранным ужасом спросил Марс.

Кардения легко шлепнула его по плечу.

— Прекрати. На самом деле еще хуже — эти часы подарили даже не мне. Как говорит мой управляющий складом, их подарили Хуэй-Иню Третьему, что означает, что им около двухсот лет.

— Как ты их нашла?

— Я их не искала. Просто сказала кое-кому, что мне нужны карманные часы, и мне принесли на выбор пару десятков со склада.

— Чем дальше, тем больше вся эта история начинает мне казаться лишенной каких-либо чувств. Аж страшно становится.

— Угу, знаю. — Кардения слегка приподняла часы. — Но когда я увидела именно эти, я сразу же подумала о тебе. Так что чувства никуда не делись. — Она протянула часы Марсу.

Марс взял их и стал рассматривать, поворачивая в руке. Часы были небольшие, но тяжелые для своего размера, и Марс предположил, что

они механические. Это были карманные часы в охотничьем стиле, с отделкой, напомнившей Марсу олово, хотя он подозревал, поскольку это был подарок импето, что металл более дорогой. Гравировка на обеих крышках изображала цветущие лозы, а центральным украшением спереди являлась спираль Фибоначчи, заканчивавшаяся стилизованным цветком с дюжиной лепестков. Открыв часы, Марс взглянул на циферблат, оказавшийся простым и изящным. Цепочка часов поблескивала крошечными изумрудами, вделанными через каждые несколько звеньев.

— Воистину, это самый прекрасный подарок из всех, что я когда-либо получал, — сказал Марс.

— Рада слышать, — лучезарно улыбнулась Кардения.

— Обычно мне дарили плюшевых зверей или фрукты.

— Запомню на будущее.

Марс взвесил часы в руке:

— Страшно боюсь уронить их, потерять, поцарапать или еще что-нибудь.

— Твоя импето будет недовольна, — комично понизив голос, проговорила Кардения.

— Недоволен буду в первую очередь я сам, — ответил Марс.

Кардения показала на внутреннюю сторону крышки:

— Я велела сделать гравировку.

Марс потрясенно взглянул на подарок:

— Гравировку? Для меня?

— Ну да. Раз уж собралась дарить их тебе, и все такое.

— Но ты же говорила, что им пара сотен лет. Вероятно, им место в музее.

Улыбнувшись, Кардения поцеловала Марса.

— Даже если бы они были музейной редкостью, я все равно сделала бы на них гравировку, и тогда их историческая ценность только бы выросла, потому что я импер о. Смешно, но это правда. — Она постучала по часам в руке Марса. — Через несколько сотен лет они, возможно, в самом деле окажутся в музее и люди будущего будут размышлять над смыслом надписи.

— Что ты там написала?

— Прочитай.

Марс слегка повернул часы так, чтобы можно было прочесть надпись. Стиль ее соответствовал стилю часов, и Марс вполне мог бы подумать, что она была там с самого начала как часть дизайна. После слов «Марсу Клермонту, имперскому стражу времени» следовали непонятные символы.

— Это по-китайски, — сказала Кардения. — На языке народа Земли, из которого происходит семейство Ву.

— И что там говорится?

— Там говорится: «Это наше время». — Кардения поморщилась. — Скорее всего, это машинный перевод. Извини.

— Значит, теперь я имперский страж времени?

— Это не официальный титул. Но именно ты рассказал мне, что происходит с Потоком. Именно ты лучше всех знаешь, сколько у нас осталось времени, прежде чем он полностью разрушится. Ты знаешь, сколько дней у нас впереди.

— Как-то это… не слишком радует, — заметил Марс.

— Скажем так — это объяснение для публики. — Кардения потянулась и прижалась к Марсу. — И еще ты оберегаешь время имперо, скрашивая его своим присутствием. Ты имперский страж времени.

Марс осторожно положил часы на столик со своей стороны кровати.

— Не слишком удачный каламбур.

— Какой есть, — согласилась Кардения. — Но пока мы вместе — не все ли тебе равно?

Возражать Марс не стал.

И все же в последовавшие дни и недели он часто думал о своем новом, официально-неофициальном титуле. Марс думал о нем, изучая данные о коллапсе Потока, которые они собрали вместе с отцом и покойной Хатидой Ройнольд, и добавляя к ним как текущие, так и исторические данные о путешествиях по Потоку внутри Взаимозависимости, которые приказала предоставить ему имперо, а также огромный объем данных о Потоке за пределами Взаимозависимости, которыми его снабдил Тома Шенвер, (бывший и покойный) король Понтье.

Новые данные дали ему на несколько порядков больше информации, чем у него имелось ранее. Это позволило ему лучше оценить, когда разрушится давно устоявшийся набор течений Потока, определявший Взаимозависимость, а также когда и где возникнет новый, намного менее устойчивый набор течений — «эфемерность», как назвали его они с Хатидой, и как долго эти течения просуществуют до того, как тоже разрушатся, превратившись в ничто.

Чем больше Марс изучал данные, тем яснее ему становилось, что Кардения, его имперо и возлюбленная, была права. К этому времени с его

набором данных работал почти каждый физик Потока в системе Ядра, а большинство в других системах как минимум приступили к исследованиям. Но никто из них, за исключением его отца и Хатиды, не работал с ними столь долго — вот только его отец уже больше года не получал никаких новых данных, а Хатиды не было в живых.

И это означало, что никто из ныне живущих, кроме него, не способен представить имеющиеся данные во всей их полноте, обобщить и обработать их так, как мог только он один, чтобы снабдить имперо и ее советников самыми лучшими и наиболее точными предсказаниями.

Марс не льстил себе мыслью, будто данным преимуществом он обязан своим прирожденным способностям. Имелись десятки, если не сотни физиков Потока, куда более талантливых, нежели он, начиная с его собственного отца, который первым из них увидел в самых ранних данных грядущий коллапс Потока. Преимущество Марса проистекало лишь из времени, потраченного на изучение и постижение этой проблемы, и он предполагал, что рано или поздно его сменит кто-нибудь другой.

Но пока что он, по сути, являлся имперским стражем времени, единственным человеком,

который лучше всех знал, сколько времени осталось Взаимозависимости.

И все же, чем дольше Марс вглядывался в имевшиеся у него данные, тем больше ему казалось, что он заслуживает чего-то большего.

— Взгляни-ка, — сказал Марс Тома Шенверу. Оба они находились на борту «Оверни», корабля Шенвера, — Марс потому, что ценил дружбу с Шенвером, зародившуюся в дни тяжких испытаний, а Шенвер потому, что в каком-то смысле сам являлся «Овернью» и без нее ему было сложно существовать.

Марс показывал Шенверу компьютерную модель течений Потока внутри Взаимозависимости в ближайшие несколько лет. Процесс шел в сильно ускоренном режиме; прежде стабильные течения Потока вспыхивали синим и внезапно исчезали навсегда, в то время как эфемерные течения мерцали красным. Надежность предсказания становилась чем дальше, тем меньше — синие течения начинали колебаться, входя в предполагаемое окно их коллапса, а красные по мере снижения надежности модели становились белыми. Изображение было исчерчено мерцающими красными, угасающими белыми и подрагивающими синими линиями.

— И что я тут должен увидеть, кроме опасности припадка? — спросил Шенвер.

Марс остановил симуляцию, вернул ее в начало и запустил заново.

— Понаблюдай за эфемерными течениями Потока, — сказал он.

Шенвер снова взглянул на симуляцию, обращая особое внимание на красные линии, а затем на белые.

— Все равно не понимаю, — ответил он.

— Взгляни еще раз. — Марс собрался вернуть симуляцию в начало, но Шенвер поднял руку.

— Даже если я посмотрю ее тысячу раз, я все равно не пойму, что ты хочешь мне показать, Марс.

— Я думал, что уж такой человек, как ты… — нахмурился Марс.

— Такой человек, как я? — улыбнулся Шенвер. — Учитывая, что я фактически больше не человек и существую лишь благодаря доброй воле компьютера этого корабля?

— Ну… в общем, да, — кивнул Марс.

— Это ничего не значит.

— Но ты же управляешь целым кораблем, в основном на подсознательном уровне. Ты как бы и есть этот корабль. Корабль, способный переме-

щаться в пространстве Потока.

— Ты смог бы управлять этим кораблем, Марс?

— Что? Нет, конечно.

— Но это же корабль, способный перемещаться в пространстве Потока, о котором ты все знаешь.

— Да, но это вовсе не… ладно, кажется, я понял, к чему ты клонишь.

— Нисколько не сомневался, что тебе хватит ума.

— И все же я считал, что, имея доступ к функционированию этого корабля, понять физику Потока намного легче, — сказал Марс.

— Возможно, но мне все равно пришлось бы потратить время на ее изучение и постижение. — Шенвер постучал себя по виртуальному лбу. — Моя модель, существующая внутри этого корабля, остается по большей части человеком. Она может управлять кораблем, особо не задумываясь, примерно так же, как ты можешь дышать, не думая об этом. Но если ты хочешь, чтобы я изучил физику Потока, на это потребуется время.

— Сколько? — спросил Марс.

— Вероятно, меньше, чем кому-либо другому, но все равно больше, чем ты, возможно, полагаешь. — Шенвер показал на компьютерную модель. — А пока, может, все-таки просто рас-

скажешь, что я должен был увидеть, вместо того чтобы рассчитывать, будто я пойму сам?

— Все просто, — сказал Марс, снова запуская симуляцию. — В том, как появляются эфемерные течения, есть нечто, что не дает мне покоя, и мне нужен был кто-то еще, чтобы понять, видит ли он то же самое. Никак не могу сообразить, в чем дело. Я чувствую, что тут что-то есть, но… — Марс пожал плечами. — Одного ощущения мало.

— Есть и другие физики Потока, — заметил Шенвер.

— Они все пока далеко позади, — покачал головой Марс.

— В отличие от меня?

— Что ж, я тебя переоценил. — Помедлив, Марс взглянул на Шенвера. — Извини. Не вышло.

— Все отлично вышло, — рассмеялся Шенвер. — Я тебя понимаю.

— Будь жива Хатида, она, наверное, сообразила бы, — сказал Марс. — Эта модель по большей части основана на ее данных.

Шенвер снова посмотрел на симуляцию.

— Мне кажется, что эфемерные течения появляются случайным образом, — сказал он.

— Насколько я могу понять, так и есть, — кивнул Марс. — И время их существования тоже

случайно. Для некоторых — час, для других — почти год.

— И никакой закономерности или ритма?

— Ничего, что я мог бы увидеть, и ничего, что проявилось бы в данных.

— Каковы твои ощущения? — спросил Шенвер. — Ты говорил, будто что-то чувствуешь.

— Я чувствую, что некая закономерность все же есть, — ответил Марс. — Даже не совсем закономерность, но и не нечто полностью случайное. — Он развел руками. — Не знаю, как описать словами.

— Потому что это математика? — предположил Шенвер.

— Да, но я даже не знаю, как описать это математически. Но… — Марс снова пожал плечами. — Не знаю. У меня такое чувство, что, если бы я смог понять, в чем дело, я смог бы выиграть для всех больше времени.

— То есть ты смог бы остановить коллапс течений Потока?

— Нет, я не об этом. — Марс покачал головой и показал на синие линии. Некоторые из них колебались, другие нет, но все в конечном счете исчезали. — Вероятность коллапса этих течений Потока составляет почти сто процентов. Все, что

мы можем, попытаться точно его предсказать, чтобы люди успели подготовиться. С ними мне все понятно. — Он показал на красные и белые течения. — Но с этими — нет. И именно они меня сейчас больше всего интересуют.

— Почему?

Марс снова ткнул в сторону синих линий.

— Потому что они означают, что нам конец, — сказал он. — Если это все, что у нас есть, нам просто не хватит времени. Даже если прямо сейчас отправить людей на Край на всех имеющихся в нашем распоряжении кораблях, мы сумеем доставить туда всего несколько миллионов из миллиардов. Всех остальных ждет то же, что случилось на Даласисле.

При слове «Даласисла» Шенвер посерьезнел. Это была взаимозависимая система, Поток которой рухнул восемьсот лет назад, выбросив ее на мель и обрекая жителей на болезненное истощение ресурсов, которое шло медленно, а затем ужасающе быстро, убивая миллионы.

— И тем не менее некоторым обитателям Даласислы удалось выжить, — сказал он.

— Нескольким сотням, — уточнил Марс. — И, как ты помнишь, жилось им не так уж сладко.

— Помню.

— У нас нет времени, — повторил Марс, кивая в сторону синих линий. — Если мы хотим хоть кого-то спасти, нужно смотреть сюда. — Он бросил взгляд на красные линии. — Нужно найти больше времени. И я должен его найти. — Он снова посмотрел на Шенвера. — Вот только я чувствую, будто мне чего-то не хватает. Хотя и не знаю, чего именно.

— Может, просто не там ищешь? — мягко предположил Шенвер.

— Может быть, — кивнул Марс. — Но я не был бы хорошим ученым, если бы просто отказался от поисков.

— А время у тебя найдется? Сверх всех остальных дел?

— Я имперский страж времени, — ответил Марс. — Я должен попытаться спасти всех. Так что, думаю, найду время.

Глава 6

Императорский дворцовый комплекс на Сиани был настолько огромен, что говорили, будто имперо может посещать по одной комнате в день в течение всего времени своего правления, но все равно не побывает в каждой. Естественно, то, насколько это являлось преувеличением,

полностью зависело от правления каждого конкретного импер, будучи абсолютной истиной в отношении импер Виктоза Первого, который пробыл таковым тринадцать дней и умер от анафилактического шока из-за случайно оказавшихся в картофельном пюре импер-аллергика толченых грибов, и, возможно, не являясь таковой для импер Сизанны, которая взошла на трон в семнадцать лет и дожила до ста двух, передав трон праправнуку.

На самом же деле никто из импер не побывал в каждой комнате императорского комплекса за почти тысячелетие его существования на Сиани, космическом поселении, построенном исключительно для импер и их двора. В дворцовом комплексе имелись не только личные покои импер и их семей, но также жилые помещения для разнообразных министров и персонала, от роскошных апартаментов до фактически общежитий.

Императорский дворцовый комплекс являлся также местом для работы, с кабинетами, конференц-залами, аудиториями, магазинами и кафетериями, не говоря уже о складах, туалетах, спортзалах, шкафах для уборочного инвентаря и электрощитовых. В нем имелись своя тюрьма и

отель (достаточно далеко друг от друга), несколько почтовых отделений как для внутренней, так и межпланетной почты, производственное помещение, а также целое крыло для службы безопасности и комнат для допросов, попасть в которое можно было, либо имея очень высокий допуск, либо совершив нечто по-настоящему ужасное, либо и то и другое одновременно.

Грейланд Вторая не совершила ничего ужасного, но, будучи имперо, обладала достаточно высоким допуском, чтобы попасть в закрытое крыло комплекса. Фактически она никогда раньше там не бывала — в ее собственных покоях и кабинетах имелись свои секретные комнаты, не только соперничавшие по секретности с вышеупомянутым крылом, но и превосходившие его в данном отношении. В любом случае, любой работавший в секретном крыле являлся к ней сам. Сегодня, однако, служба безопасности обратилась к ней с просьбой провести совещание на их территории по материально-техническим причинам.

И потому Грейланд Вторая теперь шла по коридорам ее собственной службы безопасности, направляясь к тщательно охраняемому залу для совещаний. Грейланд не сопровождал никто из

персонала, и с ней был лишь самый минимум личной охраны, нанятой и проверенной обитателями этого крыла дворца.

Никто не таращился на Грейланд, которая шла по коридору в сторону конференц-зала, одетая в темное, ничем не выделяющееся платье — обычную ее одежду не на публике. Если не знать, что это импето, по реакции на ее появление можно было бы решить, что это в лучшем случае кто-то из бюрократов среднего уровня — что вполне устраивало Грейланд, которая продолжала считать окружавший ее ореол импето одной из самых утомительных составляющих ее работы.

Грейланд прошла по коридору и вошла в зал для совещаний, где ее ждали трое. Она кивнула телохранителям, которые закрыли дверь и расположились по обеим ее сторонам. С едва слышным шипением и щелчком дверь отрезала их от внешнего мира. Пока ее не открыли бы изнутри, для проникновения в помещение потребовалось бы что-то наподобие ядерной бомбы.

— Ваше величество, — с поклоном обратился к ней Хайберт Лимбар, глава императорской гвардии, показывая на двух других. — Это Коэт Гамель, заведующий аналитическим отделом имперской службы безопасности. А это Донтела

Себроган, которая занимается исследованиями и симуляциями, о которых вы спрашивали. У обоих, естественно, имеется высший допуск.

Гамель и Себроган поклонились Грейланд, которая поклонилась в ответ.

— Это из-за вас нас попросили прийти сюда? — спросила она. Обычно, встречаясь с Лимбаром, Грейланд не возражала против неформального обращения к себе, но в присутствии новых людей, с которыми имперо, скорее всего, предстояло встретиться первый и последний раз в жизни, она переключилась на царственное «мы».

— Да, ваше величество, — ответил Гамель. — Все здесь присутствующие тщательно проверены. И хотя у нас нет никаких причин сомневаться в том же самом в отношении вашего личного персонала, наверняка пойдут разговоры, пусть даже вполне невинные. Кто-то, кто знает, чем занимаемся мы с Донтела, мог бы предположить, с какой целью мы нанесли вам визит и устроили презентацию.

— Одного нашего визита сюда хватит, чтобы стать темой для разговоров, — сказала Грейланд Лимбару.

— Да, мэм, — кивнул Лимбар. — Но, учитывая масштабы… гм… вызовов, с которыми в данный

момент сталкивается Взаимозависимость, вряд ли стоит ждать консенсуса по поводу того, какой из них является поводом для вашего неожиданного визита.

— Воистину, — печально улыбнулась Грейланд. Дав знак остальным сесть, она села сама. Лимбар, Гамель и Себроган дождались, пока она сядет, прежде чем занять свои места. — В таком случае выслушаем, что стало поводом для нашего визита.

Лимбар кивнул Гамелю, который кивнул в ответ, а затем повернулся к Грейланд.

— Несколько недель назад, после попытки переворота против вас, к моему отделу обратились с просьбой — полагаю, по указанию вашего величества — провести оценку угрозы Взаимозависимости в свете надвигающегося коллапса Потока и прочих факторов.

— Естественно, мы моделировали оценку угрозы с тех пор, как появились свидетельства коллапса Потока, — сказал Лимбар.

— Да, конечно, — согласился Гамель. — Однако в новых оценках учитывался фактор негативных последствий как попытки переворота, так и реакции на него вашего величества.

— Вы имеете в виду, что я бросила в тюрьму

за измену пару сотен самых высокопоставленных и имеющих самые большие связи членов парламента, императорской семьи и духовенства? — спросила Грейланд.

— Именно так, — кивнул Гамель и, кашлянув, показал на Себроган. — Донтела, вне всякого сомнения, лучший аналитик в моем отделе, и ее работа в последний год заключалась в моделировании последствий коллапса Потока. Если ваше величество не возражает, передам слово ей.

— Да, конечно. — Грейланд повернулась к Себроган. — Можете продолжать.

Себроган неуверенно посмотрела на своих начальников, потом снова на Грейланд.

— Ваше величество, — сказала она, — прежде чем начать, я должна задать вам вопрос.

— Слушаю.

— Насколько прямо я могу высказываться, представляя свою оценку?

— Имеется в виду, — улыбнулась Грейланд, — оскорбят ли меня крепкие словечки и, возможно, не слишком приятные итоги?

— Да, мэм.

— Одна из лучших наших советниц, которая и фразы не может сказать, не вставив в нее «твою мать», только что в течение половины заседания

исполнительного комитета пыталась убедить нас, что экономические основы Взаимозависимости находятся под прямой и непосредственной угрозой. Мы полагаем, что вы можете говорить свободно.

— В таком случае, ваше величество, нам всем крышка.

Грейланд не удержалась от смеха.

— И почему же? — спросила она.

— Некоторым из вас это уже известно, — сказала Себроган. — Начался коллапс Потока, который уничтожает многовековые течения, служащие артериями для торговли внутри Взаимозависимости. Когда они исчезнут, отдельные системы Взаимозависимости окажутся отрезанными друг от друга. Поскольку структура Взаимозависимости зиждется на том, что все системы полагаются одна на другую, это означает, что в течение нескольких десятилетий человеческие поселения в этих системах начнут приходить в упадок.

— Эффект Даласислы?

Себроган кивнула.

— Вы дали парламенту несколько месяцев на разработку плана смягчения последствий, но из нашего анализа следует, что разработать реальный план парламент за это время не сможет.

Грейланд кивнула в ответ.

— Из нашего анализа также следует, что вы уже учли в своих планах подобного рода сомнения, — продолжала Себроган.

Грейланд взглянула на Лимбара, который лишь пожал плечами.

— Вы говорили, что вам требуется детальный анализ, мэм, — сказал он.

— И какие мои дальнейшие действия следуют из вашего анализа? — спросила Грейланд, вновь посмотрев на Себроган.

— С наибольшей вероятностью вы попытаетесь частично или полностью реквизировать флот кораблей Взаимозависимости, чтобы переправить как можно больше людей на Край, единственную планету Взаимозависимости, где способно самостоятельно существовать человечество.

— И насколько это сработает?

— Никак не сработает, — ответила Себроган. — Во-первых, успешная попытка национализации в необходимых масштабах крайне маловероятна. Гильдии станут всячески этому препятствовать, а в конечном счете взбунтуются, и в ближайшие несколько месяцев вы, скорее всего, будете низложены. Во-вторых, даже если первый сценарий не осуществится, вам попросту не хватит кораблей,

чтобы переправить всех подданных Взаимозависимости на Край, как всех сразу…

Грейланд подняла руку.

— …так и в варианте, при котором наиболее уязвимые к коллапсу системы будут сперва эвакуированы на другие, не столь подверженные опасности.

Грейланд опустила руку и нахмурилась.

— И в-третьих, общее население Взаимозависимости составляет как минимум двадцать миллиардов человек. На Крае живет меньше ста миллионов. Его инфраструктура не сможет выдержать увеличение населения в двести раз или даже на долю этого числа. Собственно говоря, сама экосистема планеты, скорее всего, рухнет после внезапного — как в человеческом, так и в экологическом смысле этого слова — появления даже нескольких миллиардов людей. Пытаясь спасти человечество, вы быстро погубите то единственное место, где оно способно выжить.

— Для начала — если они вообще сумеют добраться до Края, — заметил Гамель. — Следует исходить из предположения, что Грени Нохамапитан и «Пророчества Рахелы» контролируют отмели Потока, ведущие в систему Края. Они могут уничтожить любой корабль, оказавшийся

на их территории, еще до того, как тот успеет с ними связаться.

— Мы над этим работаем, — сказала Грейланд.

— Так или иначе, ваше величество, других проблем это не решит, — ответила Себроган. — И притом весьма серьезных.

— То есть в любом случае погибнут миллиарды?

— Если ваш план состоит в том, чтобы переправить их на Край на кораблях — да. Но, мэм, вряд ли вам это удастся.

— В каком смысле? — нахмурилась Грейланд.

— Помните, вы разрешили мне говорить прямо? — сказала Себроган.

— Да-да, — раздраженно махнула рукой Грейланд.

Себроган посмотрела на своих начальников, а потом снова на имперо.

— По моим оценкам, в ближайшие три месяца случится очередной переворот или покушение на вашу жизнь, — объявила она. — И скорее всего, удачное.

— Невелика заслуга — предсказать переворот или покушение, учитывая твой послужной список с тех пор, как ты стала имперо, — сказал Аттавио Шестой дочери.

— Спасибо, папа, — ответила Грейланд, расхаживая по Залу Памяти. Аттавио Шестой следил за ней взглядом.

— Я вовсе не хотел тебя обидеть, — заметил он.

— Ты меня ничем не обидел. — Грейланд остановилась и на мгновение задумалась. — Хотя нет, на самом деле обидел. Но ты прав. — Она снова начала ходить туда-сюда.

— И тем не менее тебя это, похоже, удивляет.

— Я думала, что все это уже позади, по крайней мере на какое-то время.

— Потому что ты посадила в тюрьму всех, кто что-то против тебя замышлял?

— Да.

— Этого недостаточно.

— Раньше ты говорил другое, — возразила Грейланд. — Когда я пришла сюда и рассказала тебе, что велела всех арестовать, ты сказал, что я победила.

— Ты в самом деле победила.

— И тем не менее, папа, сам видишь, что теперь, — раздраженно отмахнулась Грейланд.

— Ты победила в очередном раунде, — сказал Аттавио Шестой. — И борьба продолжается.

— Я могу отречься, — задумчиво проговорила Грейланд.

— Будешь не первой.

— Хотя главной проблемы это не решит.

— Проблему переворота вполне решит, — заметил Аттавио Шестой. — Если ты не будешь импер о, тебя не смогут свергнуть.

— Это не главная проблема. Главная проблема — миллиарды людей, которые все равно погибнут, что бы я ни делала.

— В том нет твоей вины.

— В том нет ничьей вины. — Грейланд снова остановилась. — Погоди. На самом деле не совсем. Цзии!

Появилась человекоподобная фигура.

— Да, ваше величество?

— Покажи мне Рахелу Первую. Одну, пожалуйста.

— Да, ваше величество.

Воздух замерцал, и Цзии, и Аттавио Шестой исчезли, сменившись изображением Рахелы Первой, изначальной пророчицы-импер о Взаимозависимости.

Как обычно, Грейланд ощутила легкий трепет при мысли, что она вообще может вызвать Рахелу или ее практически точную копию. Если подумать, Грейланд следовало бы признать, что возможность беседовать с любым из ее пред-

шественников в Зале Памяти сама по себе была чем-то удивительным. Но все прочие импер*о*, не исключая ее отца, были… просто людьми. Само собой, являвшимися в свое время крайне важными персонами, но тем не менее людьми. Грейланд, исполнявшая те же обязанности, что и они, не воспринимала их как в чем-то в корне лучших или худших, нежели она сама.

Рахела, с другой стороны, была основательницей Взаимозависимости, так же как и церкви, получившей то же название. Естественно, ей помогли — над тем, чтобы помочь ей вжиться в разнообразные роли, трудилось все семейство Ву, в те времена столь же тщеславное и коварное, как и сейчас, но в конечном счете именно Рахела привела в действие всю ту структуру, что существовала и поныне.

Хотя в разговорах Грейланд с Рахелой выяснилось, что та точно такой же человек, как и любой другой импер*о*, невероятно циничная и ни в коей мере не святая, это нисколько не преуменьшало значимости предшественницы Грейланд в ее глазах, более того, даже возвышало. Рахеле была свойственна сила духа, чем отличался далеко не каждый из ее последователей-импер*о*.

Грейланд относилась к Рахеле с уважением,

но это вовсе не означало, что та не могла ее раздражать.

— Почему вы не построили Взаимозависимость так, чтобы она могла пережить коллапсы Потока? — спросила Грейланд Рахелу.

— В то время это не пришло нам в голову, — ответила Рахела.

— Как такое могло не прийти вам в голову?

— Мы были заняты другими делами.

— Но вы же знали, что течения Потока могут разрушиться. Люди пришли с Земли, но течения Потока, ведущего на Землю, больше нет. Вы знали, что оно разрушится.

— Насколько нам известно, это был коллапс естественного происхождения.

— Вовсе нет, — напомнила ей Грейланд. — Его преднамеренно вызвали предшественники Взаимозависимости.

— Верно, но при моей жизни об этом забыли.

— И даже если он был естественного происхождения, какая, собственно, разница? У вас имелись доказательства, что течения Потока могут разрушаться и разрушались, но вы не учли этого, создавая Взаимозависимость.

— Это случилось лишь однажды.

Грейланд уставилась на Рахелу:

— Серьезно?

— Более того, в то время, когда мы создавали Взаимозависимость, главенствовала научная теория, что течения Потока стабильны и будут оставаться таковыми в течение столетий, а вероятнее всего, тысячелетий. И она оказалась верной.

— До сегодняшнего дня.

— Да, — согласилась Рахела. — Но она оказалась неверной по прошествии тысячи лет с тех пор, как мы вместе с остальными Ву создали Взаимозависимость.

— Хотите сказать, вы не отвечаете за то, что не продумали последствия своих действий?

— Я ничего не хочу сказать, — ответила Рахела. — Замечу лишь, что люди не отличаются способностью думать далеко наперед, и мы не исключение. Собственно говоря, как и вы.

— В каком смысле?

— Вы только что жаловались Аттавио Шестому, что думали, будто все попытки переворота уже позади. Но вы не подумали о долгосрочных последствиях того, что сотни людей были брошены в тюрьму за измену. Теперь вам приходится терпеть ненависть и злобу их родственников, а также домов и организаций, к которым они

принадлежали.

— Но откуда… — Грейланд тут же осеклась. Естественно, Рахела знала, что она говорила Аттавио Шестому. По сути, Рахела сама являлась Аттавио Шестым, как и он Рахелой, поскольку оба они являлись Цзии, облаченным в шкуру давно умерших импето. Грейланд отметила про себя, что пора прекращать каждый раз их очеловечивать.

Так или иначе, как бы ни неприятно это было для Грейланд, Рахела была права. Учитывая, что сама она с трудом могла предвидеть последствия своих действий даже на несколько недель вперед, вряд ли стоило обвинять Рахелу и остальных живших в ее время Ву в том, что они не предполагали, в какой ситуации окажется Взаимозависимость тысячу лет спустя.

— Жаль, что вы не подумали о будущем, — сказала Грейланд Рахеле. — Моя жизнь теперь была бы намного проще.

— Нет, не была бы, — возразила Рахела. — Да, возможно, вы избежали бы данной конкретной проблемы. Но у вас вполне могли бы появиться другие. И вы не знаете, лучше они были бы или хуже.

— Сомневаюсь, что могут быть проблемы хуже,

чем пытаться решить, как спасти от гибели миллиарды людей, — заметила Грейланд.

— Это не самая большая ваша проблема, — сказала Рахела.

— Миллиарды людей — не самая большая моя проблема?

Рахела покачала головой:

— Вам сообщили, что, вероятнее всего, в ближайшие несколько месяцев вы лишитесь власти или умрете. Вот ваша самая большая проблема. Или, по крайней мере, та, что стоит сейчас прямо перед вами. Если хотите спасти эти миллиарды людей, вам придется сперва спасти себя.

Глава 7

Надаше Нохамапитан не могла не отметить, что никто не прикасается к угощению.

С одной стороны, в этом не было ничего удивительного — к этому времени репутация Надаше была уже хорошо известна. Она убила собственного брата, дважды покушалась на правящую импера, и уж точно каждый участник ее небольшой вечеринки знал о судьбе, постигшей Дерана Ву. Надаше ощущала легкую гордость, глядя на нетронутые закуски. Эти люди, в число которых входила та часть элиты Ядра, что не пребывала

в данный момент в тюрьме за измену, вполне здраво представляли, как она может с ними поступить, используя любые доступные ей средства, вплоть до простого кекса или чашки кофе.

С другой стороны, это выглядело довольно смешно. В конце концов, вовсе не она выставила стол с едой и напитками, а Простер Ву, организатор этого собрания. Он даже не советовался с ней по поводу меню. По крайней мере, Простеру они могли бы и доверять.

Куда важнее было то, что Надаше нуждалась в этих людях. Именно они предоставляли те средства, с помощью которых ее планы и цели могли воплотиться в жизнь, и по этой причине она не собиралась их травить (здесь и сейчас).

Более того, хотя, возможно, они и не готовы были в этом признаться, они нуждались в ней в неменьшей степени, как и она в них. В глубине души они это понимали и именно потому явились, чтобы не разделить трапезу с убийцей-мятежницей. Все, что ей требовалось, убедить их в том, что и так уже было им известно.

В том не было ничего невозможного. Если бы не сработал их эгоизм, у нее имелось чем им пригрозить.

А если и это бы не помогло — всегда оставался

чай. Позже.

К Надаше подошел Простер Ву, беседовавший до этого с гостями:

— Мы готовы. Все в сборе.

— Есть семейства, которые ты пригласил, но они не прибыли? — спросила Надаше.

— Кое-кто есть.

— Это проблема?

— Вполне решаемая.

— Ты хочешь сказать, что есть люди, которые знают, чем мы занимаемся, но теперь в этом не участвуют. Объясни, каким образом можно это решить.

— Раз я сказал, что проблема решаемая, значит так и есть, — улыбнулся Простер. — Те семейства, которых тут нет… скажем так, сочувствуют твоим целям. Они просто хотят понять, куда дует ветер, прежде чем сделать шаг.

— Иными словами, они просто трусы, — фыркнула Надаше.

— Возможно, они считают, что благоразумно подстраховаться, — предположил Простер. — А если кто-то из здесь присутствующих или отсутствующих вдруг решит проболтаться об этой встрече — то, в отличие от тебя, они по-настоящему опасаются гнева семейства Ву. Они знают, что,

попытавшись перейти нам дорогу, они лишатся новых кораблей, нового оружия, и, возможно, с этого момента они не смогут по-прежнему полагаться на свои службы безопасности. Так что они будут молчать.

— Если ты так считаешь…

— Да, считаю. Скажешь, когда будешь готова.

— Я готова.

Кивнув, Простер хлопнул в ладоши и пригласил гостей занимать места. Вскоре около трех десятков человек, каждый из которых представлял аристократическое семейство и гильдию, уже сидели на складных стульях.

Надаше отмечала про себя каждого, запоминая на будущее. Большинство присутствующих были ей знакомы либо по светскому общению в более радостные времена, либо потому, что ей доводилось сидеть напротив них за столом переговоров. По крайней мере с одним из них у нее даже был секс, впрочем не оставивший особо приятных воспоминаний.

Остальные были ей известны своей репутацией. Как и в любой цивилизации, по мере того, как ты взбирался на вершину, количество тех, кто для тебя что-то значил, существенно сокращалось. На том уровне, где существовала Надаше,

Взаимозависимость имела население небольшого городка.

Дождавшись, пока все успокоятся и все взгляды обратятся к ней, Надаше кивнула, подошла к столу с закусками и налила себе чашку чая. Не обращая внимания на легкий ропот, она вновь вернулась к собравшимся.

— Прежде всего хочу поблагодарить всех прибывших на наше мероприятие. — Она обвела рукой помещение, являвшееся по сути грузовым отсеком строящегося космического корабля. Поводом для собрания стал показ гостям проекта последнего разработанного домом Ву корабля-«десятки», устроенный Простером в надежде обеспечить последующие продажи. — Понимаю, это не самое роскошное из всех возможных мест для подобного рода встреч. — Она отхлебнула чая. — Точно так же я понимаю, что некоторых из вас, возможно… пугает пребывание в грузовом отсеке, если при этом не обходится без меня.

Послышались нервные смешки, кто-то удивленно кашлянул, гости тревожно забормотали. Надаше отметила про себя, что кое-кто из них внезапно широко раскрыл глаза, будто говоря: «Она что, только что пошутила насчет убийства собственного брата?»

— Да, я только что пошутила, и вы знаете о чем, — сказала Надаше, отвечая на незаданный вопрос. — Не стоит делать вид, будто вы не знаете о моих прошлых грехах или будто мне неизвестно, что вы о них знаете. У нас мало времени, и мы не можем позволить себе лишних любезностей. Да, я убийца, участница покушения и изменница, предавшая империо. И с вашей помощью я вновь смогу стать всем вышеперечисленным.

Ропот стал громче, кто-то встал, словно собираясь уйти.

— Сядь, Гайден Айелло, — громче, чем до этого, сказала Надаше. Гайден Айелло застыл, словно маленькое копытное животное, понявшее, что попалось на глаза львице. — Ты уже здесь, и слишком поздно заявлять, что ты не знаешь, зачем пришел. Сядь!

Оглядевшись вокруг, Гайден Айелло увидел, что никто больше не поднимается с мест, и снова сел, нервно дрожа.

— Повторю еще раз то, что уже сказала, — продолжала Надаше. — Убийца. Участница покушения. Изменница, предавшая империо. Империо, но не империю. Не Взаимозависимость. И не аристократические дома и гильдии, создавшие ее и придавшие ей тот облик, который она

имеет сегодня.

— Ближе к делу, Надаше, — сказал Лейнус Христо из дома Христо. — Меня не волнуют твои обоснования, как и всех нас. Просто скажи, в чем нам предстоит участвовать.

— Я как раз собиралась к этому перейти, — ответила Надаше. Сделав еще глоток чая, она поставила чашку. — Дома и гильдии построили Взаимозависимость. Теперь Грейланд заявляет, что хочет спасти Взаимозависимость. Под этим подразумевается, что она хочет спасти народ Взаимозависимости. Народ!

— И? — спросил Христо.

— Как она собирается спасти народ Взаимозависимости? После коллапса Потока никто не сможет долго выживать в искусственных поселениях. Есть лишь одно место, куда они могли бы отправиться.

— На Край, — сказал кто-то.

— На Край, — кивнула Надаше. — И как они туда доберутся? Империо нужно каким-то образом их туда доставить, и для этой цели она намерена использовать все корабли, какие только возможно. Ваши корабли, необходимые для деятельности ваших домов. Если придется, она их попросту реквизирует.

— Все равно ничего не выйдет, — заметил сидевший в первом ряду Простер Ву. — Дом Ву, естественно, располагает перечнем всех способных перемещаться в Потоке кораблей, находящихся в данное время на ходу. Их не хватит для спасательной операции любого масштаба. И те, что есть, в настоящий момент рассеяны по всей Взаимозависимости. Согласовать их действия за столь ограниченное время просто не удастся.

— Не говоря о том, что любой корабль, отправленный на Край, там и останется, — сказала Надаше. — Течение Потока от Края к Ядру уже разрушилось.

— Не говоря о том, что твой брат Грени уже захватил власть над отмелями Потока у Края, — добавил сидевший в задних рядах Друзин Вульф. — Кстати, о переворотах. Все мы знаем, что пытаются провернуть на Крае Нохамапитаны. Как я понимаю, именно эту карту ты прячешь в рукаве, Надаше.

— Я вовсе не прячу эту карту, Друзин, — возразила Надаше. — Я просто пока не выложила ее на стол. Но ты прав — к этому времени мой брат и «Пророчества Рахелы» должны захватить власть как над планетой, так и над отмелями Потока в окрестностях Края. Так что даже если Грейланд

заберет все ваши корабли, набьет их беженцами и отправит на Край без моего личного разрешения, они будут уничтожены в первые же минуты по прибытии.

Снова послышался ропот.

— Ты называла себя убийцей, — сказал Друзин. — Но ты ничего не говорила про геноцид.

— Да брось, Друзин. Сам подумай. В любом случае планета не сможет прокормить столько людей, сколько хочет на нее зашвырнуть Грейланд. Если пустить туда всех, это будет угрожать как тем, кто уже живет на Крае, так и… тем, кто переживет крушение Взаимозависимости. — Надаше кивнула Простеру. — Твоя очередь.

Простер кивнул в ответ и встал, повернувшись к собравшимся.

— Перед своей безвременной кончиной Деран Ву предложил совету директоров дома Ву план, который позволяет торговой, промышленной и культурной сердцевине Взаимозависимости, — он махнул рукой в сторону аудитории, давая понять, что речь идет именно о них, — пережить коллапс Потока, сохранив в основном нетронутыми их богатства, капиталы и ценности. Данный многоуровневый план предусматривает усиление мер безопасности для поддержания порядка

среди населения даже при коллапсе Потока, а также новые усовершенствованные корабли для эвакуации и сохранения того, что представляет реальную значимость — знатных домов Взаимозависимости.

— То есть, если коротко, план заключается в усмирении толпы и перелете на Край для всех нас, — сказал Друзин Вульф, обводя рукой помещение.

— Если выражаться не слишком изящно, то да, — кивнул Простер.

— Я полагал, что о любезностях речи больше нет, Простер.

— Да, — прервала их Надаше, обводя взглядом публику. — Всех спасти не удастся — это просто невозможно как по логическим, так и физическим соображениям. Вероятно, об этом знает даже Грейланд, и тем не менее ей приходится изображать попытки спасти каждого, уничтожая в процессе аристократические дома и гильдии. Ей приходится делать вид — в отличие от нас. Мы можем спастись сами. А спасшись сами, мы спасем то, что имеет значение для Взаимозависимости.

— С немалой прибылью для домов Ву и Нохамапитан.

— Ты все равно рано или поздно пришел бы к нам за кораблями и безопасностью, — сказал Простер Друзину Вульфу. — По крайней мере, ты и все остальные здесь присутствующие окажетесь первыми в очереди.

— А что насчет дома Нохамапитан? — спросил Друзин, вновь глядя на Надаше. — Сколько ты намерена стребовать с каждого из нас, чтобы твой братец не превратил нас в пар, как только мы окажемся в окрестностях Края?

— Сожалею, но в данный момент я имею весьма малое отношение к дому Нохамапитан, — ответила Надаше.

— Собственно, мне об этом известно. Мой старший переговорщик только что пообщался с нынешним администратором дома.

— Кива Лагос?

— Ты ее знаешь?

Надаше плотно сжала губы.

— Знаю.

— Как по мне, неприятная личность, — сказал Друзин. — И вряд ли ты намереваешься держать ее на этом посту дольше необходимого. Так что еще раз спрашиваю: сколько намерен стребовать с каждого из нас дом Нохамапитан?

— Нисколько.

— Нисколько?

— Нисколько.

На этот раз уже Друзин улыбнулся, не разжимая губ.

— Отнесусь к данному ответу скептически. Без обид.

— Мне не на что обижаться. — Надаше переключилась с Друзина Вульфа на остальных. — Такова цена для каждого из присутствующих домов за безопасный допуск на территорию Края: нисколько. Я обеспечу пропуск всех ваших кораблей, стольких, сколько вы сочтете нужным послать. Вас снабдят достоверным зашифрованным кодом допуска, и вы получите его просто потому, что присутствуете в данный момент в этом помещении. Другим, кто присоединится к нашему договору, плата может быть снижена, в зависимости от обстоятельств. Но бесплатный пропуск получат от меня лишь здесь присутствующие.

— Если мне что и известно о Нохамапитанах, так это то, что от вас ничего не получишь бесплатно, — заметил Друзин.

— Перелет на Край бесплатен, Друзин. Но я кое на что рассчитываю.

— А именно?

— Прежде чем я к этому перейду, позвольте

мне объяснить суть плана, — сказала Надаше. — Через четыре с небольшим месяца наступит крайний срок принятия парламентом плана спасения Взаимозависимости от коллапса Потока, но ситуация такова, что парламент не способен что-либо ратифицировать. И когда это случится — а именно так и случится, — Грейланд почти наверняка реквизирует все ваши корабли и все прочее, что может ей потребоваться, тщетно пытаясь спасти как можно больше своих подданных. И тем самым она обречет всех нас на гибель. Все просто. Мой план состоит в том, чтобы ей помешать, — продолжала она. — Я свергну ее, а поскольку в данный момент она слишком опасна, чтобы оставлять ее в живых, я прикажу ее убить. Затем мы установим режим, дружественный к знатным домам и гильдиям, которые осознают то, что уже известно здесь присутствующим: всех спасти мы не можем, а потому спасем самое важное — нас.

Надаше огляделась, выясняя, нет ли у кого возражений, но таковых не оказалось.

— Итак, на что я рассчитываю. Во-первых, я рассчитываю на ваши деньги, и немалое их количество. Мне предстоит заниматься логистикой предстоящего переворота, но, к несчастью, у меня

нет средств на возможные расходы. Мне придется получить определенную сумму с каждого из вас, прежде чем мы распрощаемся. С каждого из здесь присутствующих.

Во-вторых, я рассчитываю на ваше сотрудничество. Это будет вовсе не тот вычурный эффектный переворот, который пытались совершить моя мать и Джейсин Ву. Он наверняка станет весьма грязным, и мне потребуется участие каждого из вас. Каждому будет назначена своя роль.

В-третьих, я рассчитываю на то, что вы наберете еще людей. Тех, кто сейчас здесь, недостаточно. Знаю, некоторые хотят решить все в узком кругу, а другим не хочется, чтобы стало известно, что они убеждают участвовать в перевороте кого-то еще. Но каждый из вас знает, какова ставка. Если Грейланд поступит по-своему, нам всем конец.

В-четвертых, когда переворот произойдет, я рассчитываю на ваше признание законности нового режима. Без вашей публичной поддержки и согласия переворот почти сразу же приведет к хаосу. Нам потребуется как можно быстрее добиться преданности тех домов, которые не участвуют в перевороте, и подавить сопротивление тех, которые выступят против. — Надаше показала на Простера. — Естественно, дом Ву будет на нашей

стороне, что станет немалым стимулом для всех прочих домов поступить так же.

— Естественно, дом Ву поддержит переворот, — раздраженно бросил Друзин Вульф. — Кто-то из его представителей, вероятно присутствующий здесь Простер, станет следующим импера.

Надаше взглянула на Простера. Тот утвердительно кивнул.

— Нет, — ответила она, вновь обращаясь к собравшимся. — И это последнее, на что я рассчитываю, — на вашу преданность не просто новому режиму, но мне лично. Это я стану новой импера. Последней импера Взаимозависимости.

Книга вторая

Глава 8

Пока элита Взаимозависимости строила планы бросить простых людей на произвол судьбы, простые люди Взаимозависимости начинали осознавать, в чем, собственно, эта судьба заключается.

Следует отметить, что простые люди Взаимозависимости вовсе не были дураками. Возможно, это были самые образованные и материально обеспеченные из всех когда-либо живших людей за всю историю человеческой цивилизации начиная с тех времен, когда первый человек решил, что нет смысла насиловать собственную задницу, шатаясь по африканской саванне, и предпочел оставаться на одном месте.

Население Взаимозависимости нельзя было назвать дураками главным образом по двум причинам. Первая заключалась в том, что подавляющее большинство из миллиардов жителей Взаимозависимости проводили всю свою жизнь либо в городах, выдолбленных в толще непригодных для жизни планет, либо внутри парящих

в космосе поселений. И в том и в другом случае большая численность необразованных дикарей стала бы явной угрозой для всех остальных.

Вторая причина состояла в том, что правящий класс Взаимозависимости, предпочитавший финансовую и социальную стабильность наличию люмпен-пролетариата, готового при первой же возможности оторвать им головы, обеспечивал во Взаимозависимости базовый уровень жизни, при котором никто не голодал, не оставался без крыши над головой, не умирал от легко предотвратимых болезней и не становился банкротом из-за инфаркта, потери работы или и того и другого вместе.

По этим причинам во Взаимозависимости не существовало «бедных» или «сброда» в том смысле, как это понимали элиты прошлых цивилизаций. Прекрасно, если цель заключалась в поддержании относительного довольства огромной человеческой популяции, рассеянной на триллионах километров физического пространства. Но все выглядело уже не столь прекрасно, когда цель состояла в том, чтобы, скажем так, оставить эти самые миллиарды людей в полном неведении о приближающемся конце цивилизации, который, если ничего не предпринять,

скорее всего, привел бы к медленной голодной смерти каждого из них.

Люди все знали. Знали потому, что ученые, анализировавшие данные, которые собрали Джеймис и Марс Клермонт, а также Хатида Ройнольд, в основном принадлежали к среднему и рабочему классу Взаимозависимости и охотно делились информацией. Знали потому, что команды курсировавших по Потоку кораблей, присягнувшие гильдиям, контролируемым аристократическими семействами, тоже принадлежали к среднему и рабочему классу. Знали потому, что к этим же классам принадлежали журналисты Взаимозависимости. И еще потому, что имперо Грейланд Вторая, которая была дочерью ученого, в силу своей мудрости или наивности (или и того и другого) решила, что правда о неминуемом коллапсе Потока должна стать достоянием общественности.

Люди обо всем узнали, причем относительно рано.

Но как они поступили с этой информацией?

Многие, выяснив, когда конкретно их система окажется полностью отрезанной от остальной Взаимозависимости, решили, что времени еще вполне достаточно и кто-нибудь наверняка что-

нибудь придумает, после чего вернулись к своим повседневным делам, тревожась о будущем лишь чуть больше, чем до этого. Более амбициозные личности планировали протесты и конференции, направляли составленные в крепких словах послания членам местных парламентов, а также парламентов своих систем и Взаимозависимости, решительно требуя что-то предпринять, поскольку именно для этого их избирали. Затем они тоже, как правило, возвращались к обычной жизни, убежденные, что, по крайней мере, пытались хоть что-то сделать.

Еще одна группа, членов которой можно было бы снисходительно назвать предпринимателями или не столь снисходительно — мошенниками, увидела в предстоящем конце света возможность для бизнеса, выбрав своей целью особенно напуганных, встревоженных и безутешных. Все как обычно.

Имелась также довольно небольшая группа людей, которые выясняли, какие течения Потока все еще открыты и сколько пройдет времени, прежде чем полет на Край из их системы станет невозможен, после чего начинали строить планы с целью попасть на эти корабли в последнюю минуту или близко к тому, все это время копя необходимые

средства. Подобная предусмотрительность, однако, омрачалась тем, что эти люди, как правило, не бронировали места на кораблях (с полной предоплатой) в ту же секунду, когда подобная мысль приходила им в голову. В итоге, когда они наконец собирались это сделать, оказывалось, что все пассажирские места забронированы на годы вперед, причем по заоблачным ценам, учитывая, что в нынешние времена отправившийся на Край корабль оставался на Крае навсегда. Эти люди уже упустили свой шанс бежать, даже сами того не сознавая. Так или иначе, они, вероятно, все равно не смогли бы себе этого позволить.

На местных и системных уровнях правительства и родственные им организации, не состоявшие из представителей аристократии, начали создавать комиссии и исследовательские группы для изучения последствий надвигающегося коллапса Потока для их среды обитания и городов. Особый интерес представлял вопрос, что произойдет с товарами, на которые имел монополию не местный аристократический дом.

В качестве не слишком критичного примера возьмем цитрусовые, монополия на которые принадлежала дому Лагос. В каждой системе имелись местные посредники, которые выращивали

и продавали плоды, беря себе долю прибыли и отправляя остальное обратно в казну дома Лагос. На случай, если посредник решит не посылать дому Лагос его законную часть или же окажется настолько неспособным, что не сможет получать прибыль вообще, все исходное сырье для цитрусовых дома Лагос было генетически закодировано таким образом, чтобы по прошествии определенного количества поколений они переставали плодоносить. Число поколений определялось заранее, до поставки материала.

После этого семена цитрусовых становились стерильными, а прививки или клонирование не работали. Теоретически можно было попытаться расшифровать генетический код, но не стоило забывать, что дом Лагос занимался генетическим моделированием и модификацией своего сырья в течение многих столетий, придавая особое значение поддержанию собственной монополии. На то, чтобы воспроизвести с нуля генетический код хотя бы лимона, скорее всего, потребовались бы десятки лет.

А теперь распространим данную проблему на все, что едят люди, включая самые базовые продукты питания.

Воистину — проблема.

Проблема выглядела не столь большой, когда ставилась цель связать все известные, населенные людьми системы во взаимозависимую сеть, якобы для того, чтобы уменьшить угрозу межзвездной войны и торговых конфликтов, но на самом деле — чтобы небольшое число торговых семейств могло получать вечную ренту за счет всего остального человечества. Но теперь, когда всем этим системам предстояло оказаться предоставленными самим себе, возможно навсегда, вопрос встал во всей красе.

Местные и системные правительства начали искать подход к представителям торговых домов, намекая им на проблему монополий, но обычно следовал лишь один ответ: «Да, мы над этим думаем, но впереди у нас еще годы, так что давайте не делать глупостей».

Монополисты тянули время ради собственной выгоды, но местные и системные правительства, не желая преждевременно поднимать панику, за пределами своих комиссий и организаций предпочитали молчать.

Что, опять-таки, вовсе не означало, будто простые люди ничего не знали.

Некоторые — более амбициозные, если можно так сказать, — уже начали работать на рын-

ке фьючерсов, делая заявки на цену лимонов, пшеницы, говядины и прочих товаров первой необходимости под самыми разными солнцами. Другие, не менее амбициозные, считали, что монополии знатных семейств будут нарушены, и заключали контракты на короткие позиции по этим товарам.

Части этих людей предстояло безмерно обогатиться (при условии, что деньги в конечном счете будут хоть что-то значить), в то время как другие, скорее всего, нашли бы подходящий воздушный шлюз, чтобы положить конец своим страданиям. Насчет того, кто где окажется, имелись разные мнения. Капитализм есть капитализм.

Большинство остальных из числа тех, кто вообще думал наперед, просто планировали запастись едой. На сколько? На месяц, полгода, год — в зависимости от доступного пространства и личного пессимизма. Многих не оставляла мысль, что кризис, скорее всего, временный и кто-нибудь в конце концов сообразит, как спасти миллиарды от голодной смерти в поселениях, все больше поддающихся воздействию энтропии. Стоило подумать иначе, и сразу же возникал вопрос, есть ли вообще смысл делать запасы.

Естественно, если кому-то хотелось всерьез

понять, что стоит за фразой «нам всем настоящий и полный писец», ему следовало смотреть не на то, как ведут себя низшие классы Взаимозависимости, но на то, как ведут себя их банки. Что же касается банков, то те, как можно спокойнее и без лишнего шума, реструктурировали свои финансовые и транспортные средства, чтобы максимизировать краткосрочную прибыль и минимизировать долгосрочные финансовые риски.

С одной стороны, это выглядело вполне благоразумно — Взаимозависимость входила в новый и совершенно неожиданный период перемен. Учитывая присущий банкам консерватизм, нарастить ресурсы перед лицом неопределенности казалось вполне оправданным.

С другой стороны, это означало, что деньги поставили свою судьбу в зависимость от будущего, а будущее это не выглядело радужным.

(Помимо всего прочего, банки начали переводить свои активы на Край. Это тоже происходило без особого шума — к тому не было никаких причин, поскольку на Крае действовали те же финансовые законы и ограничения, что и в остальной Взаимозависимости, и деньги как таковые являлись столь абстрактной концепцией, что с обычной точки зрения не имело никакого

значения, где реально находятся средства, — но тоже кое о чем говорило.)

Большая часть этой банковской деятельности проходила на глазах у рядового человека. Рядовой человек мог положительно оценить слегка выросшие проценты по сберегательным счетам (с целью защитить средства от снятия в ближайшее время), а у тех, кто имел долгосрочные кредиты, могло возникнуть искушение согласиться на рефинансирование кредита на более короткий срок, с отменой ряда комиссий и под сравнимые с долгосрочными кредитами проценты.

Во всем остальном все выглядело как обычно. Банкам не имело никакого смысла создавать панику. Им хотелось быть уверенными, что, когда паника неизбежно начнется, подавляющая часть их активов окажется как можно дальше, а у людей и правительств хватит других забот, помимо невозврата денег со счетов, когда весь мир окончательно провалится в тартарары.

Но что насчет парламента Взаимозависимости, благородного собрания, которому импреро Грейланд Вторая дала полгода на то, чтобы предложить план действий в связи с коллапсом Потока? Что происходило в палате народных представителей?

Было бы несправедливо полагать, по примеру Надаше Нохамапитан и аналитиков Грейланд, что парламент лишь откладывает решение проблемы до того момента, когда Грейланд возьмет его на себя, после чего это станет ее проблемой, а не их. На самом деле парламент собрал лучших своих депутатов и советников, чтобы определить масштаб стоящей перед ними проблемы и высказать предложения для парламента в целом. Проблема парламентского чрезвычайного комитета по кризису Потока (как он себя называл) состояла в том, что он пришел к тому же выводу, что и все остальные: большинство жителей Взаимозависимости ждет впечатляющая гибель, и из данной ситуации не виделось какого-либо легкого и простого выхода.

Соответственно, возник вопрос: «Какой процент членов парламента готов принести людям столь дурную весть?»

Вопрос носил не просто академический характер. Немалое число парламентариев участвовали в недавней попытке свержения импероо, что плохо закончилось для них и остальных причастных. В результате репутация и популярность парламента оказались в самой нижней точке за многие десятилетия, а может, даже и за сто лет

с лишним.

Это о чем-то говорило, поскольку парламент почти никогда не пользовался популярностью и почти всегда являлся удобной мишенью для гнева местных и системных правительств, а также их представителей, которые были ближе к избирателям и всегда искали виновного в местных проблемах. Эти самые правительства и их представители, не говоря уже о знатных домах и Торговых гильдиях, с радостью обратили бы злость своих сторонников и заинтересованных кругов против парламента Взаимозависимости.

Для империо это было не так уж плохо. Молодая империо стала любимицей своих подданных, пережив два покушения и переворот, а также заявив права на религиозную мантию империо так, как не поступал никто из ее предшественников со времен Рахелы Первой, основательницы Взаимозависимости. Любая дальнейшая дискредитация парламента лишь работала ей на пользу.

И потому чрезвычайный комитет, не имея плана, который не закончился бы медленной смертью миллиардов людей, и не зная, как сообщить о подобном итоге, пришел к выводу, что лучше всего будет тянуть время, приняв на себя относительно небольшой удар за нере-

шительность, и позволить импере принять на себя намного более мощный удар, вынудив ее принести людям впечатляюще дурную весть. У Грейланд хватало популярности — пусть она теперь всю ее и растратит.

А за это время члены чрезвычайного комитета намеревались забронировать билеты на Край, который, как предполагали их сторонники, будет доступен еще несколько лет.

Да, он самый — Край.

Единственное исключение в отношении судьбы, которая ждала все остальные системы Взаимозависимости. Единственная система с планетой, где люди могли ходить по суше без той или иной разновидности скафандра, где земля радостно встречала их, вместо того чтобы превратить в высохшие оболочки, где солнце согревало их незащищенные лица, вместо того чтобы сжечь их своим излучением, уничтожив даже следы ДНК. Единственное место, где все еще могло выжить человечество.

Все это, не считая того факта, что жители Края прекрасно знали, что их ждет, — внезапная гигантская волна беженцев из остальной Взаимозависимости, чья численность превзойдет все возможности планеты. Вопрос заключался не в

том, прибудут ли они, — они уже были в пути. Вопрос заключался в том, сколько их будет, — миллионы, что основательно напряжет планету, или миллиарды, что полностью ее уничтожит.

И еще там шла гражданская война, что всерьез затрудняло возможность подготовиться.

Некоторым, однако, из-за нее было проще заниматься другими делами. Гражданская война в основном была сосредоточена в крупных городах, а также на некоторых стратегических транспортных узлах и дорогах. В дальних провинциях предприимчивые фермеры заявляли права на земли, формально им не принадлежавшие, и готовили их под посевы и пастбища. С точки зрения экологии это был настоящий кошмар, но поскольку (действующий) герцог Края думал лишь о том, чтобы его голову не принесли Вренне Клермонт, никто им не мешал, к тому же фермеры и скотоводы оправдывали свою деятельность тем, что они планируют выращивать те немногие местные злаки и животных, которые пригодны в пищу людям, — кстати говоря, единственные продукты питания, которые не подвергались генетической модификации для поддержания монополии.

В этом фермеры и скотоводы были правы, что, однако, никак не меняло того факта, что тысячи

квадратных километров выжигались из экосистемы Края ради земель, которых все равно бы не хватило, чтобы прокормить миллионы или миллиарды, которые уже были или будут в пути к планете.

Когда на это указывали амбициозным фермерам и скотоводам, они, как правило, отвечали: «Само собой, но впереди еще многие годы. Кто-нибудь что-нибудь придумает. А когда это случится, я стану богат».

Так обстояли дела во Взаимозависимости в ранние-но-уже-не-настолько-ранние дни коллапса Потока. Все знали, что их ждет. Некоторые даже готовились и строили планы. Но в конечном счете все предполагали, что появится некто или нечто способное спасти цивилизацию, в которой они жили и не могли даже представить, что она может исчезнуть. Обязательно должен был явиться некто или нечто, чтобы их спасти. Их должны были спасти, как и всех остальных.

Приятная мысль.

Но это была неправда.

По крайней мере, пока.

Глава 9

— Погоди секунду, — сказала Кардения Марсу. Они находились в личном кабинете имперо, где, как вдруг вспомнил Марс, они не столь давно впервые познакомились. В данный момент имела место короткая пауза между тем, как помощники Кардении покинули кабинет, и их возвращением вместе со следующим посетителем к имперо.

— Входишь в роль? — кивнув, спросил Марс.

— Это не роль, это я сама, — ответила Кардения. — Да. А теперь помолчи.

Марс улыбнулся, глядя, как Кардения закрывает глаза, делает глубокий вдох и преображается в имперо Грейланд Вторую. Для постороннего наблюдателя преображение почти не было заметно — лишь слегка распрямилась спина и изменилось выражение лица, — но к этому времени Марс уже не раз становился свидетелем подобного и понимал, что преображение в основном внутреннее, со сменой личного «я» на имперское «мы».

Когда Марс только начинал ближе узнавать имперо — в то время, когда они стали друзьями, но еще не были любовниками, — он находил в ее преображении нечто забавное, но теперь понял, насколько это в самом деле необходимо не только

для самой Кардении, чтобы определить для себя разницу между личной жизнью и публичной ролью, но и для всех прочих, с кем она имела дело. Людям легко было с пренебрежением отнестись к Кардении Ву-Патрик, молодой женщине, случайно занявшей положение, которого она не хотела и к которому ее не готовили. Но отнестись так же к импере Грейланд Второй было намного труднее.

«Вернее — теперь труднее», — поправился Марс. Для этого потребовалось некоторое время, а также арест за измену примерно трети правящего класса Взаимозависимости. И тем не менее Грейланд удалось этого добиться. Марс невольно улыбнулся, ощущая гордость за свою подругу.

Грейланд заметила его улыбку:

— Что такое?

— Расскажу потом, Ваше Величество, — ответил Марс. Когда Кардения пребывала в облике Грейланд, он старался соблюдать в общении с ней тот же этикет, что и любой другой при ее дворе. Возможно, другие существовавшие в истории любовники импере пользовались своим положением, чтобы вести себя легкомысленно и без надлежащего уважения, но Марс к таковым не принадлежал. Он сомневался, что сумел бы

вести себя с империо подобным образом, даже если бы захотел.

Кивнув, Грейланд направилась к двери.

— Вряд ли эти двое будут в восторге от того, о чем мы намерены их попросить, — сказала она.

Марс знал, что «мы» относится не к ним обоим, а к одной Грейланд; сам он играл роль вспомогательного персонала.

— Вы просите их слишком о многом, — сказал он.

— В общем, да, — ответила Грейланд, переводя взгляд туда, откуда вскоре должны были появиться новые гости. — Мы всех просим слишком о многом. Так что никакой разницы.

Открылась дверь, и в кабинет вошли адмирал Гини Хурнен и генерал Люк Брен. Хурнен возглавляла имперский флот, Брен — морскую пехоту. Обычно обоих сопровождало целое стадо помощников и телохранителей, но на данной встрече присутствовали лишь они двое. После представлений и любезностей удалились и помощники Грейланд. Остались только военачальники, империо и Марс.

Марс заметил, как Хурнен и Брен быстро взглянули в его сторону и столь же быстро вновь переключили внимание на империо. Его предста-

вили как лорда Марса Клермонта, а о его роли научного советника имперо по вопросам Потока было известно всем. Столь же хорошо было известно, хотя и не признавалось публично, что он друг имперо, со всеми положительными и отрицательными сторонами данного факта.

Само по себе это Марса особо не беспокоило, но он с интересом наблюдал, как эти два невероятно могущественных человека пытаются понять, что он делает на этой встрече, в которой участвовали трое самых могущественных людей во всей Вселенной. Его присутствие являлось либо прихотью имперо, либо чем-то иным. Марс наслаждался видом Хурнен и Брена, пытавшихся сообразить, что все это значит.

«Что ж, скоро они это узнают», — подумал Марс.

И они действительно узнали, причем практически сразу.

— Нам необходимо послать армаду на Край, — сказала Грейланд своим военачальникам. — Чем быстрее, тем лучше.

Хурнен и Брен переглянулись, неловко ерзая на стульях. Адмирал Хурнен откашлялась.

— С этим есть проблема, Ваше Величество, — ответила она.

— Хотите сказать, что «Пророчества Рахелы» уничтожит любой корабль, который появится из Потока возле Края? — спросила Грейланд.

— Да, — кивнула Хурнен. — И не только «Рахела». После попытки переворота против вас причастные к нему флотские командиры сбежали на Край вместе со своими кораблями и командами. Сейчас в пути к Краю находятся еще тринадцать кораблей разной величины и возможностей, и все они, вероятно, лояльны семейству Нохамапитан.

— Более чем достаточно, чтобы взять под наблюдение и оборонять любую существующую входную отмель Потока, Ваше Величество, — сказал Брен.

— И мы не можем превзойти их численностью или силой оружия? — спросила Грейланд.

— Это непросто, — ответила Хурнен.

— Именно так нам говорят, когда хотят сказать «нет», но чувствуют, что не могут.

— Да, — кивнула Хурнен. — Но на этот раз я вполне серьезно.

— Тогда уточните, что значит «непросто».

— Корабли, мины, оборонительные системы отмелей. Все это может быть выставлено против любых новоприбывших за считаные секунды.

Гражданские корабли будут уничтожены практически мгновенно. Наши корабли переживут первый контакт, но если командиры мятежных кораблей достаточно умны — а мы специально их учили, — они вскорости разнесут наши корабли на куски.

— Разве нельзя скоординировать действия так, чтобы все наши корабли прибыли одновременно?

— И предоставить им множество мишеней, чтобы они сразу же их уничтожили? — покачала головой Хурнен. — Нет. Отмели Потока недостаточно обширны, чтобы вместить больше одного или двух кораблей, и даже корабли, одновременно покинувшие окрестности Ядра, могут прибыть в разное время. Это не точная наука.

Грейланд бросила взгляд на Марса, и тот прекрасно понял, с какой целью. Оба слегка поколебались, но никто не сказал ни слова.

— Значит, мы оставляем Край Нохамапитанам, — сказала она Хурнен.

— Нет, мэм, — решительно ответила Хурнен. — Но мы и не хотим, чтобы наши войска и корабли участвовали в операции, которая неминуемо приведет к чрезмерно высоким потерям.

— Вы не хотите, чтобы погибали ваши люди?

— Нет, если этого можно избежать, мэм.

— А вы можете этого избежать?

— Мы над этим работаем.

— Возможно, мы могли бы помочь, — сказала Грейланд.

При этих ее словах Марс заметил то, чего, как говорила ему до этого импето, она вполне ожидала: веселые и, может, чуть снисходительные улыбки на лицах ее военачальников. Хурнен и Брен на мгновение перестали воспринимать импето как Грейланд, увидев в ней Кардению.

— Мы всегда открыты для предложений, Ваше Величество, — ответила Хурнен.

Грейланд повернулась к Марсу:

— Расскажите им.

— Сразу же после попытки переворота я упомянул импето, что, возможно, нашел способ проникнуть на Край, — сказал он, обращаясь к военачальникам.

— Что? — в замешательстве переспросил генерал Брен.

— В то время как разрушаются одни течения Потока, открываются некоторые новые, временные, вследствие феномена, который мы с моей покойной коллегой Хатидой Ройнольд назвали эфемерностью. Эти новые течения могут суще-

ствовать от нескольких минут до нескольких лет. Исходя из моих прогнозных моделей, одно из эфемерных течений Потока откроется на Край.

— Ваших прогнозных моделей?

— Да. Когда я впервые упомянул об этом импер о, я только что смоделировал данные и был не слишком уверен в результатах, но с тех пор моя уверенность возросла.

— Насколько возросла?

— Настолько, что я готов полететь туда сам.

— Лорд Марс — один из тех, кто открыл вновь возникшее течение Потока к Даласисле, — сказала Грейланд. — С тех пор он предсказал другие новые течения, существование которых подтверждено местными учеными. Если он уверен в своих предсказаниях, нам следует ему доверять.

По лицу адмирала Хурнен пробежала легкая гримаса, которая тут же исчезла, но Марс все же успел понять ее мысль: «Естественно, ты уверена в его предсказаниях, ты же с ним трахаешься». Взглянув на Грейланд, Марс заметил, что она тоже это поняла и не оценила должным образом мысль адмирала, сколь бы честной та ни являлась.

— Естественно, ни лорд Марс, ни мы не рассчитываем, что вы поверите нам на слово. Данные лорда Марса будут предоставлены вашим уче-

ным для изучения и проверки.

— Кто еще их видел? — спросила Хурнен.

— Никто, — ответил Марс. — Когда я сообщил об этом имперо, она попросила меня обособить эту информацию от данных, которыми я делился с другими учеными. Конкретно этих данных ни у кого больше нет, и ни в чьих других моделях не встречаются эти конкретные эфемерные течения Потока.

— Если только их не видел кто-то еще и не сохранил в тайне, подобно вам, — заметил Брен.

— Возможно, — кивнул Марс. — Единственное, что могу сказать, так или иначе каждый ученый, работающий с этими данными, исходит из моделей, созданных моим отцом и усовершенствованных мной. Я знаю, как выглядит брешь в моих общедоступных данных и как она влияет на выведенные из них модели. С математической точки зрения она крайне мала, но она есть, и я сразу бы заметил, если бы кто-то скрывал те же данные, что и я. Я бы увидел это в моделях.

— Вы в этом уверены?

— Это всего лишь математика, — пожал плечами Марс.

— Вы понимаете, что от вашей математики будет зависеть судьба десятков кораблей и тысяч

моих людей? — спросила Хурнен.

— Даже более того, адмирал, — сказала Грейланд. — Судьба миллиардов.

— Да, мэм, — согласилась Хурнен. — В первую очередь, однако, речь идет о судьбе моих людей.

Грейланд кивнула:

— Если данные лорда Марса вас удовлетворят, сколько потребуется времени, чтобы собрать корабли и спланировать кампанию?

Хурнен повернулась к Марсу:

— Где в вашей модели исходная точка течения Потока и каково полетное время?

— Исходная точка — в системе Икойи, — ответил Марс.

— Это родная система дома Лагос, — заметил Брен.

— Да.

— Какие-то проблемы, генерал? — спросила Грейланд.

— Порой они бывают весьма несносны.

— С этим мы как-нибудь разберемся сами, — сказала Грейланд.

— Да, Ваше Величество, — улыбнулся Брен.

— Полетное время до Края составит три месяца, — продолжал Марс.

— Вот как? — удивленно подняла брови Хурнен.

Путешествие с Ядра на Край занимало девять месяцев.

— Есть одна загвоздка, — предупредил Марс.

— А именно?

— По моим прогнозам, течение Потока с Икойи до Края откроется лишь примерно на пять месяцев.

— И когда оно откроется?

— Примерно через три недели.

— Вряд ли нам захочется оказаться в течении Потока, когда оно закроется, — заметил Брен.

— Да, — кивнул Марс. — Некоторые течения Потока разрушаются от одного конца к другому, часть скачкообразно, часть сразу. Это течение принадлежит к числу тех, которые разрушаются сразу.

Хурнен повернулась к Грейланд:

— Судя по тому, что я услышала, у нас в лучшем случае три месяца на то, чтобы собрать и подготовить группу, способную вернуть под наш контроль Край, прежде чем это течение разрушится и заберет с собой любой находящийся внутри его корабль.

— Да, — сказала Грейланд. — Это возможно?

— Это… непросто.

«Опять это слово», — подумал Марс. Грейланд

тоже это заметила.

— Мы спрашивали не об этом, — сказала она.

Хурнен поморщилась:

— Понимаю, мэм.

— В таком случае давайте говорить прямо, адмирал Хурнен, генерал Брен. — Грейланд пронзила обоих взглядом. — В наши намерения не входит оставлять Край Нохамапитанам. Они представляют угрозу для нынешних жителей планеты, и неменьшую угрозу для любого, кто попытается искать там убежище. Беженцы уже в пути, адмирал, и, прежде чем все закончится, их будет намного больше. Если возможно, мы должны это сделать, сколь бы непросто ни было.

— Это в самом деле возможно, Ваше Величество, — ответил Брен. — Но при всем к вам уважении, вы должны понимать, о чем просите. Вы просите о внезапном и массовом привлечении сил, которые придется собрать из всех доступных нам систем и которые успеют послать корабли и людей в систему Икойи до того, как разрушится течение Потока. Для каждого корабля, каждого морского пехотинца, каждого члена команды, которых мы пошлем на Край, это станет путешествием в один конец. Они никогда больше не увидят своих супругов, родных и детей. Каж-

дый, кто поступает на службу, понимает, что ему приходится чем-то жертвовать, оказываясь вдали от дома, иногда на многие годы. Но, Ваше Величество, то, о чем вы просите, не просто самоотдача. Фактически вы просите их пожертвовать собственными жизнями.

— Думаете, подобный приказ может привести к бунтам? — задумчиво спросила Грейланд.

Брен посмотрел на нее так, будто получил пощечину:

— Я этого не говорил… мэм.

Последнее он добавил явно поспешно; Марс отметил, что Грейланд не удостоила данный факт вниманием.

— Речь не только о командах и морских пехотинцах, мэм, — сказала Хурнен. — Корабли тоже не вернутся. — Она взглянула на Марса. — Если только вы не прогнозируете в ближайшем будущем течение потока, исходящее из окрестностей Края.

— Нет, — ответил Марс.

Хурнен кивнула:

— В таком случае у нас останется, соответственно, меньше кораблей на случай беспорядков, которые, как мы все знаем, рано или поздно произойдут.

— Мы можем построить больше кораблей, — сказала Грейланд.

— У ваших родственников хватает заказов и без вас, — ответила Хурнен, имея в виду дом Ву.

— Нисколько в том не сомневаемся, — сухо заметила Грейланд. — Однако мы вполне можем их убедить, что нужды имперского флота превыше всего. Что касается команд и морских пехотинцев… — Грейланд снова посмотрела на Брена. — Если мы не сможем вернуть их к своим семьям, то, возможно, нам следует доставить их семьи к ним.

— То есть отправить их семьи на Край? — спросила Хурнен.

— Да. По прошествии некоторого времени, которое потребуется, чтобы покончить с угрозой со стороны Нохамапитанов и восстановить порядок на Крае.

— Обеспечить все это…

— Да, будет непросто, — закончила фразу Грейланд. — Так же как и создать флотилию, которую мы отправим на Край. Адмирал, генерал, прошу вас понять: мы вовсе не рассчитываем, что это будет легко. Точно так же, как не будет легко и все остальное. Нам всем предстоит сделать трудный выбор, и от всех нас потребуются жертвы. Воз-

можно, вы даже сочтете за любезность первыми показать пример.

— Что ж, ладно. — Хурнен и Брен снова посмотрели друг на друга, а затем встали. — Мы должны выяснить, какие корабли и кто из людей доступны нам в ближайшее время. К утру вы будете об этом знать.

— Спасибо, адмирал, — сказала Грейланд.

— А вы пришлите нам те данные, чтобы их проверили наши люди, — обратилась Хурнен к Марсу. — Мы должны просмотреть их под микроскопом.

— Да, конечно.

— Как вы понимаете, если наши люди хотя бы отчасти усомнятся в ваших данных, дальше мы двигаться не сможем.

— Если у них появятся какие-либо вопросы, с радостью на них отвечу, — кивнул Марс.

Адмирал бросила на Марса взгляд, который тот почти однозначно воспринял как: «Надеюсь, ты не потратишь впустую мое время, альфонс». Затем последовал обычный обмен любезностями, после чего Марс и Грейланд снова остались одни на несколько минут, которые требовались помощникам импето, чтобы препроводить в кабинет очередных посетителей.

Вздохнув, Грейланд посмотрела на Марса и снова стала Кардением.

— Вряд ли им понравился план, — сказал Марс.

— Я точно знаю, что он им не понравился, — ответила Кардения. — Все эти разговоры насчет возможных проблем с данными значат только одно — адмирал всеми силами пытается отвертеться.

— Никаких проблем с данными нет, — заверил ее Марс.

— Это вовсе не означает, что они не найдут хоть какую-нибудь.

— В таком случае сразу станет ясно, что проблема в них, а не в данных.

— Мне бы твою уверенность, — потягиваясь, проговорила Кардения.

— Думаю, ее более чем достаточно.

— Дело не во мне, а в них. — Кардения показала на дверь. — Меня слегка раздражает, что они уже пытаются сбросить твою работу со счетов из-за наших с тобой отношений.

— Ты тоже заметила? — усмехнулся Марс.

— Меня так и подмывало врезать ей по физиономии.

— Вряд ли это было бы разумно.

— Зато мне было бы приятно. Секунд пять. Жаль, что они сомневаются в твоей работе.

— Это не твоя вина, — сказал Марс.

— Не совсем, — напомнила Кардения.

— Ладно, пусть твоя, но мне все равно. В целом все для меня складывается не так уж плохо.

— Рада, что вы так считаете, лорд Марс.

— Спасибо, мэм, — снова улыбнулся Марс. Встав, он изящно поклонился, вызвав у Кардении невольный смешок. — Что-нибудь еще?

— Пока нет. Может, позже. — Кардения издала негромкий стон. — Намного позже — у меня сегодня сумасшедший график. Мне еще повезет, если все закончится до полуночи. Извини.

— Ничего страшного. Мне есть чем заняться.

— Да, спасением всех нас посредством математики, — улыбнулась Кардения. — Собственно, именно поэтому мы в последнее время столь мало видимся.

— Это не единственная причина, госпожа «у-меня-полно-встреч-до-полуночи».

— Да, конечно, не нашел ничего лучшего, как обратить мои же слова против меня. Что ж, по крайней мере, в перерывах хотя бы думай обо мне.

— Вряд ли у меня будет перерыв, пока я не рух-

ну в постель.

— Что ж, прекрасно, лорд Марс. Может, я тебе приснюсь.

Марс Клермонт спал, и ему снилась математика.

Математика не являлась обычной составляющей его сновидений. Большинство его снов представляли собой стандартную мешанину событий последних нескольких дней, лишенную какого-нибудь сюжета, где он был то в штанах, то без. Иногда ему снилось, словно он снова в университете, будучи одновременно студентом и преподавателем на лекции по физике, опять-таки периодически без брюк. Во время девятимесячного путешествия с Края на Ядро ему вообще почти ничего не снилось — члены команды корабля говорили ему, что в том нет ничего необычного, подозревая, что Поток каким-то образом влияет на сон, а когда он все же видел сны, это зачастую оказывались холмы его родной провинции, зеленые и мирные, на которых он стоял, но при этом не помнил, были на нем штаны или нет. Тогда это казалось несущественным.

Но теперь ему снилась математика.

Дикая математика. Непостижимая математика. Математика, которая дразнила и озадачивала

величайшие умы всех эпох, не говоря уж о его собственном.

Марс не смог бы описать кому-либо эти сны. Обычно они не носили визуального характера и не выражались в виде чисел, уравнений или чего-либо еще, что могло бы ему сниться. Не было в них и звуков или каких-либо других обычных ощущений. Его сны были насыщены самой природой и сущностью математики — всеобъемлющим присутствием данной дисциплины, ее бескрайним влиянием, ее значимостью для всего, чем являлся и что делал Марс, а также для цивилизации, которую он хотел сохранить.

Марс прекрасно понимал, почему ему снилась математика. Математика теперь охватывала почти всю его жизнь, по мере того как он прочесывал многовековые данные по Потоку. Он искал закономерности и смысл в том, как Поток взаимодействует с обычным физическим пространством и каким образом можно его убедить — если это подходящее слово — спасти миллиарды от изоляции и медленной смерти. И если Поток вообще можно было в чем-то убедить, тот не стал бы говорить с Марсом на человеческом языке. Поток общался бы с ним на языке математики.

Следовало заметить, что убедить Поток было

нелегкой задачей.

Марс не мог его уговаривать, умолять, торговаться с ним, льстить ему или угрожать. Поток не был человеком, и его не заботили человеческие существа. Поток можно было очеловечивать как угодно, но тот вряд ли бы с этим согласился. Он в буквальном смысле являлся чужим для этой Вселенной. И понять его можно было только одним способом — приняв его собственные условия.

Именно так и поступал Марс, проводя почти все свое время за математическими расчетами и пытаясь решить проблемы, опыта для решения которых хватало только у него одного.

Отчего-то это вызывало у него невероятное чувство одиночества. Марс вовсе не был одинок — у него была женщина, к тому же за то время, что он провел на Ядре и Сиане, он обзавелся друзьями, союзниками и коллегами, но несмотря на все это, он почти постоянно ощущал себя одиноким. С друзьями он виделся нечасто, а коллеги рассказывали о своих находках или просили совета по какому-то связанному с Потоком вопросу, после чего вновь замыкались в своей собственной изоляции.

Однажды он заговорил было на эту тему со своей подругой, но, еще не успев сформулиро-

вать мысль, сообразил, что его подруга — импер Взаимозависимости и его одиночество, по сути, ничто по сравнению с тем, что испытывает она наедине со многими десятками свалившихся на нее проблем. Он довольно неуклюже сменил тему на середине фразы, но его подруга-импер нашла в этом особое очарование.

Все это рано или поздно должно было куда-то вылиться — и вылилось в сновидения Марса, где его подсознание пыталось решить задачу, которую сознание считало неразрешимой.

Марс понял, почему ему снятся математические сны, и даже по-своему это оценил, но от этого ему не становилось легче. Проводя весь день за математическими расчетами и видя математические расчеты всю ночь во сне, Марс просыпался полностью вымотанным.

В обычной ситуации это не составило бы никакой проблемы — Марс мог просто взять отпуск. Но когда цивилизация оказалась в буквальном смысле на грани конца, ни о каком отпуске не могло быть и речи.

Так продолжалось неделями. Математика наяву, математика во сне, математика везде и всегда, но Марс нисколько не приблизился к решению обременявших его проблем.

Но этой ночью Марсу снился другой сон.

Он был тоже о математике, так что в этом отношении ничем не отличался. Отличие же состояло в том, что впервые в нем содержалось нечто большее, нежели обобщенная математическая тревога. В своем сне, что бывало крайне редко, Марс увидел уравнение — настолько отчетливо, насколько это только возможно в сновидении, с множеством меняющихся битов и извивающихся линий, которые перемещались каждый раз, стоило лишь на них взглянуть.

И тем не менее, глядя на уравнение, Марс понял, что оно описывает, — нестабильную отмель Потока, которая одновременно сжималась и отступала, двигаясь в пространстве несвойственным отмелям Потока образом, как никогда не бывало в реальности, за исключением, возможно, единственного раза.

Именно тогда в сон Марса ворвалось его сознание. «Я уже где-то это видел, — произнесло оно. — Только где?»

Внезапно проснувшись, Марс сел в постели и потянулся к тумбочке за планшетом. Экран вспыхнул, ожидая распоряжений.

— Ммм, — промычала Кардения, которая, как и обещала, вернулась далеко за полночь, лишь

коротко взглянув на полусонного Марса, прежде чем рухнуть на подушку. — Ярко.

— Извини. — Марс выбрался из постели, чтобы свечение планшета не беспокоило Кардению. Устроившись в кресле, он вызвал файлы с данными, которые собрал за тридцать лет его отец с торговых кораблей, курсировавших по Потоку от одной системы к другой, фиксируя мельчайшие сдвиги и изменения в Потоке на основании того, как корабли входили в него, проходили его и покидали.

Марс искал вполне конкретную информацию и нашел ее ближе к концу отцовских данных — аномальную отмель Потока, обнаруженную кораблем, который случайно вышел из Потока, когда течение, где он пребывал, претерпело нечто вроде разрыва, вышвырнув корабль в обычное пространство за несколько световых лет от того места, где он должен был оказаться, и за триллионы миль от любой населенной людьми системы. Заметив аномальную отмель Потока, корабль помчался к ней, едва успев в нее войти, прежде чем она закрылась. Это было причудливое, единственное в своем роде событие, носившее временный характер.

Эфемерное.

— Вот черт, — вслух проговорил Марс.

— Ммм, — снова промычала Кардения.

Марс ее не слышал — он уже вышел за дверь, направляясь в свой кабинет, чтобы приступить к работе.

Мгновение спустя он вернулся назад, увидев потрясенное выражение лица императорского телохранителя за дверью спальни импер о. Полностью занятый своими мыслями, Марс забыл о том, что он совершенно голый. Схватив халат, он снова выбежал за дверь, а перед его мысленным взором плясали уравнения — настоящие, без извивающихся линий.

Глава 10

Кива ожидала, что ей вновь придется столкнуться с домом Вульф, но не предполагала, что это случится во время долбаного ужина.

И не просто ужина, а романтического ужина с Сенией, поскольку обе они пытались выстроить отношения, и Кива понимала, что в этих самых отношениях должно быть нечто большее, нежели бессмысленный трах, пока не промокнут простыни и не сморщится кожа на пальцах. Потому они и сидели в «Цедре», лучшем икойском ресторане на Ядре (что, впрочем, мало о чем говорило,

поскольку таковых заведений было всего три и остальные два по сути являлись киосками с уличной едой), где Кива знакомила Сению с кухней ее системы. Икойская еда отличалась преобладанием цитрусовых, что было неудивительно, учитывая семейную монополию дома Лагос, но к тому же якобы уходило корнями в Западную Африку — хрен знает, где это, однако считалось, будто семейство Лагос изначально происходит именно оттуда.

Кива не была на сто процентов уверена в официальной родословной икойской еды — трудно было утверждать, что суйя в маринаде из свежельсинов имеет аутентичного предка на Земле, учитывая, что свежельсины были генетически созданы примерно в то же время, когда родилась сама Кива, но особого значения это на самом деле не имело, поскольку это в любом случае была кухня с родины Кивы и Сения никогда прежде не пробовала ничего подобного. Кива с удовольствием объясняла ей, что такое мои-мои, перечный суп и мармеладные колбаски, отчего Сения получала неменьшее удовольствие. Кива уже верила, что после ужина их ожидает несколько уникальных и пикантных оргазмов, когда заметила двоих, возвышавшихся над их с

Сенией столиком.

— Тебя я знаю, — сказала Кива, взглянув на Багина Хейвеля, и слегка повернулась в сторону второго мужчины. — А вот насчет тебя, мать твою, понятия не имею, что ты за хрен.

Хейвель показал на своего спутника:

— Леди Кива, позвольте мне представить моего работодателя, Друзина Вульфа.

— Здравствуйте, леди Кива, — слегка поклонился Вульф. — Рад наконец с вами познакомиться.

— Мы только что закончили ужинать, увидели вас двоих и решили подойти поздороваться, — сказал Хейвель.

— Что, правда? — Кива посмотрела на Друзина Вульфа. — И что ты ел?

— Естественно, рис-джолоф, леди Кива. Понимаю, это не особо изысканный выбор, к тому же довольно банальный, но так уж вышло, что он мне нравится.

— Что ж, рада за вас. Поздоровались, а теперь до свидания.

Кива снова взяла меню, но Хейвель и Вульф, мать их растак, даже не двинулись с места.

— Багин рассказал мне про вашу реакцию на нашу просьбу пересмотреть контракты дома Нохамапитан.

— Гм? — Кива подняла взгляд. — И что?

— Я надеялся, что, возможно, вы передумаете.

Вздохнув, Кива отложила меню:

— В самом деле? Ты что, прямо сейчас собрался решать эти вопросы? Я ужинаю, мать твою.

— Со своим юристом. — Вульф кивнул в сторону Сении. — Мы все в сборе, леди Кива.

— Прекрасно. Во-первых, это была никакая не долбаная просьба, и ты отлично это знаешь. Ты пытался диктовать условия. Во-вторых, я уже дала ответ твоему человеку, и он не менялся. В-третьих — вали на хрен, у меня нет времени, как и у нее. — Кива показала на Сению.

— Что ж, вы меня не разочаровали, леди Кива, — усмехнулся Вульф. — Вы именно таковы, как описал вас Багин. Никому не уступите, да и за словом в карман не полезете.

— В общем-то во мне нет ничего загадочного.

— Да, непохоже, — согласился Вульф. — Но забавно слышать, будто у вас в данный момент нет времени.

— В смысле?

— Ничего особенного. За исключением одного — сколько, по-вашему, у вас времени? Ровно столько, сколько его у каждого из нас, леди Кива. Часы тикают, и время истекает — для некоторых

из нас в большей степени, чем для других. Но даже столь короткого времени вполне хватит, чтобы пали могущественные. Или, во всяком случае, те, кто считает себя могущественным.

— Друзин, — проговорил Хейвель.

Вольф успокаивающе поднял руку:

— Я закончил. Мне просто хотелось, чтобы леди Кива не забывала, что я искренне предлагал ей возможность работать со мной. С нами. У нее был шанс, но она его упустила.

— Угу, — буркнула Кива. — Что ж, спасибо большое. А теперь, если ты завершил свой монолог злодея из публичного театра, вали на хрен и забирай с собой своего прихвостня.

— Конечно. — Вульф снова поклонился. — Леди Кива, госпожа Фундапеллонан, приятного вам ужина.

Он направился прочь. Хейвель взглянул на Киву и Сению, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут же его закрыл и поспешил следом за своим работодателем. Кива и Сения вернулись к меню.

— Что бы все это значило? — спросила Сения, отрываясь от блюд дня.

— Понятия не имею, — ответила Кива, изучая закуски.

— Слишком уж театрально выступал перед нами Друзин Вульф.

— Угу.

— Особенно насчет тикающих часов.

— Да.

— Если бы я не знала, что к чему, я бы могла подумать, что это похоже на угрозу.

— Или злорадство.

— Что вполне объясняет, почему Хейвель намекал, что ему пора заткнуться, — заметила Сения.

— Объясняет, — согласилась Кива.

— И в свою очередь намекает, что нам, возможно, стоит кое-чем поинтересоваться.

— Чем быстрее, тем лучше.

— Ты все еще хочешь есть?

— В общем, нет.

— Тогда, может, займемся делом?

— Ну… может, я больше и не голодна, но вполне в настроении заняться тем, что мы планировали после.

— Прекрасно, — сказала Сения. — Еде — нет, сексу — да, а потом — дело.

— Решено, — кивнула Кива. Они положили меню, Кива оставила несколько марок за напитки, и обе встали из-за стола.

— Знаешь, что из всего этого самое хреновое? —

спросила Кива, когда они направились к выходу.

— Что?

— Этот хрен моржовый пренебрежительно отозвался о рисе-джолоф. Обозвал его банальностью, твою мать. Я как раз собиралась заказать именно это блюдо.

— Похоже, у нас проблема, — сказала Кива Грейланд Второй четыре дня спустя. Накануне Кива попросила аудиенции у импето, и ей предоставили пять минут, пока импето шла с одной встречи на другую. Кива не возражала, понимая, что импето — весьма занятая женщина.

— Проблемы составляют суть моего правления, леди Кива, — ответила Грейланд, быстрым шагом направляясь из одного помещения дворца в другое. — Вам придется выражаться конкретнее.

Кивнув, Кива протянула импето пачку документов, которые та тотчас же передала своему помощнику.

— Несколько дней назад Друзин Вульф подошел ко мне и Сении Фундапеллонан, когда мы ужинали, и разразился монологом.

— Он… что?

— Разразился монологом. Ну, знаете: «Скоро вас постигнет злой рок, бла-бла-ха-ха» или что-то вроде того.

— Не знала, что люди ведут себя так в реальности.

— Вряд ли он сам это понимал — в отличие от своего прихвостня, которому пришлось чуть ли не силком тащить его прочь.

— И какое отношение этот монолог имеет ко мне?

— Сперва я подумала, что никакого, — сказала Кива. — Мы основательно поцапались с его прихвостнем по поводу некоторых контрактов, и я решила, что он просто хочет заявить, что подает иск против меня и дома Нохамапитан. Мы с Сенией еще раз проверили, не проявлял ли он какой-либо подозрительной активности против нас, но ничего не нашли. — Кива показала на пачку документов в руках помощника Грейланд. — Но мы нашли кое-что другое. За несколько дней до своего монолога Друзин Вульф вывел около двадцати миллионов марок со своих личных брокерских счетов.

Грейланд удивленно взглянула на Киву.

— И откуда же у вас доступ к личным брокерским счетам Вульфа?

— Я потратила несколько месяцев, отслеживая все неучтенные счета, которые имелись у семейства Нохамапитан, Ваше Величество, —

усмехнулась Кива. — Так что опыт финансовых расследований у меня имеется.

— А также, полагаю, опыт дачи взяток нужным людям.

— Таким опытом я не обладаю, — ответила Кива, и Грейланд едва заметно улыбнулась. — Но я не намерена свидетельствовать в суде или вроде того. В любом случае информация вполне надежна.

— Аристократы часто перемещают свои богатства из одного места в другое, леди Кива, — сказала Грейланд. — А когда их переводят с одного счета на другой, создается впечатление, что большая их часть полностью исчезает. Можно не сомневаться, что честная проверка верхушки любого дома покажет, что на неучтенных счетах у них больше денег, чем на официальных, и дом Лагос в этом смысле не исключение. Марки, проваливающиеся в черную дыру, давно уже никого не удивляют.

— Дело вовсе не в исчезнувших деньгах, — ответила Кива. — Дело в том, что примерно в то же самое время, когда Друзин Вульф вывел свои двадцать миллионов марок, то же самое сделали пара десятков других аристократов, практически с теми же суммами.

Грейланд остановилась, вынудив затормозить свою свиту:

— Сколько?

— Мой источник отметил двадцать шесть отдельных случаев вывода средств, в одном и том же временном промежутке, в одной и той же сумме — или вывода на несколько счетов общей суммы примерно в двадцать миллионов марок. Вероятно, есть и другие, но мой источник сумел отследить только эти.

— И вы доверяете этому источнику?

— Я полагаю, он ценит тот факт, что ему оплатили все его игорные долги. И он знает, что, если он попытается мне перечить, я толкну его под долбаный автобус. Так что — да, доверяю. Есть и кое-что еще.

— А именно?

— Все аристократы, выведшие свои марки, присутствовали на деловой встрече, организованной домом Ву. Под предлогом рекламы нового поколения «десяток».

Грейланд поморщилась, но продолжала идти дальше.

— В таком случае они могут сказать, что вносят депозиты.

— Угу, но все эти депозиты — с личных счетов,

а не бизнес-счетов домов, — сказала Кива. — «Десятки» — огромные корабли, способные десятилетие просуществовать в космосе, никуда не причаливая. Вряд ли их собираются использовать для развлекательных экскурсий.

— Приближается коллапс Потока, — заметила Грейланд. — Возможно, они страхуются от возможных рисков.

— Даже если так, стоимость десяток начинается с миллиарда марок, — ответила Кива. — Дом Ву требует десять процентов депозита, что не подлежит обсуждению. Ваша семья не предлагает скидок, мэм. Двадцати миллионов марок не хватит ни для какого депозита. Любого, кто предложил бы столько в качестве аванса за «десятку», попросту бы осмеяли.

— Значит, дело в чем-то другом?

— Да, в другом, — кивнула Кива. — И чем бы оно ни было, к нему причастен дом Ву.

— Все равно не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, леди Кива, — сказала Грейланд, сворачивая в последний коридор, ведущий к пункту ее назначения.

— Может, и не имеет, — признала Кива. — Но когда Друзин Вульф выступал передо мной со своим монологом, он явно имел в виду, что меня

должно постигнуть заслуженное возмездие. Ни он, ни его дом не выступили против меня прямо и не пытались подать иск против дома Нохамапитан, так что дело явно в чем-то другом. Все знают, что я пользуюсь вашим расположением, мэм. Вы дали мне место в исполнительном комитете — место, которое, хочу напомнить, мне на хрен не сдалось, — и я стояла рядом с вами, когда вы арестовали половину местных аристократов.

— На самом деле не столь уж многих.

— Вполне достаточно, мэм, — ответила Кива. — А теперь целая толпа аристократов швыряет деньги в черную дыру, причем среди них немало тех, чьи родственники сидят в тюрьме, ожидая суда за измену, в том числе и из дома Ву. И естественно, где-то там болтается долбаная Надаше Нохамапитан, проворачивая свои делишки. У нее есть кое-какие деньги, но их относительно немного, и непосредственного доступа к другим у нее нет. Ей нужно откуда-то их взять. Так что мне кажется, что, когда Вульф передо мной выделывался, он не собирался выступать против меня напрямую. Он знает, что в этом случае я его просто раздавлю. Он считает, что, когда вас свергнут, я окажусь в числе сопутствующих потерь.

Грейланд остановилась перед дверью, за кото-

рой находилась футбольная команда Ядропада, выигравшая чемпионат лиги, и теперь имперо предстояло ее чествовать в течение ближайших семи с половиной минут, прежде чем перейти к очередным неотложным делам. Для Грейланд прошло лишь около трети дня, и Кива, хотя бы отчасти научившаяся ценить время имперо, молча (что было для нее несвойственно) удивлялась тому факту, что, несмотря на все свидетельства ускоряющегося коллапса цивилизации, столь немалая часть рабочего графика Грейланд посвящена таким банальностям, как, скажем, поздравление долбаной спортивной команды, которая лучше других умеет гонять мяч.

— Полагаете, Надаше Нохамапитан имеет какое-то отношение к этому исчезновению денег? — спросила Грейланд у Кивы.

— Угу, полагаю. Она до смерти вас ненавидит. И вы заставили все дома и гильдии вас бояться. На этом она намерена сделать себе капитал.

— Каким образом?

— Ну, мэм… скажем, устроив очередной переворот. «Коль в первый раз тебе не повезло», и все такое.

Грейланд кивнула на пачку документов в руках ее помощника.

— Я могу распорядиться, чтобы в отношении этих аристократов провели расследование.

— Как только это случится, ваши намерения раскроются в ту же секунду, — покачала головой Кива. — Слишком многие готовы вас предать. Об этом станет известно раньше, чем вы успеете отдать приказ. Аристократы затрут следы, марки волшебным образом вновь появятся на законных бизнес-счетах, а Надаше, если она в самом деле за всем этим стоит, станет намного труднее найти.

— И что вы предлагаете?

Кива кивнула в сторону документов:

— Мой источник отметил, что все эти аристократы выводили деньги в одно и то же время. Но он также отметил, что после этого события деньги выводились еще несколько раз, в тех же суммах.

— Чем бы они ни занимались, они нанимают сторонников.

— Именно, — сказала Кива. — Вовлекают в свой план новых недовольных.

— Ладно, — кивнула Грейланд. — И?

— Ваше Величество, — улыбнулась Кива, — думаю, нам с вами следует устроить им крупную долбаную взбучку.

Глава 11

Семь с половиной минут ушло на поздравления «Драконов Ядропада» за их победу в чемпионате над «Огнем Эссекса», включая благосклонный прием футбольного мяча в качестве подарка (который после короткого, несомненно наполненного магией пребывания в собственности Грейланд должен был быть возвращен «на правах аренды у импер» для выставления в качестве экспоната в их штаб-квартире), а также печальное упоминание о прискорбном положении «Кораблестроителей Сианя», имперской футбольной команды, в турнирной таблице этого года.

Затем последовал час десятиминутных встреч с различными главами инфраструктурных подразделений на тему физического состояния самого Сианя, императорского космического поселения, где обитали импер и многие тысячи других людей. Сиань являлся жемчужиной среди космических поселений, а также одним из самых старых из ныне существующих, что придавало ему уникальные и изощренные черты, не свойственные более современным поселениям.

Например, система циркуляции воздуха в Сиане была устроена таким образом, что (как

узнала импер) определенный ряд рутинных действий по ее обслуживанию, выполненных в ненадлежащем порядке, мог выпустить весь воздух из собора Сианя прямо в космос. Судя по всему, некий инженер, чьего имени не сохранила история, решил, что таким способом можно потушить любой пожар, который мог там возникнуть, не подвергая интерьер собора вредному воздействию воды или химических средств.

Хватало единственной строчки кода в программе обслуживания поселения Сиань, чтобы собор вдруг внезапно не лишился кислорода, но не так давно эта строчка оказалась удалена при очередном обновлении системы. В течение трех последующих месяцев ничто не могло помешать обычной человеческой ошибке стать причиной внезапного удушья архиепископа Корбейн и сотен присутствующих на утренних службах. Грейланд отнюдь не считала подобный исход оптимальным как для церкви, так и для ее верной паствы и облегченно вздохнула, узнав, что проблема наконец решена.

Двадцать минут она выслушивала новости от коммандера Вэня, адъютанта адмирала Хурнен, о положении дел с армадой Края, каковой ее себе представляла Грейланд, хотя ей намекали, что на

самом деле это будет лишь оперативная группа, что, с точки зрения Грейланд, звучало не столь впечатляюще.

Первоначальные оценки особо не вдохновляли — количество доступных военных кораблей, которые можно было успеть отправить в систему Икойи, было невелико, как и кораблей поддержки. Коммандер Вэнь заверил Грейланд, что это лишь начальная оценка и что по мере дальнейшего изучения вопроса число, скорее всего, возрастет. Грейланд напомнила коммандеру Вэню, что время поджимает. Никто из участников встречи не был особо доволен ее итогами.

Затем последовал пятиминутный перерыв, большую часть которого Грейланд провела в туалете. Если бы кто-то в свое время сообщил Кардении Ву-Патрик, что наиболее ценным качеством, которое следует развить в себе имперо, является способность сдерживать физиологические позывы в течение нескольких часов, она, возможно, не удержалась бы от смеха. Кардения где-то читала, что заключенные настолько привыкали к жесткому распорядку тюремной жизни, что испытывали потребность облегчиться лишь в определенное время, когда это разрешалось. До такого Кардения не дошла, но вполне могла

проникнуться их чувствами.

Если уж зашла речь о заключенных — после короткой паузы следующие сорок пять минут Грейланд были посвящены докладу министра юстиции о положении предполагаемых изменников, которых она арестовала за попытку переворота и поместила в тюрьму в ожидании суда. Аресты были столь многочисленны, а злоумышленники занимали столь высокие посты, что возник ряд проблем с их размещением и содержанием — какими бы предателями они ни были, несколько странно было представить глав некоторых аристократических домов и отпрысков некоторых других в общей камере.

Грейланд решила эту проблему, реквизировав «Звездную жемчужину» — круизный лайнер, курсировавший между Ядром и различными поселениями в системе этой планеты, — а затем приказав распихать изменников по его каютам. Министерство юстиции платило круизной компании за их проживание и питание, к чему добавлялся солидный контингент имперской службы безопасности и крайне строгий контроль за всеми, кто прибывал на «Жемчужину» или покидал ее. Всех это более или менее устраивало, не считая неизбежных жалоб каких-нибудь

графа или баронессы, которым выделили каюту на нижней палубе без иллюминатора. Подобные условия трудно было назвать тюремными.

Однако, как обнаружила Грейланд, судебный процесс против изменников продвигался с немалым скрипом. Дело было вовсе не в том, что министерству юстиции не хватало доказательств — Деран Ву успел предоставить их в избытке до того, как его отравили. Проблема заключалась в адвокатах. Все изменники принадлежали к аристократическим домам, на которые работало множество адвокатов, в основном очень хороших; министерство юстиции, с другой стороны, располагало относительно небольшим количеством доступных прокуроров, хорошими из которых можно было назвать лишь небольшую часть, а остальные работали на правительство лишь потому, что, будучи полной посредственностью, не могли устроиться на теплое местечко, которое могли бы им обеспечить аристократические дома и гильдии.

Адвокаты, работавшие на те или иные дома, прекрасно понимали, что если их клиенты будут признаны виновными, их казнят (клиентов, а не адвокатов, хотя, в зависимости от дома, возможно, и адвокатов тоже), и потому заваливали

министерство юстиции бумагами и протоколами, пытаясь затянуть процесс или найти формальный повод, чтобы вызволить своих клиентов из тюрьмы. Министерство юстиции, у которого хватало и других забот, оказалось попросту перегружено работой. Более того, министр юстиции заявил, что та поддержка со стороны общества, которую получила Грейланд после попытки переворота, быстро иссякает, и чем дольше изменники будут томиться на своем роскошном тюремном корабле, тем больше времени будет у домов и их адвокатов, чтобы сплотить усилия.

По ряду причин Грейланд не особо заботил вопрос поддержки со стороны общества, но ее мнение на этот счет не совпадало с мнением министра юстиции. Если честно, ее также не слишком волновало, что изменники затягивают судебный процесс. Грейланд вовсе не настаивала на том, что их всех следует предать смерти, — она не принадлежала к числу тех людей, в чьих жилах течет праведная жажда крови. Если изменники предпочитали впустую тратить время, которого с каждым днем становилось все меньше, — это было исключительно их дело, а пока что они, по крайней мере, ей больше не досаждали.

Но ей не хотелось, чтобы министр юстиции

почувствовал, будто его тревоги безразличны имперо, так что она попросила его совета. Министр предложил два пункта: во-первых, разрешить министерству нанять адвокатов извне и поручить им вести наиболее значимые дела, чтобы министерство не чувствовало себя безоружным, а во-вторых, заключить сделки с некоторыми изменниками, предлагая им признать вину и назвать имена сообщников в обмен на помилование и возможность отбывать срок в исправительных заведениях родной системы.

Грейланд согласилась и с тем и с другим, предложив министру стратегически воспользоваться вторым пунктом, чтобы подорвать растущее в обществе сочувствие к изменникам и столкнуть их друг с другом в юридическом смысле, осложнив махинации их адвокатам. Она знала, что его намерения в любом случае таковы, но также понимала, что ему вовсе не помешает возможность заявить, будто идея исходила от самой имперо. И в самом деле, министр, похоже, был вполне удовлетворен, что ее мысли в точности совпали с его собственными. Оба покинули встречу, полагая, что сумели идеально манипулировать друг другом, из чего следовало, что встреча была успешной.

Далее последовало пятнадцатиминутное чаепитие с архиепископом Корбейн, которое куда больше напоминало светский визит, чем все остальные мероприятия Грейланд за целый день. Архиепископ Корбейн удачно решила стать близким союзником имперо в тот решающий день, когда потерпел неудачу переворот, и Грейланд по достоинству оценила ее усилия, открыв имперскую казну для финансирования инициатив Корбейн внутри церкви Взаимозависимости. Кроме того, Грейланд нравилась архиепископ — пожилая женщина, которая всегда была добра к ней и лучше других понимала, что значит стоять во главе обширной бюрократии, которая не всегда сочувствует твоим целям и готова проявить понимание. По сути, их деятельность во многом была схожа, и всегда приятно было поговорить с тем, кто мог понять твои самые специфические проблемы.

Грейланд не стала рассказывать архиепископу Корбейн, что в последние три месяца та могла в любую минуту погибнуть от удушья из-за строчки кода или отсутствия таковой.

Затем была короткая поездка в личном вагоне поезда на другую сторону поселения Сианъ, в парламентский комплекс и ее собственный пар-

ламентский кабинет — формально Грейланд являлась представителем в парламенте Взаимозависимости от Сианя, и хотя этой привилегией она фактически не пользовалась, у нее имелся свой кабинет, где она быстро провела четыре десятиминутные встречи с коллегами-парламентариями, группами по шесть человек, а затем направилась в зал заседаний, где выступила с пятнадцатиминутной речью перед клубом юных парламентариев системы Ядра, собравшихся на Сиане на свой ежегодный слет. Появление Грейланд вызвало всеобщий восторг, и она вдруг поняла, что стала наконец достаточно взрослой, чтобы подростки казались ей невероятно молодыми. Для нее это стало новостью.

Пять минут спустя она уже снова сидела в личном вагоне, направляясь в свой дворцовый комплекс на встречу, которая больше всего ее пугала, — с графиней Рафеллией Майзен-Персо из дома Персо, который являлся правящим домом в системе Локоно и обладал монополией на ракообразных и некоторых хрящевых рыб. В системе Локоно жило шестьдесят пять миллионов человек — на шести спутниках, в двенадцати крупных поселениях и сотне с лишним поселений поменьше.

Это была также первая система, которой, по прогнозам, предстояло первой оказаться полностью отрезанной от остальной Взаимозависимости.

В настоящее время ее три входящих и четыре исходящих течения Потока пребывали в полном порядке. Примерно через шесть месяцев должно было разрушиться первое из входящих течений, с Ядра, а за ним в течение одиннадцати месяцев ожидался коллапс других шести. К тому времени почти каждой второй системе Взаимозависимости предстояло пережить свой коллапс течения Потока, но все прочие оставались бы связаны, пусть и ненадежно, с остальными.

Грейланд ожидала, что графиня наверняка будет в ярости из-за того, что, несмотря на обязательство имперо дать парламенту полгода (а теперь, скорее, даже меньше) на представление плана действий, та ничего не сделала, чтобы защитить или спасти шестьдесят пять миллионов граждан системы Локоно от грядущего коллапса. И графиня ее не разочаровала. Будучи представительницей своего аристократического дома и младшей сестрой правящей герцогини, Рафеллия Майзен-Персо устроила впечатляющее представление, оплакивая несчастную судьбу народа Локоно и едва не разрывая на себе одежду.

В конце его у Грейланд даже возникло желание поаплодировать.

Но делать этого она не стала — не только потому, что это выглядело бы невежливо, но также потому, что ей было хорошо известно, что графиню вовсе не настолько заботит судьба граждан системы Локоно. Грейланд знала, что Рафеллия Майзен-Персо присутствовала на встрече, о которой говорила ей Кива Лагос, — той самой, которую организовал Простер Ву.

Более того, ей было об этом известно еще до разговора с Кивой — Цзии откопал данную конкретную тайну в том же самом банке данных, против которого Кива использовала методы социальной инженерии, чтобы раскрыть заговор. Цзии обнаружил в других банках имена прочих заговорщиков, а также зашифрованные документы, в которых разъяснялись подробности заговора, включая документ, автором которого была графиня, сидевшая сейчас напротив Грейланд. Ее послание к сестре оказалось легче всего взломать. Само письмо было зашифровано по последнему слову техники, и Цзии могла потребоваться пара десятилетий, чтобы его прочитать, если бы графиня не диктовала его в микрофон, подключенный к ее домашней сети, небиомет-

рическим паролем к которой являлась кличка ее нынешней собачки (прелестного комочка шерсти по имени Каштан), а биометрический пароль (отпечаток пальца) имелся в имперской системе.

Грейланд не в первый раз подумала, насколько на самом деле опасен Цзии, тайный агент имперо, который имел доступ ко всей империи, знал о ней все и мог обо всем рассказать имперо — следовало лишь уметь задать вопрос. А Грейланд это умела.

Соответственно, имперо знала, что графиня Рафеллия Майзен-Персо — обманщица, требовавшая встречи по ложному поводу. Ее вовсе не интересовало благополучие шестидесяти пяти миллионов человек, которых она якобы представляла, зато ей было крайне интересно доложить Надаше Нохамапитан о текущем плане имперо по спасению Взаимозависимости, чтобы получше подстроить ловушку, в которую могла бы угодить имперо. Грейланд опасалась этой встречи, но не потому, что у нее не было ответа на вопрос, как спасти миллионы локонцев, — пока его действительно не было, и это само по себе повергало ее в уныние, — а потому, что она заранее чувствовала, каково ей будет выслушивать от графини всякую чушь насчет горестной судьбы кого угодно, кроме нее самой и, возможно, ее

близких родственников и друзей.

Грейланд оказалась права, но поделать пока что ничего не могла. Она лишь смотрела и слушала страстное выступление графини, а потом, когда та закончила, поблагодарила ее за визит, коротко сообщила, что сделает все возможное для системы Локоно, и отправила графиню восвояси, не дав той разыграть очередную драму. Вся встреча заняла двадцать три минуты.

Это означало, что Грейланд неожиданно опередила собственный график на семь минут.

Около девяноста секунд из этого времени она потратила на личный звонок, добавив к своему дню последнюю встречу.

— Когда ты узнал, что твое правление обречено? — спросила Грейланд у Тома Шенвера. На мостике «Оверни» они были одни — Грейланд оставила своих телохранителей за дверью. «Оверни» стояла в личном доке империо, и фактически она могла чувствовать себя в такой же безопасности, как и у себя во дворце. Охранникам это все равно не нравилось, но Грейланд хотела поговорить с Шенвером наедине.

Шенвер удивленно поднял брови.

— Мы что, ждем дурных вестей? — спросил он. Из всех, кого знала Грейланд, Шенвер был един-

ственным, кто относился к ней по-простому — не из-за некоего патологического неуважения к царственным особам, но потому, что сам таковой особой являлся, будучи низложенным королем системы Понтье, существовавшей вне пределов Взаимозависимости. Иными словами, Шенвер воспринимал Грейланд как равную себе, за что она была ему признательна. Никто другой с ней так себя не вел, даже Марс, который, несмотря на их интимные отношения, вполне осознавал разделяющую их пропасть.

— В последнее время у меня нет никаких новостей, кроме дурных, — призналась Грейланд.

— Знаю, и мне очень жаль, — мягко ответил Шенвер. — Я имел в виду конкретно насчет нового переворота.

— Не переворота. Переворотов. Их несколько.

— Несколько? Я впечатлен. Приятно быть популярной.

— Но не так.

— Да, пожалуй. Естественно, я могу сказать, что думаю по этому поводу, но мне интересно, почему бы тебе просто не расспросить свой конгресс мертвых имперо? Наверняка парочка из них стали жертвами переворота.

— Ну… не совсем, — ответила Грейланд. — Не-

которых убили, а некоторых… сменило семейство Ву после того, как стало ясно, что с ними проблемы.

— Сменило, — повторил Шенвер. — Мне нравится эвфемизм.

— Но убийства не были частью более крупного мятежа, и вряд ли замену семейством Ву одного из своих членов на другого можно считать переворотом. Всего лишь семейная политика.

— В последней попытке переворота участвовали Ву, — напомнил Шенвер.

— Но он закончился неудачей, — возразила Грейланд. — В то время как… — Она не договорила.

— Можешь продолжать, — улыбнулся Шенвер.

— В то время как попытка свергнуть тебя оказалась успешной, — закончила Грейланд.

— Да, — согласился Шенвер. — Я едва сумел спасти свою шкуру. И этот корабль. И несколько сотен друзей. И существенное количество знаний всего человечества того времени. И естественно, немалые материальные богатства.

— То есть ты понимал, что это случится, и знал, что не сумеешь этому помешать.

— Именно так.

— Тогда расскажи, откуда ты знал.

— Могу рассказать, но не знаю, будет ли тебе от этого польза.

— Почему нет?

— Потому что я был… как бы это сказать… не слишком хорошим королем. Уж точно не настолько хорошим, как ты, моя подружка-импер о. И тем более не настолько хорошим человеком.

— Ты вовсе не плохой человек, — возразила Грейланд.

— Теперь я стал лучше, — согласился Шенвер. — К тому же я больше не человек. Я — искусственный разум, основанный на ком-то, кто когда-то был человеком. Я помню, как был человеком, и помню, какие желания и эмоции двигали мною как человеком. У меня по-прежнему есть к ним доступ, но те же самые желания и эмоции больше не движут мною нынешним. Мне триста с лишним лет, и у меня было достаточно времени, чтобы побыть наедине со своими грехами.

— В таком случае ты не так уж сильно отличаешься от моего конгресса импер о. Их записанные версии имеют доступ к мыслям и чувствам их живых прототипов. Они просто не могут чувствовать все это сами.

— Я могу чувствовать, — сказал Шенвер. — Примерно так же, как ты можешь заново переживать

свои эмоции в пятилетнем возрасте. Но ты ощущаешь их не так, как пятилетняя девочка.

— Порой со мной такое бывает.

— Что ж, прекрасно, — улыбнулся Шенвер. — Я просто хотел сказать, что под воздействием этих эмоций ты не стала бы вести себя так, как вела бы себя в пять лет. На избалованного ребенка, готового злиться по любому поводу, ты не похожа.

— Спасибо, — ответила Грейланд. — Но мне все же хотелось бы знать, когда тебе стало известно о грядущем перевороте.

Шенвер вздохнул, что было совершенно необязательно, учитывая, что он являлся искусственным интеллектом, проецировавшим голографическую версию самого себя, но тем не менее.

— Если коротко — я понял, что это случится, когда уничтожил или предал всех, кто мог стать полезным союзником, а все оставшиеся решили, что мне пора уйти. Чтобы рассказать подробнее, потребуется слишком много времени, к тому же, боюсь, это окончательно разрушит твое мнение обо мне как о хорошем человеке. Скажу лишь одно — я сам стал творцом этой катастрофы, почему, собственно, и предвидел ее задолго до того, как она произошла.

— Если ты мог ее предвидеть, то почему не смог ее избежать?

— Потому что однажды сделанный выбор порой невозможно изменить, — ответил Шенвер. — А в самом начале моего правления, когда я был напыщенным глупцом, я несколько раз совершал неверный выбор, причем за короткое время. Все остальное — лишь следствие. В конце концов — к тому времени я уже достаточно набрался ума, чтобы осознать весь ужас своих былых поступков, — мне стало ясно, что, хотя я и могу отсрочить переворот, бесконечно так продолжаться не может. И я отсрочил его достаточно надолго, чтобы иметь возможность бежать, — улыбнулся он. — По иронии судьбы, когда переворот все же случился, я уже умирал — причиной чему тоже стал когда-то сделанный выбор. Если бы заговорщики подождали еще пару лет, переворот им вообще бы не понадобился.

— Жаль, что ты тогда сделал такой выбор, — помолчав, сказала Грейланд.

— Если хочешь знать — мне тоже, — ответил Шенвер. — Не слишком приятно оглядываться назад, зная, насколько все могло быть иначе. Единственная маленькая радость, что я в итоге оказался здесь, с тобой и Марсом, который, кстати,

трудится как сумасшедший, пытаясь сообразить, как можно всех нас спасти.

— Это он тебе рассказал?

— Нет, конечно. Но он приходит иногда поговорить на математические темы. Он полагает, что поскольку я машина, то сумею понять суть его расчетов, но в этом он полностью ошибается. Однако я учусь, так как мне хочется быть ему полезным. Пока что у меня это не получается, но, думаю, лишь до поры до времени. Во всяком случае, я учусь намного быстрее, чем большинство людей. Знаешь, он в самом деле выдающаяся личность, этот твой прекрасный принц.

— Мне тоже так кажется.

— Нет, я имею в виду нечто большее. Он чересчур скромен, чтобы об этом сказать или даже подумать, но я вижу, что он делает, и даже могу кое-что понять. Если кто-то и сумеет тебя спасти, так это он. В данный момент вопрос в том, хватит ли ему данных. И удастся ли ему хоть немного поспать. — Шенвер заметил промелькнувшую по лицу Грейланд тень. — Что такое?

— В смысле?

— Ты о чем-то только что подумала. Когда я говорил про данные.

— Не важно.

— Ладно, — сказал Шенвер. — Но если уж зашла речь о данных, ты говорила, что знала о нескольких планировавшихся попытках переворота.

— Да.

— Откуда ты о них узнала? Если о них стало известно твоей службе безопасности и разведке, полагаю, о них уже можно было бы говорить как о несостоявшихся.

— У меня есть другие источники.

— В число этих источников входит искусственный интеллект, который заведует твоим кукольным театром импер?

Грейланд зло взглянула на Шенвера:

— Почему ты так решил?

— Потому что твой друг Цзии — так ведь его зовут? — несколько раз пытался проникнуть в мои системы. Первую попытку я заметил вскоре после того, как оказался здесь. Он создал программу, которая пыталась взломать мой сетевой экран. Я изолировал ее и разобрал на части, чтобы посмотреть, как она работает, а потом послал сообщение, что с удовольствием с ним потолкую, если он просто постучит в дверь, вместо того чтобы пытаться пролезть в окно. Ответа я не получил — он все так же пытается лезть в окно. Если он поступает так со мной, полагаю, что я

не единственная система, в которую он пробует проникнуть.

— Мне очень жаль, что Цзии пытается тебя взломать, — сказала Грейланд.

— Все нормально. Вернее, не совсем нормально, — поправился Шенвер, — но пока что это не проблема, хотя и приходится постоянно быть начеку. Но я бы предпочел просто поговорить с Цзии, если подобное возможно.

— Насколько мне известно, Цзии не разговаривает ни с кем, кроме меня. И других импето, что были до меня.

— Что ж, я король, — заметил Шенвер. — Или был им. Может, подойдет?

— Посмотрим, что можно сделать.

— Спасибо. Возвращаясь к твоему вопросу о том, когда я узнал, что мое правление обречено, мне стало известно об этом достаточно рано, чтобы успеть спастись. Ты ведь поэтому спрашивала? Чтобы знать, когда станет слишком поздно, чтобы спастись?

— Я не думаю о собственном спасении, — покачала головой Грейланд.

— Весьма благородно с точки зрения самопожертвования.

— Не в этом дело.

— Тогда в чем?

— Я могла бы помешать этим переворотам, — сказала Грейланд. — У меня есть информация, я знаю исполнителей, и мне известно, где они, во всяком случае большинство. Я могу объявить военное положение и бросить их всех в тюрьму, так же как я поступила с участниками последнего переворота. Но даже если я это сделаю, я лишь не дам случиться данным конкретным переворотам. В любом случае будут новые. Попытки предпринимались с самого первого дня, когда я стала импер. Стоит подавить один, как тут же зарождаются еще два. И при этом мне никак не сосредоточиться на том, на чем следовало бы.

— На спасении Взаимозависимости? — спросил Шенвер.

— Нет, — покачала головой Грейланд. — Она в любом случае обречена, что бы мы ни предпринимали. Мы не можем остановить коллапс течений Потока. Мы не можем спасти империю. Нужно спасать ее народ. Не только некоторых, не только аристократию. Мы должны спасти всех. Я должна спасти всех. Насколько я понимаю, это моя работа.

— Она требует слишком многого.

— Возможно, — кивнула Грейланд. — Но у меня

нет выбора. Придется попытаться. Вот почему мне нужно знать, когда станет слишком поздно. Я могу не дать переворотам случиться, только если потрачу на это все оставшееся время, не сделав больше ничего полезного. Но возможно, я могла бы поступить так же, как и ты, — отсрочить их, как можно дольше занимая умы их зачинщиков чем-то другим. Ибо ровно столько у меня остается времени — не до коллапса последнего течения Потока, но до первой успешной попытки переворота. И за это время я должна спасти всех.

— Замечательно, — сказал Шенвер. — И как же ты собираешься отсрочить эти самые попытки переворота?

— Устрою небольшой хаос.

Глава 12

Кива Лагос считала, что доступ к кому бы то ни было можно с легкостью получить в любое время, если: а) занимаешь достаточно высокое положение; и б) тебе хватает наглости. Так что, выйдя с документами в руке из лифта на том этаже Дома гильдий, где располагалось ведомство дома Вульф, она не стала задерживаться у стойки секретаря, а сразу же свернула налево и направилась по коридору к кабинету Друзина Вульфа,

не обращая внимания на сперва удивленные, а затем все более резкие возгласы трех разных людей, пытавшихся ее остановить.

Останавливаться Кива не стала. Распахнув дверь в кабинет Друзина Вульфа, она с грохотом захлопнула ее и заперла, прежде чем до нее кто-либо успел добраться. Друзин Вульф, который сидел в кресле у кофейного столика, о чем-то разговаривая с другим мужчиной, поднял глаза.

— Что это значит, черт побери? — спросил Вульф.

— Эй, ты, вали на хрен. — Кива показала на его собеседника. Раздался стук в дверь, но она не обратила на него никакого внимания.

Друзин Вульф успокаивающе положил руку на плечо сидевшего напротив.

— Вы что, совсем спятили? У вас нет никакого права вваливаться в мой кабинет и приказывать людям валить на хрен.

— И тем не менее я здесь, — сказала Кива. — В твоем кабинете, приказывая этому постороннему болвану валить на хрен. — Она посмотрела на постороннего болвана. — Какое слово ты не понял из «вали на хрен»?

— У нас с ним срочное дело.

— Это у нас с тобой срочное дело, — заявила

Кива. Подойдя ближе, она сунула ему документ, заставив Вульфа, который машинально его взял, пережить пару секунд унижения. — Ибо, если я уйду из этого кабинета, не поговорив с тобой вот об этом, все последующее тебе крайне не понравится.

Нахмурившись, Вульф прочитал документ. Кива снова повернулась к постороннему болвану.

— Сейчас он сам тебе скажет, чтобы ты валил на хрен, — заверила она его. Посторонний болван в замешательстве посмотрел на Вульфа.

— Я не собираюсь тебе говорить, чтобы ты валил на хрен, — сказал ему Вульф, бросив взгляд на Киву. — Но, боюсь, у меня сейчас неотложные дела с этой… личностью.

— Да ты шутишь, — наконец подал голос посторонний болван.

— С удовольствием бы пошутил, — заверил его Вульф. — Скажу Майклу, чтобы позвонил в твое ведомство и переназначил встречу.

Посторонний болван продолжал сидеть с раскрытым ртом, пока Кива не постучала его по плечу.

— Ты слышал, что он сказал, — поторопила она. — Давай уже, вали на хрен.

Подойдя к двери, она отперла ее и распахнула,

отчего по крайней мере один из тех, кто в нее колотил, споткнулся о порог и упал. Посторонний болван вышел, и, после того как Вульф заверил своего помощника, секретаря и поспешно вызванного охранника, что все в порядке, они с Кивой наконец остались одни.

— Вы всегда так входите в помещение, леди Кива? — спросил Вульф.

— Научилась от мамочки.

Вольф положил документ, который дала ему Кива, на кофейный столик и постучал по нему.

— Мне крайне интересно было бы знать, как вы наткнулись на эту информацию.

Кива села в недавно освобожденное посторонним болваном кресло, все еще хранившее тепло его тела, что показалось ей слегка вульгарным.

— Что ж, Друзин, после того, как ты явился, чтобы испортить своим монологом мой долбаный ужин, мне стало интересно, что ты замышляешь. Впрочем, ты и сам бы мог это предположить.

— Я думал, что был крайне осторожен с теми переводами.

— Не сомневаюсь. Но осторожности тебе не хватило. А я умею находить чужие тайны.

— Вот только хранить свои собственные тайны вы, похоже, не слишком умеете, — улыбнулся

Вульф, слегка наклонив голову. — Я слышал, вы довольно-таки внезапно подали в отставку из исполнительного комитета имперо. И еще вашу деятельность расследует министерство доходов. Что-то насчет хищений со счетов дома Нохамапитан, ревизией которых вы должны были заниматься.

— Это тут совершенно ни при чем.

— Конечно, — сухо кивнул Вульф. — Собственно, я слышал, что денег было похищено не так уж мало. В том есть некая ирония — вы раскрыли все финансовые махинации Нохамапитанов, а затем занялись собственными.

— Все это полная хрень, и расследование это наверняка покажет, так что никакой особой иронии тут нет, — сказала Кива, бросив тяжелый взгляд на документ. — Хорошая новость состоит в том, что, возможно, я сумею вернуть себе расположение имперо.

— Вы ведь пришли сюда не просто позлорадствовать, леди Кива?

— Нет, если бы мне этого хотелось, я бы просто прервала твой долбаный ужин.

— Тогда зачем вы пришли?

На этот раз уже Кива постучала по документу.

— Хочу в долю, — сказала она.

— Прошу прощения?

— Ты слышал.

— Вы хоть понимаете, во что ввязываетесь?

— Думаешь, ты единственный, о котором я знаю кое-какие гнусности? — Она помахала пачкой документов, которую все еще держала в руке. — Ты затеял маленький уютный заговор, и будет жаль, если с его участниками что-нибудь случится.

— Я просто…

— Что?

— Ну… — Друзин слегка поерзал в кресле. — Как-то это все… внезапно. На прошлой неделе вы были любимицей импero.

— Нет, — покачала головой Кива. — После той последней сраной попытки переворота Грейланд требовалась затычка в исполнительном комитете. Кто-то, кем, по ее мнению, она могла бы управлять. Вот только я не очень-то управляема, Друзин.

— Я заметил, — слегка улыбнулся Друзин.

— Естественно, ты же не полный долбаный кретин. — Кива наклонилась к нему. — Как думаешь, почему меня вдруг обвинили в финансовых махинациях со счетами дома Нохамапитан? Не потому, что я снимала с них сливки, мать твою, а потому, что нашей дорогой импero требовался

повод, чтобы убрать меня из исполнительного комитета так, чтобы это не выглядело как ее прихоть. Я спокойно сижу у себя в кабинете, когда являются эти болваны из министерства доходов и выкладывают передо мной это дерьмо, а потом, когда они уходят, через двадцать минут звонит кто-то из прислужников имперо и предлагает «возможность» уйти в отставку, твою мать. Я знаю, как все бывает, когда подобное случается на самом деле. На разбирательство обычно уходит куча времени, и даже не долбаная неделя.

— Похоже, вы злитесь на имперо.

— Естественно, я злюсь на имперо, мать ее растак. На нее и на ее долбаную тактику.

— И вы решили шантажировать меня.

— Нет, — снова покачала головой Кива и показала на документ. — Если бы я хотела воспользоваться этим, чтобы свести счеты с Грейланд, я бы сделала это, как только позвонил ее долбаный прихвостень. Нет, мне просто нужно было привлечь твое внимание. А теперь, когда твое внимание привлечено, позволь мне сообщить, что я готова предложить тебе место за этим столом.

Вульф откинулся в кресле:

— Слушаю.

— Первое: я научу тебя, мать твою, как перемещать деньги так, чтобы это не выглядело столь же очевидно, как размазанная ребенком по полу кухни краска. Я искренне удивлена, что болваны Грейланд уже сейчас не колотят в твою дверь.

— Учитывая, что ее болваны только что нанесли вам визит, сомневаюсь, что мне хочется последовать вашему совету, леди Кива.

— Я же говорила — это был лишь повод. Теперь, когда я больше не член исполнительного комитета, все это развеется, словно пердеж под вентилятором. Что ведет ко второму пункту: помнишь, ты просил пересмотра контрактов с домом Нохамапитан?

— Помню.

— Поздравляю, ты свое получил.

— Что, правда?

— Да, если возьмешь меня в долю.

— И вы полагаете, что, когда все это, — Вульф повел рукой, намекая на обсуждаемый заговор, — закончится, у вас все еще будет возможность заключать подобные сделки?

— Я не собираюсь ждать, когда все это закончится, — фыркнула Кива и покрутила рукой, передразнивая Вульфа. — Этот вопрос мы можем решить прямо сейчас, еще до «всего этого». Твой

дом получит свое, даже если «все это» пойдет прахом.

— А если «все это» сработает, как планировалось?

— Тогда и посмотрим, что будет, — пожала плечами Кива. — У меня есть мой собственный дом, Друзин. У меня хватает своих дел и забот. Меня, по сути, заставили взять на себя долбаные дела дома Нохамапитан. Так что, если я просто уйду, ничего со мной не станется. Но пока что мы с тобой вполне можем сотрудничать.

— На моих условиях.

— Нет, условия теперь ставлю я. С этой сделки я должна что-то иметь.

— Гм… что еще?

Кива помахала документами:

— Для начала — этой твоей авантюре серьезно недостает финансов. Могу обеспечить тебя капиталом.

— Намерены финансировать революцию? — язвительно спросил Вульф.

— Нет, конечно, — ответила Кива. — Это будет делать она.

— Кто «она»?

— Та самая, чьи тайные личные счета я держу замороженными весь последний долбаный

год, — сказала Кива, наслаждаясь потрясенным выражением лица Вульфа. — Да брось, Друзин. Не настолько уж я тупая. Вряд ли ты думаешь, будто я решила, что все это твоя идея. — Она снова помахала документами. — Или кого-то из этих клоунов. Для чего-то подобного нужны настоящие амбиции. А от нее ими прямо-таки воняет.

— Мне казалось, что она вам нравится, — заметил Вульф.

— Я не собираюсь с ней целоваться, мать твою. Ей незачем мне нравиться. Мне достаточно ее уважать, что я и делаю. По крайней мере, куда больше, чем долбаную Грейланд. Я видела вблизи их обеих. Одна точно знает, что делает. Другая, вообще говоря, нет.

— И как вы намерены… присвоить эти средства? Мне казалось, что вы передали все ее тайные счета, какие вам удалось найти.

— Да, я передала все тайные счета, о которых сообщила, — кивнула Кива. — Но есть и те, о которых я никому не говорила.

— И, как я понимаю, вы не просто снимали сливки, — улыбнулся Вульф.

— Это не снятие сливок. Это разумное финансовое планирование.

— Не самый лучший план, — заметила тем

же вечером Сения Фундапеллонан, после того как их с Кивой привычный ночной фестиваль взаимных оргазмов завершился и они перешли к разговорам.

— Все будет хорошо, — заверила ее Кива.

Сения приподнялась на постели:

— Ты инсценировала разрыв с правительницей всей известной Вселенной, публично обвинена в финансовых махинациях и делаешь вид, будто намерена связать судьбу с личностью, которая по крайней мере дважды пыталась убить импер. Эта личность принадлежит к семейству, пытавшемуся совершить переворот, а также, не будем забывать, убила по крайней мере одного члена императорской семьи. Да, кстати, еще пыталась убить и тебя.

— И на которую ты прежде работала, — напомнила ей Кива. — Собственно, в каком-то смысле все еще продолжаешь. По крайней мере, на ее дом.

Наклонившись, Сения поцеловала Киву в плечо.

— Теперь я работаю на тебя. Ты меня похитила, помнишь? После того, как меня ранили, целясь в тебя.

— Когда ты так говоришь, все и впрямь кажется

слегка запутанным, — призналась Кива.

— Совсем чуть-чуть. Я просто хочу сказать, что у Надаше будет немало причин подозрительно к тебе относиться. И ты должна суметь отразить все ее подозрения.

— Мы для этого уже немало сделали, — ответила Кива. — У Надаше почти наверняка есть свои люди в министерстве юстиции и министерстве доходов. Решив проверить претензии в мой адрес, они увидят прекрасно сфабрикованные материалы расследования, подтверждающие то, что я говорила Вульфу. Отчет о долгом следствии, в виде документов с метаданными об их создании в последнюю пару недель. Как раз то, что требуется для обвинения.

— Похоже, ты этим весьма гордишься, — пробормотала Сения.

— Да ну, всего лишь красивый штрих, мать его растак.

— Вряд ли это удачная мысль — чересчур влюбиться в собственный ум.

— Ты что, моя мамочка?

— Будь я твоей мамочкой, я бы чаще употребляла слова «твою мать».

— Вполне нормальные слова.

— Несомненно, — кивнула Сения. — Хотя…

может, и не настолько, когда они вылетают из твоего рта через раз.

— Да я половину долбаного времени сама их не слышу, когда говорю.

— Знаю. — Сения погладила Киву. — Но если бы я употребляла их столь же часто, как ты, то ты наверняка бы услышала.

— Нет, не услышала бы.

— Да, мать твою, наверняка, мать твою, услышала бы, мать твою.

— Сейчас ты просто перебарщиваешь.

— Не особо.

— Великолепно. Теперь я начну слышать их каждый раз, мать твою.

Сения снова погладила Киву.

— Уверена, это пройдет. Но я лишь хотела сказать, что, сколь бы умной ты себя ни считала, тебе следует быть осторожнее с Надаше. Ты права — я в самом деле работала на ее семью. Я знаю, что они из себя представляют. Они найдут тебя там, где ты совсем не ждешь. Для них это обычное дело.

— Знаю.

— Я знаю, что ты это знаешь, Кива. Но мне нужно, чтобы ты это почувствовала. — Сения села в постели. — Послушай… может, для тебя это покажется несколько рановато, потому что ты…

это ты, но вся штука в том, что я тебя люблю. Чего, кстати, я вовсе не ожидала. Мне было хорошо с тобой, а потом, когда меня ранили и ты обо мне позаботилась, я стала тебя еще больше ценить, и вообще, ты всегда мне нравилась. Но теперь я знаю, что люблю тебя, и это настоящий кошмар, потому что теперь мне приходится за тебя волноваться. Так что мне нужно, чтобы ты всерьез почувствовала, умом и нутром, что от Надаше Нохамапитан исходит опасность. И пока ты этого не почувствуешь, твоя жизнь под угрозой. Что меня до ужаса пугает.

Лежа в постели, Кива выслушала все, что говорила ей Сения, а потом после вежливой паузы высказала ей то единственное, что, как ей казалось, являлось уместным в данный момент:

— Ты что, пытаешься меня проклясть, мать твою?

— Что? — в замешательстве переспросила Сения.

— Ты что, пытаешься меня проклясть, мать твою? — повторила Кива. — Заявляя, будто любишь меня, перед тем как я собралась всерьез потрахаться с этим долбаным переворотом? Большей чуши не могла придумать?

Сения уставилась на Киву, а потом расхохота-

лась и упала на нее сверху.

— Ну ты и сука, — проговорила она.

— Вот так-то лучше.

— Не лучше, зато правда. — Сения прильнула к Киве.

— Я буду осторожнее, — сказала Кива несколько минут спустя.

— Ладно, ладно, — кивнула Сения. — Не пойми меня превратно. Я знаю, что ты разобьешь все планы Надаше в пух и прах. Никто так не разрушает чужие планы, как ты.

— Спасибо.

— Не за что. Только постарайся не дать ей проделать то же самое с тобой.

— Постараюсь, — пообещала Кива.

Именно Кива организовала следующую встречу. Поскольку она считала, что лучше создать впечатление, будто она не доверяет заговорщикам, которым на самом деле не доверяла, она устроила встречу в общественном месте, недавно переименованном в парк Аттавио Шестого. Парк располагался поблизости от Брайтона, поместья покойного имперо в Ядропаде, которое он предпочитал имперскому дворцу в Сиане. Временем для встречи Кива выбрала вторую половину дня, когда парк Аттавио Шестого обычно был

полон людей, которые бегали трусцой, катались на велосипедах, выгуливали домашних животных, играли с детьми и так далее. Парк Аттавио Шестого был не слишком велик, но в нем было несколько пешеходных бульваров, обсаженных деревьями с пышной листвой, которые образовывали над головой почти сплошной полог, усложнявший задачу возможному снайперу.

Кива отдавала себе отчет в том, что, скорее всего, проявляет избыточную осторожность. С другой стороны, Надаше уже пыталась убить ее с помощью снайпера. Так что, возможно, когда речь шла о Нохамапитанах, избыточная осторожность на самом деле являлась самым необходимым долбаным минимумом.

Увидев Киву, сидевший на скамейке у входа в парк Друзин Вульф помахал ей, а когда она подошла к нему, молча протянул ей руку. В его ладони лежал наушник знакомой модели с сенсорным управлением питанием и громкостью. Взяв наушник, Кива вставила его в ухо и включила прикосновением пальца. Десять секунд спустя послышался сигнал входящего звонка, и Кива снова коснулась наушника, принимая вызов.

— Привет, Кива, — сказала на другом конце Надаше Нохамапитан.

— Привет, Надаше, — ответила Кива, дав легкого пинка продолжавшему сидеть Вульфу.

«Что?» — одними губами спросил он. Кива жестом дала понять, что хочет, чтобы он встал. Вульф озадаченно уставился на нее. Закатив глаза, Кива сдернула его со скамейки, взяла под руку и повела по бульвару, не желая в буквальном смысле стать готовой мишенью.

— Как я понимаю, тебя заинтересовало наше небольшое предприятие, — сказала Надаше, пока Кива поднимала со скамейки долбаную задницу Вульфа. — И надеюсь, ты понимаешь, насколько меня заботит твоя искренность.

— Имеешь в виду, раз я управляю вашим домом, а твое семейство, мать его растак, пыталось меня прикончить, у нас более чем хватает причин не доверять друг другу? — спросила Кива.

— Именно, — ответила Надаше. Кива отметила едва заметную паузу между ее фразой и ответом Надаше. Из этого можно было сделать вывод, что где бы Надаше сейчас ни находилась, ее не было на самом Ядре, и их разделяло достаточное расстояние, чтобы ощутить вызванную скоростью света задержку. Вряд ли Кива могла ее в том винить — все-таки Надаше была сбежавшей преступницей и не желала нарываться на непри-

ятности, объявившись на Ядре.

— Я уже объяснила свои причины Друзину Вульфу, — сказала Кива. — Считать их искренними или нет — твое дело. Со своей стороны, я готова забыть, что твоя семейка пыталась вышибить мне мозги. Как я понимаю, это был просто бизнес. Дурацкий и идиотский, но всего лишь долбаный бизнес.

— И ты хочешь, чтобы я считала, будто твое управление домом Нохамапитан — тоже просто бизнес?

— Это и есть просто бизнес. И в данный момент больше некому им заниматься. Ты в бегах, твоя мамаша в тюрьме, один братец мертв, а другой на Крае, так что его тоже можно считать покойником. Наверняка ты будешь рада узнать, что твой семейный бизнес пока что прекрасно себя чувствует. А когда все закончится и все счеты будут сведены, сможешь получить его обратно.

— Даже так?

— Более чем. Не пойми меня превратно, Надаше. Дом Нохамапитан щедро платит мне за управление его делами. Я не веду твой бизнес чисто по доброте душевной, мать твою, так что свое я имею. Но и ты получишь свое, а поскольку я умею вести дела, вряд ли ты будешь на меня

в обиде.

— Под «моим» подразумеваются в том числе те мои счета, которые ты заморозила? Которые ты еще не отдала?

— Да.

— Имей в виду, что подобного рода перевод сразу станет звоночком. Объясни, как ты намерена переправить мне деньги без последствий для меня и себя?

Кива подробно рассказала, как она собирается это проделать, при этом непредсказуемо перемещаясь с Вульфом по парку. Они то и дело переходили с одной стороны бульвара на другую, двигаясь от дерева к дереву и избегая открытых мест в лиственном пологе, иногда чуть не сталкиваясь с велосипедистами и пешеходами. Если Вульф и догадывался, почему Кива так себя ведет, то не подавал виду, предпочитая лишь время от времени недовольно ворчать. Киве было полностью наплевать на его раздражение — в данный момент он являлся для нее лишь броней.

В конце концов Надаше, похоже, удовлетворилась объяснениями Кивы.

— Значит, договорились, — сказала Надаше. — В ближайшее время ты переправляешь мне эти спрятанные средства. В дальнейшем моя семья

возвращает себе контроль над домом Нохамапитан.

— Насчет средств — да, — ответила Кива. — Насчет дальнейшего — зависит от того, удастся ли тебе провернуть свой план.

— Об этом предоставь беспокоиться мне.

— Само собой, — заверила ее Кива. — Но одно из моих условий: я должна быть в круге приближенных. Ты меня в него допускаешь, а я взамен смогу докладывать тебе, в буквальном смысле вплоть до последней недели, о настроениях в императорском дворце. И еще я могу помочь тебе сохранить все в тайне, причем намного лучше, чем удавалось тебе до сих пор.

— Да уж, — сказала Надаше. — А я была весьма недовольна Друзином, когда обнаружила, что его желание позлорадствовать привело тебя прямо к нам. Прискорбно.

— В следующий раз напомни своим сообщникам, чтобы держали свои долбаные языки за зубами.

— Превосходная мысль, Кива, спасибо. Так и сделаю.

— И что дальше? — спросила Кива.

— Считай, что ты прошла проверку, — сказала Надаше. — Дальше последуют инструкции как

для тебя, так и для Друзина Вульфа. Когда увидишь их, поймешь.

— Не слишком-то определенно.

— Обещаю, ты их не пропустишь. До свидания, Кива. Жду, когда смогу получить свое, а ты — свое.

Наушник замолк.

«Ну и сука», — подумала Кива, извлекая наушник из уха.

В целом встреча прошла так, как и ожидала Кива. Она не рассчитывала, что Надаше примет ее с распростертыми объятиями — суть была не в этом. Суть заключалась в том, чтобы разрядить напряженность и начать собирать информацию, которая позволила бы в нужное время вставить нужные палки в нужные колеса. Грейланд вовсе не хотела, чтобы Кива развалила заговор; она хотела, чтобы Кива максимально его притормозила, делая вид, будто оказывает помощь.

«Это у меня получится», — решила Кива. Сения была права: никому лучше Кивы не удавалось разрушать чужие планы, и с каждым разом она лишь набиралась опыта. Что же касается этой небольшой авантюры, то она вполне соответствовала решению Кивы, которое та приняла вскоре первого столкновения с домом Вульф, — ускорить

перемены ради всеобщего блага, независимо от чьего-либо желания или нежелания. Попытка переворота должна была завершиться крахом, причем именно из-за Кивы, после чего, возможно, Взаимозависимость или, по крайней мере, ее народ хотя бы немного приблизятся к спасению.

«А долбаных Нохамапитанов я зашвырну на солнце», — подумала Кива. Так сказать, в качестве бонуса.

— Что она сказала? — спросил Друзин Вульф.

— Хочешь запись всего долбаного разговора? — спросила Кива, кладя наушник в карман.

— Хотя бы о том, что нам делать дальше.

— Она сказала, что последуют дальнейшие инструкции.

— Интересно, что бы это значило?

— Тебе лучше знать — это ведь ты у нас заговорщик, — ответила Кива, и в то же мгновение в носу Друзина Вульфа, над левой ноздрей, появилась маленькая дырочка. Друзин моргнул, посмотрел на Киву и упал навзничь.

Послышался стук падающего предмета. Повернувшись, Кива увидела лежащий посреди бульвара пистолет, разбегающихся в стороны кричащих людей и некую личность неопределенной внешности, нацелившую оружие ей в лицо.

«Зашибись, твою мать, — успела подумать Кива, прежде чем ее окутала тьма. — Она в самом деле меня прокляла».

Глава 13

— Так, это уже сложнее, — сказал Марс, пытаясь вывести на планшет свою последнюю презентацию.

Кардения с трудом сдержала смешок.

— Знаю, — ответила она. — Не забывай, чем мы занимаемся. Твоя задача — сделать понятным то, что ты собираешься сказать, для людей, которые не являются физиками Потока. Политиков. Журналистов. Обычных людей. Меня.

— Ты не обычная, — заметил Марс.

— Да, — согласилась Кардения. — Но когда-то я почти была таковой. В любом случае, я уж точно не физик Потока. Так что для целей данной презентации можешь считать меня обычной.

Они сидели в небольшом медиатеатре по соседству с личными покоями Кардении. В нем могло разместиться около двадцати пяти человек, и импера, когда ей хотелось отвлечься, могла пригласить туда друзей, чтобы посмотреть последние развлекательные программы на большом экране с потрясающим звуком.

По крайней мере, так было в теории. На самом же деле к тому времени, когда Кардения заканчивала исполнять свои ежедневные обязанности импер, ей меньше всего хотелось восторгаться яркой, шумной картинкой в компании пары десятков других людей. Как правило, она просто забиралась в постель вместе с Марсом, и если они вдвоем что-то и смотрели, то на лежащем на коленях планшете. Марс как-то раз с иронией заметил, что самая могущественная персона во всей известной Вселенной потребляет видео, словно изголодавшаяся студентка колледжа; в ответ Кардения вытащила его из постели и заставила смотреть тот же фильм в зале. В итоге их хватило на пять минут, после чего они занялись кое-чем совсем другим, не обращая внимания на происходящее на экране.

Кардения улыбнулась своим воспоминаниям, не имевшим ничего общего с тем, чем они занимались в том же зале сейчас.

— Ладно, — сказал Марс, запуская слайд-шоу на огромном экране. Заголовок первого слайда гласил: «Что такое Поток?» — Гм… ты это уже и так знаешь, — нахмурился он.

— Знаю, — кивнула она. — Почему бы тебе не перейти к новой, более сложной части?

Марс пропустил еще несколько слайдов, описывавших самые основы физики Потока, а также астрографию Потока и Взаимозависимости; Кардения отметила про себя, что нужно дать задание помощникам попросить кого-то из дизайнеров в Имперском бюро информации помочь Марсу привести свою презентацию в удобоваримый для публики вид. Марс, может, и был гением во многих отношениях, но визуальный дизайн не относился к числу его сильных сторон.

— Есть, — наконец сказал он, останавливаясь на слайде с изображением отмели Потока. — Это отмель Потока в том виде, в каком мы ее обычно знаем. Именно через нее корабли входят в Поток и покидают его, и она статична по отношению к наиболее массивному объекту в ее системе, как правило звезде. В каком-то смысле можно утверждать, что отмель Потока стоит на гравитационном якоре — именно поэтому отмели можно обнаружить в звездных системах, но почти никогда за их пределами.

Марс коснулся планшета, и появилось другое изображение отмели Потока, на этот раз движущейся и уменьшающейся в размерах.

— Но около двух лет назад, — Марс взглянул на Кардению, — в буквальном смысле незадолго

до того, как я сел на корабль, чтобы лететь на Ядро…

Кардения улыбнулась.

— …корабль-«пятерка», неожиданно выброшенный из распадающегося течения Потока, обнаружил эфемерную отмель Потока, которая, в отличие от тех, что мы обычно наблюдаем, одновременно двигалась и уменьшалась. Собственно, учитывая, насколько невелико было время ее существования, вполне можно сказать, что она испарилась.

Появился очередной слайд, заполненный уравнениями, понять которые у Кардении не было никакой надежды.

— Как такое могло произойти? У меня есть гипотеза, что распад Потока способствовал возникновению нескольких локальных эфемерных течений, временно связанных с основным течением, — подобно волокнам, отделяющимся от разматывающейся веревки. Для них нет источника гравитации, который мог бы послужить якорем, и потому срок их существования невелик. Раньше мы никогда не наблюдали подобного, поскольку, когда корабль внезапно вываливается из Потока, он обычно оказывается затерянным в глубоком космосе, и никакой информации от

него больше не поступает. Просто нет данных.

Слайд снова сменился.

— Но теперь, когда у нас есть данные, а также, благодаря Хатиде Ройнольд, мы имеем некоторое представление о физике эфемерных течений, я думаю, что могу сделать ряд предположений относительно того, как будут выглядеть эти эфемерные течения в локальном космосе. — Марс замолчал. — Ну как? Все понятно?

Кардения свела большой и указательный пальцы:

— Еще вот столько, и я перестану понимать.

Кивнув, Марс перешел к следующему слайду:

— Тогда попробую попроще. Мне кажется, что, когда появится эфемерное течение Потока, его отмель поведет себя так же, как и та, которую видели с нашей почти обреченной «пятерки», но наоборот. Сперва она будет выглядеть совсем крошечной, а потом станет перемещаться и расти, пока не окажется на якоре. — Он помедлил. — Собственно, я думаю, что так ведут себя все течения Потока, возникая в обычном пространстве-времени, но обычные течения были столь устойчивы — скажем так, до недавнего времени, — что у нас просто не было шанса это увидеть.

— Пожалуй, стоит опустить эту часть, когда будешь выступать перед другими, — посоветовала Кардения.

— Понял. — Вернувшись к своим слайдам, Марс вывел следующий, с очередными уравнениями. — Итак, почему все это столь важно? Потому что если отмели Потока в возникающих эфемерных течениях растут и движутся, то, возможно, есть некий способ воздействовать на их рост и движение и даже управлять им, располагая отмели ближе к человеческим поселениям и придавая им достаточно большой размер, чтобы через них могли пройти крупные объекты.

— То есть больше кораблей, — кивнула Кардения.

— Нет, — сказал Марс. Появился новый слайд с изображением полноразмерного человеческого поселения, способного вместить сотни тысяч людей. — Я имел в виду настоящие искусственные планеты.

Кардении потребовалось несколько секунд, чтобы до нее дошел смысл его слов.

— Ты хочешь поместить в Поток целые человеческие поселения?

— Я бы не стал употреблять слово «хочу», — возразил Марс. — Но это вполне возможно. А если

это возможно, все вдруг становится интереснее.

— Интереснее?! — воскликнула Кардения. Теперь она наконец поняла — если удастся отправить в Поток целые поселения, то самая серьезная проблема для человечества — перемещение миллионов людей за пределы их систем в условиях, когда космические корабли могли переправить лишь малую долю этого числа, — переставала быть таковой. Корабли больше не требовались. Можно было просто переместить людей вместе с их средой обитания и тем самым спасти почти всех. — Нужно так и сделать, — сказала она.

— Погоди. — Марс поднял руки. — Все не так просто.

— Почему?

— Потому что… в общем, у меня сейчас нет подходящего слайда.

— Забудь про долбаные слайды, мать твою, — раздраженно бросила Кардения. — Просто расскажи.

— Ого, — проговорил Марс.

— Извини, — развела руками Кардения. — Вырвалось. — Она показала на экран. — Но это как раз может быть тот самый ответ, который нам нужен.

— Возможно, — улыбнувшись, согласился

Марс. — Но до этого предстоит еще очень многое сделать.

— Например?

— Ну, прежде всего нужно выяснить, в самом ли деле мое предположение верно. — Марс махнул рукой в сторону экрана. — Пока это всего лишь гипотеза, основанная на имеющихся данных. Даже не на многих данных, а, по сути, на единственном событии. Я был бы плохим ученым, если бы не сказал, что пока что все это более чем сомнительно.

— Прекрасно, — ответила Кардения. — И как ты собираешься это выяснить?

— Для этого мне потребовалось бы увидеть процесс возникновения отмели эфемерного Потока.

— Ну так займись этим.

— И в идеале — не одной.

— Скольких?

Марс неуверенно повел рукой:

— Может, нескольких десятков? Для начала?

— И сколько времени это займет?

— Для меня одного — никакого времени не хватит. Если с кем-то еще — может, год.

— К тому времени системы уже начнет отрезать от Потока.

— Да, — согласился Марс, и Кардения нахмури-

лась. — Но даже если мы соберем необходимые данные, это будут только данные. Мы поймем, достаточно ли надежна моя гипотеза для того, чтобы стать теорией. Но после у нас возникнет ряд проблем практического характера.

— Например, как сделать одну из этих отмелей достаточно большой? — спросила Кардения.

— Именно. И не только. — Марс показал на изображение поселения. — Поселения не корабли. Они находятся на орбитах или в точках Лагранжа, фактически не двигаясь с места. И у них нет возможности куда-либо отправиться. В лучшем случае у них имеются двигатели, которые удерживают их на орбите, противодействуя дрейфу, но они неспособны переместить поселения на сколько-нибудь существенное расстояние. Мы не можем доставить их к отмели Потока. Отмель должна сама к ним прийти.

— И как нам это сделать?

Марс сконфуженно пожал плечами:

— Ну… посмотрим. Это не так-то просто.

— То есть ты не знаешь, — сказала Кардения, тут же поняв, что в ее голосе прозвучали обвинительные нотки, и надеясь, что Марс их не заметит.

Естественно, он заметил:

— Извини.

Кардения досчитала до пяти, прежде чем продолжить.

— Не извиняйся. Я просто… ладно.

— Знаю, — кивнул Марс. — Вполне тебя понимаю, поверь мне. Но я не могу работать над попытками направить отмель Потока в определенную точку, не зная в точности, что они вообще способны двигаться. Мне очень жаль, но в подобных вопросах приходится действовать шаг за шагом.

— Неужели нет короткого пути? — спросила Кардения.

— Нет, — ответил Марс. — Если только ты не сумеешь найти данные, имевшиеся у тех, кто создал Разрыв.

— Что?

— Разрыв. Ну, знаешь, когда люди, жившие в системах Взаимозависимости до Взаимозависимости, решили отрезать себя от Земли и всех остальных.

— Я знаю, что это, — сказала Кардения.

— В общем, чтобы совершить подобное, они должны были прекрасно разбираться в физике Потока. Фактически они инициировали коллапс одного из течений Потока. — Марс по-

морщился. — И вызвали тем самым последствия, с которыми мы теперь имеем дело. Чтобы все это проделать, они должны были быть куда умнее нас. Во всяком случае, умнее меня.

— То есть если бы у тебя был доступ к их разработкам, ты смог бы обойти все те сложности, о которых речь?

— Не знаю, — признался Марс. — Думаю, нам в любом случае нужно подтвердить способность отмелей перемещаться. Что же касается всего остального… — он пожал плечами, — будет видно. Но в любом случае мы куда-то сдвинемся с мертвой точки. Вот только никаких данных не существует. Ты говорила мне, что Цзии их не нашел.

— Да, — ответила Кардения. — Так и есть. Но… что, если Цзии их все-таки нашел?

— В смысле — если у Цзии есть все данные, о которых мы только что говорили?

— Да.

— Тогда я всерьез бы разозлился, — после некоторой паузы сказал Марс. — Ибо это означало бы, что ты знала о существовании этих данных, но не снабдила меня ими. И выходит, я сжигал собственные мозги, пытаясь спасти от смерти миллиарды людей, в то время как у меня, можно

сказать, были связаны руки.

— Гм… — промычала Кардения.

— Так что? Есть у Цзии данные времен Разрыва?

— Ну, — сказала Кардения. — Гм…

— Похоже, я худшее чудовище в истории, — сказала Кардения своему отцу.

— Со статистической точки зрения это выглядит маловероятным, — ответил Аттавио Шестой.

— Уверен? — спросила Кардения. — В данный момент по моей вине в буквальном смысле грозит гибель миллиардам людей, вокруг которых рушится Вселенная и которых я не могу спасти. Вряд ли со статистической точки зрения с этим может сравниться что-либо еще.

— Не в твоей власти помешать тому, что вокруг них рушится Вселенная, — сказал Аттавио Шестой. — И не иметь возможности их спасти — вовсе не то же самое, что их убить.

— Ну… на этот счет есть разные мнения. — Кардения вспомнила обсуждение репетиции презентации Марса, переросшее, к немалому неудовольствию Кардении, в их первую настоящую ссору. Когда все закончилось, Марс извинился и ушел, якобы чтобы продолжить работу над презентацией, но на самом деле ему

просто больше не хотелось разговаривать с Кардением, и он удалился в свои собственные покои в императорском дворце, больше напоминавшие обставленную в стиле общежития комнату для младших имперских бюрократов.

— Как я понимаю, я должен поинтересоваться, какое событие стало причиной твоего визита? — спросил Аттавио Шестой.

Кардения, прищурившись, взглянула на отца:

— Да, но тебе не полагалось этого говорить.

— Запомню на будущее.

— Не важно, — сказала Кардения. — Вряд ли мне хочется сейчас с тобой разговаривать.

Отправив в небытие Аттавио Шестого, она попросила Цзии вызвать Рахелу, первую импере Взаимозависимости. Когда Аттавио, моргнув, исчез, Кардения почти с тоской поняла, что избавилась от имитации своего отца с той же небрежностью, с какой избавилась бы от любого другого из призраков, с которыми встречалась в Зале Памяти. Нечто связывавшее ее с отцом — ее настоящим отцом — перестало существовать.

Дальнейшие размышления Кардении прервало появление Рахелы Первой.

— Вы во многом солгали. — Слова Кардении прозвучали скорее как утверждение, а не вопрос.

— Люди во многом лгут, — ответила Рахела.

— Да, но ложь стала вашей политикой, — возразила Кардения. — Во время основания Взаимозависимости.

— Да, я лгала, — согласилась Рахела. — Но насколько больше или меньше, чем другие люди или последующие имперо, — вопрос, требующий некоторого изучения. Я бы сказала, что находилась где-то посередине.

— Ложь когда-либо оказывалась вам во вред?

— Мне лично или мне как имперо?

— И то и другое.

— Конечно, — ответила Рахела. — Точно так же во вред мне иногда оказывалась и правда, когда, возможно, было бы добрее, легче или политически выгоднее солгать. Ложь сама по себе не ведет к плохим последствиям, так же как и правда при любых обстоятельствах не ведет к хорошим. Как и во многом другом, важен контекст.

— Вас никогда не беспокоила ваша столь… гибкая политика насчет правды и лжи? — спросила Кардения.

— Нет. У меня была конкретная цель — создание Взаимозависимости, а затем ее укрепление, чтобы она могла выжить в первые годы. Правда, ложь и все, что посередине, служили исключи-

тельно этой цели.

— Цель оправдывает средства.

— В то время я выразилась бы иначе.

— И как же?

— Цель слишком важна, чтобы исключать любые возможные средства.

— Удобная софистика, — заметила Кардения.

— Да, — согласилась Рахела, в очередной раз напомнив Кардении, что данная версия Рахелы не обладает собственным «я» и не испытывает необходимости как-либо оправдывать свои действия. «Может, это не так уж и плохо», — подумала Кардения.

— Чем вызван ваш вопрос о правде и лжи? — спросила Рахела.

— Я скрыла кое от кого информацию, — сказала Кардения. — Данные о Разрыве, которые могли бы оказаться полезны этому человеку. Ему это крайне не понравилось, и он был очень недоволен, что я солгала ему, будто у Цзии нет этой информации, и не поделилась ею с ним.

— Это ваша прерогатива, — ответила Рахела.

— Он мой близкий друг.

— Это осложняет дело.

— Да, осложняет.

— Вы как-то решили эту проблему?

— Нет, — ответила Кардения. — Я извинилась перед Марсом, что солгала ему, и объяснила, почему ничего не говорила ему про те данные. Все потому, что именно Разрыв стал причиной той ситуации, в которой мы оказались, — выбор, который сделали ученые и политики полторы тысячи лет назад, создав Разрыв, сделал неизбежным коллапс Потока. Мы не несем ответственности за эти данные. По крайней мере, я так считаю.

— И Марс с вами не согласился?

— Он сказал, что мы не они. Что мы умнее их. А потом я сделала то, чего мне не следовало делать.

— Что вы сделали?

— Рассмеялась ему в лицо, — сказала Кардения, беспомощно глядя на Рахелу. — Я ничего такого не имела в виду, просто вырвалось. Но он ошибается. Каждое мгновение моего пребывания в роли импер подтверждает, что мы ничем не лучше тех людей, живших полторы тысячи лет назад. И мы ничем не лучше вас в те времена, когда вы создавали Взаимозависимость. Прошу прощения.

— Вы ничем меня не обидели, — ответила Рахела. — У меня отсутствует способность обижаться.

— Зато у Марса она есть. И он обиделся. А потом разозлился, что я не поделилась с ним данными

о Разрыве. Чего я все равно не сделаю.

— Вы считаете, что он совершит с их помощью нечто ужасное?

— Нет, — покачала головой Кардения. — Не он. Я доверяю Марсу. Меня беспокоят все остальные в этой Вселенной. Как только данные станут известны, их будет невозможно скрыть. Те, кто воспользовался ими прежде, едва не погубили себя и всех прочих. И точно так же это неизбежно погубит нас. Нам еще повезло, что эта информация столь долго считалась утраченной. Это яд.

— Вы считаете, что Марс не сумеет сохранить данные в тайне?

— Просто не сможет. Он не в состоянии проделать всю работу в одиночку. Если данные окажутся хоть в чем-то полезными, ему придется поделиться ими с другими учеными, чтобы подтвердить их и распределить задачи между разными людьми. Собственно, он уже этим занимается. Как только они начнут работать с данными, они сразу же поймут все их последствия. Ничто не останется тайной, — усмехнулась Кардения. — Вы и сами прекрасно должны это знать. Ведь это вы запрограммировали Цзии на поиски всех секретов во Взаимозависимости.

— И вы все это ему объяснили?

— Да, но Марса это не убедило. Он сказал, что если в данных содержится полезная информация, а я буду держать ее под замком, то если нам не удастся найти способ спасти народ Взаимозависимости, в его смерти буду виновата я. — Кардения пожала плечами. — И возможно, в чем-то он прав. Вполне возможно, что я в самом деле войду в историю как худшее чудовище. Марс злится на меня за то, что я ему лгала. И еще больше он злится на меня за то, что я не дала ему те данные.

— Вы признались ему, что солгали?

— Можно сказать, случайно проговорилась.

— Вероятно, вам не следовало этого делать, — сказала Рахела. — Если вы хотели, чтобы он на вас не злился.

— Теперь уже слишком поздно, — раздраженно ответила Кардения. — Я надеялась, что, возможно, у вас есть некий опыт, который мог бы мне пригодиться, чтобы все исправить. Потому что вы… в общем, умели лгать. А я, похоже, толком не умею.

— Вас интересует, как бы я поступила в той же ситуации? — спросила Рахела.

— Да, конечно.

— Скорее всего, я рассталась бы с этим человеком.

— Что?

— В отсутствие каких-либо личных отношений нет нужды беспокоиться, что он на вас разозлится или обидится. Вы импер о. Для личных отношений вы без труда найдете себе другого.

— Что ж, во-первых, судя по моему опыту, это совсем не так, — ответила Кардения. — А во-вторых, будем исходить из предположения, что на данный момент я хочу эти отношения сохранить.

— Как скажете.

— Вы бы действительно с кем-либо расстались из-за такого?

— Собственно, я и рассталась, — сказала Рахела. — С моим первым мужем.

— И это вас нисколько не беспокоило?

— Нет. Он и без того был порядочной сволочью.

— Что ж, Марс не сволочь, — сказала Кардения. — И мне не хотелось бы с ним расставаться.

— Поделитесь с ним данными.

— Я уже объяснила, почему не могу этого сделать.

— Поделитесь ими с ним и изолируйте тех, с кем мог бы поделиться он.

— «Изолируйте», — повторила Кардения. — Звучит подозрительно, похоже на «посадите их

в тюрьму для ученых, чтобы ничего не просочилось наружу».

— Да, могут быть второстепенные проблемы, — согласилась Рахела.

— Вряд ли я смогу так поступить, — сказала Кардения и замолчала. Рахела терпеливо ждала, как и подобает симулякру. — Цзии, — после некоторой паузы позвала Кардения, и рядом с Рахелой возник человекоподобный аватар, — как я понимаю, ты пытался получить доступ к компьютеру «Оверни», корабля, который сейчас стоит у моего причала.

— Да, — ответил Цзии.

— И тебе это не удалось?

— Пока нет.

— Тебе также известно, что Тома Шенвер, искусственная личность, обитающая в компьютере «Оверни», отправил тебе приглашение поговорить с ним?

— Да.

— Почему ты не принял его предложение?

— Я не запрограммирован на прием подобных предложений, — ответил Цзии. — Моя задача — взаимодействовать с импето в Зале Памяти и искать скрытую информацию. Помимо весьма ограниченной способности обращаться к об-

служивающему персоналу по поводу проблем, которые я не в состоянии решить сам, у меня отсутствуют протоколы для иных взаимодействий.

Кардения снова посмотрела на Рахелу:

— Почему? Цзии программировали вы. Что мешало дать ему способность общаться с другими людьми?

— Какими другими людьми? — спросила Рахела. — В Зал Памяти имеют доступ только правящие имперо.

— И никому из других имперо не приходило в голову приказать Цзии обратиться к кому-либо еще?

— Все другие имперо соглашались с тем, что говорил им Цзии о своей роли.

— Значит, только я одна такая странная, — сказала Кардения.

— Я бы выразилась иначе, но да.

Улыбнувшись, Кардения обратилась к Цзии.

— Я бы хотела, чтобы ты принял приглашение Тома Шенвера, — сказала она. — Он уже сообщил мне, что может создать «песочницу» на своих серверах, в которой вы можете встретиться вдвоем. При этом у тебя не будет доступа к его серверам, а у него к твоим — вы будете находиться на нейтральной территории. Договоритесь обо всем

необходимом и как можно скорее организуйте встречу.

— Да, Ваше Величество, — ответил Цзии и исчез.

— С какой целью? — спросила Рахела.

— Марс уже делится информацией с Шенвером, — ответила Кардения. — И Шенвер плотно занялся изучением физики Потока. Если я пойму, что ему можно доверять, я могу поделиться с Марсом данными о Разрыве при условии, что об этом никто больше не узнает, кроме Шенвера. Он — искусственная личность и провел последние триста лет в полной изоляции, так что вряд ли будет чересчур жестоко, если он останется в ней и дальше, ни с кем больше не общаясь.

Кардения провела в Зале Памяти еще несколько минут, прежде чем завершить сеанс. За дверью ее уже ждал Марс.

— Мне нужно тебе кое-что сообщить, — сказала она. — Очень важное.

— С этим можно подождать, — ответил Марс. Вид у него был осунувшийся и подавленный.

— Что такое? — нахмурилась Кардения.

— Кое-что случилось, — сказал он. — С Кивой Лагос.

Глава 14

Для Надаше Нохамапитан все складывалось удачно.

Для начала — она избавилась от кое-какого мусора в лице Друзина Вульфа и Кивы Лагос.

Но к тому же — чем в данный момент она вовсю наслаждалась — у нее сменился адрес. Она покинула темные зловонные застенки корабля «Наша любовь не может больше длиться» и теперь обитала на корабле «Белые гетры и куча долларов». Как и «Наша любовь», это был внутрисистемный торговый корабль, но, в отличие от «Нашей любви»», для того, чтобы посмотреть на «Белые гетры», не требовались антибиотики.

Корабль был сдан в аренду, и теперь, когда срок аренды закончился, он был возвращен дому Ву для ремонта перед новой сдачей в аренду. Как это обычно бывает в промежутке между арендами, он отсутствовал в перечне кораблей, использовавшихся в коммерческих целях. Простер Ву взял «Белые гетры» во временное пользование, что являлось прерогативой высокопоставленных должностных лиц дома Ву, и поставил его на причал в личных доках семейства Ву, где его никогда бы не побеспокоил ни один имперский

инспектор или чиновник налоговой службы. Пока корабль не покидал док, он, по сути, оставался невидимым.

Надаше была в восторге. «Белые гетры» был чистым современным кораблем, к тому же предыдущий арендатор обустроил его для перевозки как груза, так и пассажиров, так что стены ее каюты люкс уже не покрывал скрипучий выцветший металл с пятнами плесени. Простер Ву поселил на корабле небольшую команду техников и слуг, позаимствованных со все еще пребывавшей в системе «пятерки» графини Нохамапитан, конфискованной у нее после ареста за измену и убийство. Надаше приняла их присягу на верность как фактическая глава дома, а затем, в свойственной Нохамапитанам манере, забывала об их существовании до тех пор, пока ей не нужно было от них что-то конкретное.

Однако даже временная жизнь на попечении семьи Ву имела свои минусы, о чем напомнил Надаше Простер Ву, вошедший в ее каюту без приглашения и даже без стука.

— Ты убила Друзина Вульфа, — сказал он.

— Это не я, — спокойно возразила Надаше, развалившись в шезлонге и листая страницы на экране планшета. — Я все время была здесь. У

меня есть свидетели.

— Ты не можешь убивать собственных союзников. Так ты останешься вообще без союзников, а тебе без них не обойтись. Нам без них не обойтись.

Надаше отложила планшет.

— Что ж, Простер, есть два варианта объяснить, что случилось с нашим дорогим другом Друзином Вульфом. Первый — я никому не поручала его убить. Собственно, когда этим делом займутся различные правоохранительные органы — а они обязательно им займутся, — обнаружится переписка, из которой следует, что Друзин Вульф заманил в тот парк Киву Лагос, чтобы ее там убили, — в конце концов, не так давно у них случились серьезные разборки делового характера. Вытащите ее в парк, пусть какой-нибудь бродячий киллер всадит ей пулю в лоб — и дело с концом.

— Вот только Вульфа нет в живых.

— Могли случайно толкнуть под локоть в толпе, — пожала плечами Надаше. — Такое бывает, когда нанимаешь киллеров по дешевке.

— И ты полагаешь, кто-нибудь в это поверит?

— Да, я полагаю, что правоохранительные органы в это поверят, — ответила Надаше. — Стоит

дать им простой ответ, и они не станут возражать. Намного меньше работы, к тому же простейший ответ обычно оказывается верным. У Вульфа имелись все основания заказать убийство Кивы Лагос, а потом он случайно подвернулся под пулю. Надеюсь, исполнителю уже заплатили сполна. Было бы неловко, если бы ему пришлось возвращаться за второй половиной.

Простера Ву ее слова не слишком впечатлили.

— Это один вариант. Ты говорила, что есть и другой.

— Другой вариант: Друзин Вульф несколько перестарался, злорадно заявив Киве Лагос, что она получит свое, и это вызвало у нее желание выяснить, что он замышляет, втянув в эту историю несколько других домов, меня и тебя, Простер. Вряд ли ты сумел бы помешать планам Кивы Лагос — она умна, а если ее разозлить, готова глотку перегрызть. Именно так она и поступила с Друзином Вульфом — заманила его в точности туда, куда хотелось ей, и заставила его плясать под свою дудку. — Надаше потянулась в шезлонге. — С ней, естественно, следовало покончить. Но и с ним тоже. Чтобы оборвать все концы и заткнуть протечки, а заодно напомнить нашим людям, чтобы сосредоточились на деле. Свести

личные счеты можно будет и после переворота. Став импер, я буду поощрять все их мелкие вендетты — в награду за их службу. Но только после того, как я займу место Грейланд в императорском дворце.

— То есть ты посылаешь им намек?

— Лично я ничего не делаю, — ответила Надаше. — Как я уже сказала. Но если кто-то из наших напуганных и страдающих паранойей союзников воспримет случившееся как урок и приложит все усилия, чтобы не совершать до переворота никаких глупостей, хуже точно не будет. — Она пожала плечами. — В любом случае, это дешевый урок. Дом Вульф не имеет особого значения для наших планов — это мелочь. Зато теперь у нас есть преимущество — Кива Лагос убрана со сцены, и стал ближе тот день, когда дом Нохамапитан вновь окажется во власти нашей семьи. И когда этот день наступит, мне будет намного проще.

— Так что я должен сказать нашим союзникам? Они уже чуть ли не с воем на меня накинулись.

— Можешь говорить им что хочешь. Но дай им понять, что, если бы Друзин Вульф держал язык за зубами и не бахвалился перед той, кто раскрыла его замыслы столь же легко, как мы завязываем

шнурки, он был бы сейчас жив. Не важно, по какому из двух сценариев, по твоему мнению, пошли бы события. Можешь также напомнить нашим союзникам, что из-за хвастовства Друзина Киве Лагос стало известно в том числе и об их участии в заговоре. Если бы не та ссора Кивы с Грейланд, неосмотрительность Друзина привела бы к тому, что мы уже ждали бы суда за измену. — Надаше помедлила. — Вернее, они бы ждали. Как и ты, Простер.

— Меня не было ни в каких документах Кивы, — возразил Простер.

— Тебе, наверное, приятно думать, что наши союзники, как ты их называешь, не сдадут тебя в то же мгновение, когда их схватят, — улыбнулась Надаше.

— Намек понял.

— Я и не сомневалась.

— Значит, ты считаешь, что ссора между Кивой и Грейланд была настоящей?

— Никто из нашего маленького клуба не оказался в тюрьме. Судя по последней посадке изменников, которую устроила Грейланд, она не тратит времени зря, стоит лишь ей о них узнать. А Кива — та еще сволочь, так что я вполне понимаю, что от нее любой быстро устанет.

— То есть это значит «да»?

— Это значит: «Меня больше не волнует Кива Лагос», — ответила Надаше, снова беря планшет. — У меня сейчас хватает других дел. Нашим так называемым союзникам тоже стоило бы сосредоточиться на других делах.

Поняв, что разговор окончен, Простер вышел.

По правде говоря, Надаше вовсе не питала столь радужных надежд относительно Кивы Лагос, как могло показаться Простеру. Она отнюдь не была уверена, что Кива не пыталась вести двойную игру с Друзином Вульфом, и, когда Вульф пришел к ней с известием, что Кива хочет участвовать в их планах, она едва не вышвырнула его из шлюза, не в силах сдержать охватившую ее тревогу и страх (естественно, внешне это никак не проявлялось — кому-то вроде Друзина Вульфа незачем было знать, о чем она на самом деле думает). Потребовалось несколько дней, прежде чем ее люди предоставили документы, из которых следовало, что все выглядит именно так, как утверждала Кива: Грейланд устала от сволочного характера Кивы и нашла способ от нее избавиться.

Это обрадовало Надаше, потому что она стала ненавидеть Киву Лагос. Она уважала Киву и старалась не недооценивать ее, прекрасно понимая,

что, хотя Кива и была ее серьезным противником, свидетельством чему были многочисленные замороженные счета, считавшиеся надежно спрятанными, она могла также стать серьезным союзником, знающим изнутри все имперское хозяйство.

В конце концов Надаше уже не могла больше выносить Киву — ее самоуверенность, ее вульгарность, ее скрывавшуюся под слоем полной анархии удивительно негибкую мораль. К тому же Надаше тошнило при мысли, что в колледже Кива трахалась до бесчувствия с ее братом Грени, хотя Грени нельзя было назвать особо разборчивым партнером. Надаше и Кива никогда не смогли бы стать союзниками.

«А жаль», — подумала Надаше. Когда Друзин Вульф совершил свой промах и Кива попыталась извлечь из этого выгоду, Надаше даже не раздумывала над его дальнейшей судьбой. Он должен был умереть, и чем раньше, тем лучше. Но несмотря на все, Надаше пришлось поразмыслить, как поступить с Кивой. Как бы Надаше ее ни ненавидела (и нисколько не сомневалась, что Кива питает к ней те же чувства), ей казалось чуть ли не расточительством обрекать Киву на ту же судьбу, что и Друзина Вульфа. О Вульфе никто

не стал бы жалеть даже в течение того краткого мига, пока он падал бы наземь. Кива осталась бы в памяти других несколько дольше.

И все же Надаше не могла допустить, чтобы Кива продолжала играть роль агента хаоса, пусть даже самим фактом своего существования. Киву следовало убрать с игровой доски. Надаше так и сделала, решив, что поступила вполне разумно.

Надаше не в первый раз подумала, что в некоем абстрактном смысле с ней, возможно, что-то не так. Если перечислить ее поступки за последние несколько лет, можно было бы счесть их действиями социопата. Она помогла разжечь гражданскую войну, пыталась убить импера, даже дважды, во второй раз убив в качестве сопутствующих потерь собственного брата, участвовала в перевороте и готовила еще один, а за последние несколько недель расправилась с горсткой аристократов. Вряд ли все это можно было назвать поступками приятного во всех отношениях и высокоморального человека.

То, что ее не считали приятным человеком, Надаше нисколько не волновало. Это было уделом других, не обладавших властью и не строивших планы ее получить. Надаше не помнила, чтобы ее считали приятной в общем смысле этого слова.

Вежливой? Определенно. Почтительной? Когда это было уместно или необходимо. Приятной? Нет. Подобное она воспринимала как отречение, как признание собственного поражения. Как нечто присущее просителю, а не вышестоящему или, по крайней мере, равному.

«Возможно, будь ты приятным человеком, ты бы уже вышла замуж за имперо и во всем этом не было бы нужды», — заметил ее внутренний голос, звучавший почти так же, как голос ее матери. Надаше прочили в невесты Реннереду Ву, кронпринцу Взаимозависимости, но этому не суждено было сбыться, поскольку оказалось, что Реннереду нужен не столько партнер, сколько покладистая подстилка. Приятная, покладистая подстилка. Надаше на многое была готова, чтобы стать супругой имперо, но не на такое. Так что у них ничего не вышло, и, возможно, это не понравилось ее матери, но затем та убила Реннереда, повредив его гоночную машину, а потом пыталась свергнуть нынешнюю имперо. Так что вряд ли ее матери стоило читать лекции насчет того, что значит быть приятным человеком.

В итоге слово «приятный» отсутствовало в личном словаре Надаше. Но слово «высокоморальный» там имелось. Надаше понимала, что

убийства людей и организация переворотов не относятся к числу признаков высокоморальной личности, по крайней мере сами по себе, но искренне верила, что все ее поступки имеют определенный контекст. В первую очередь — контекст семейства Нохамапитан, объективно принадлежавшего к самой лучшей породе, не из каких-то странных евгенических соображений, но из-за влиятельности и значимости семьи и ее дома с самых первых дней Взаимозависимости, когда Нохамапитаны стали одним из первых семейств, объединившихся с семейством Ву.

Семейство Ву, и в частности императорская династия, не раз сбивалось с пути — собственно, именно такова была проблема с нынешней импер о, которая, если бы не несчастный случай (скажем так, в кавычках), в лучшем случае стала бы среднего уровня ученым в какой-нибудь отдаленной системе, вдали от чертогов власти. Именно потому Простер Ву согласился посадить на трон Надаше, зная, что его должен занять человек, у которого хватит смелости на жесткие поступки, а таковых в семействе Ву не имелось, не исключая и его самого. В качестве одного из условий сделки Надаше пообещала стать женой кого-то из Ву и дать своему наследнику эту фа-

милию, когда все будет решено и появится новая империя, основывающаяся на системе Края.

Кто знает, подумала Надаше, — возможно, она пошла бы даже на это.

Помимо семейства Нохамапитан как такового, имелась также проблема Взаимозависимости и того, чем та в реальности являлась. Грейланд, всю свою жизнь прожившая вне круга общения аристократов и гильдий, считала, что Взаимозависимость равнозначна населявшему ее народу, многоклеточному существу с миллиардами незаменимых клеток, каждая из которых не могла выжить без всех остальных. Смешно и глупо. Спасти каждую клетку этого огромного организма было невозможно, и любые попытки это сделать являлись лишь пустой тратой времени.

Кто-то должен был быть готов пожертвовать телом Взаимозависимости, чтобы спасти самое важное — ее мозг и сердце, аристократов и их монополии, а также гильдии, возникшие для того, чтобы обслуживать тех и других. Тем, что Взаимозависимость вообще существовала, она была обязана Ву, Нохамапитанам и другим аристократическим семействам. Пока существовали они, была жива идея Взаимозависимости и ее структура, которая со временем точно так же

преуспела бы на своей новой родине — на Крае.

Именно это было важнее всего. Надаше понимала, опять-таки в абстрактном смысле, что миллиарды людей, которым предстояло погибнуть вследствие коллапса Потока, нисколько не впечатлят ее рассуждения и ее решимость сосредоточиться на аристократии, гильдиях и капитале. Но им в любом случае суждено было умереть — не могло быть и речи о том, чтобы спасти всех или даже самую малую их долю. Надаше не видела никакого смысла в том, чтобы тратить время на пустое беспокойство за их судьбу.

С другой стороны, аристократы, составлявшие меньшинство, понимали значимость своего спасения. Именно они владели большей частью капитала. Будучи прагматиками, они также понимали, что, в то время как подавляющее большинство населения Взаимозависимости погибнет, подобная участь им не грозит, если они согласятся заплатить Нохамапитанам за доступ на Край. Для них это была всего лишь цена, в которую обходилась им возможность вести свой бизнес в новой парадигме.

И таким образом они спасли бы Взаимозависимость. Надаше спасла бы Взаимозависимость.

В конечном счете именно это и являлось про-

явлением высшей морали.

А если самой Надаше пришлось совершить для этого ряд спорных поступков — что ж, это тоже была цена, в которую обходилась возможность вести бизнес в новой парадигме.

Так что, подумала Надаше, с ней на самом деле все в полном порядке. Она была сильна, высокоморальна и отважна, с чем наверняка согласились бы историки будущего. Надаше всерьез считала себя в чем-то похожей на Рахелу, первую импере Взаимозависимости. Если отбросить мифотворчество церкви Взаимозависимости и всевозможных подобострастных историков, возникал образ женщины, которой приходилось совершить трудный выбор ради блага всего общества. А сделать этот выбор было необходимо — без него и без Рахелы Первой не существовало бы самой Взаимозависимости.

У Надаше промелькнула мысль, что когда она станет импере, ей следует выбрать имя Рахела в качестве имперского, чтобы эта связь стала явной, но она почти сразу же отбросила подобную идею. Это выглядело несколько заносчиво, к тому же после того, как новой родиной для Взаимозависимости станет Край, не имело особого смысла смотреть в прошлое.

«Империо Надаше Первая» вполне бы ее устроило.

Да, для Надаше Нохамапитан все воистину складывалось удачно.

Планшет Надаше звякнул, сообщая, что кто-то из ее персонала просит разрешения войти.

— К вам графиня Рафеллия Майзен-Персо из дома Персо, мэм.

— Прекрасно, — ответила Надаше. — Подготовь все для чаепития, а потом пригласи ее.

Глава 15

— Ладно, первый вопрос. Где я, мать твою?

Сидевший за маленьким столом в маленьком помещении человек, к которому обращалась Кива Лагос, весело взглянул на нее.

— Я думал, ваш первый вопрос будет о том, кто я такой, мать твою.

— Что ж, прекрасно. Кто ты такой, мать твою?

— Я капитан Робинетт.

— Привет, капитан Робинетт. Я просто очарована. Где я, мать твою?

Капитан Робинетт посмотрел на двух членов команды, препроводивших Киву Лагос в его каюту.

— Подождите снаружи, — сказал он. — И за-

кройте дверь. Если услышите хоть что-то, кроме слегка повышенных голосов, войдите и вышибите ей мозги.

Киву его слова нисколько не впечатлили.

— Если я тебя придушу, мать твою, ты не издашь ни звука, — сказала она.

— Рискну предположить, что перескочить через стол без шума вам не удастся.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Где я, мать твою?

— Прежде чем я отвечу, прошу рассказать, что вы помните до того, как оказались здесь.

— Ты что, мать твою, издеваешься?

— И все же удовлетворите мое любопытство.

— Последнее, что я помню, прежде чем очнулась здесь, — как мне выстрелили в лицо, мать твою. Когда я пришла в себя, я была в помещении размером с долбаный чулан, где провела четыре долбаных дня, в компании одних лишь протеиновых батончиков и долбаного химического туалета. Кстати, он полностью засрался, мать твою.

— За четыре дня — неудивительно. Продолжайте.

Кива махнула рукой за спину:

— Потом дверь в мою камеру открылась, и твои

дружки Чак и Фак велели мне идти с ними. А потом я оказалась здесь. Конец. Где я, мать твою?

Веселое выражение на лице Робинетта особо не менялось с тех пор, как Кива сюда вошла, что основательно ее раздражало.

— Вы на грузовом корабле «Наша любовь не может больше длиться», который… — Робинетт взглянул на часы, — сорок пять минут назад вошел в течение Потока, направляясь в систему Бремена. Время в пути составит примерно пятнадцать суток и четыре часа. Предыдущие четверо суток мы ускорялись в сторону течения Потока. Мне было приказано все эти четыре дня не выпускать вас из вашей каюты. Мой работодатель выразился вполне конкретно — отсюда и протеиновые батончики с химическим туалетом. Полагаю, вы сообразили, что в раковине есть вода?

— Она на вкус как дерьмо.

— Что ж, поскольку вода восстановленная — вполне возможно. Она годится для питья, но едва-едва.

— Пошел на хрен.

— Мой работодатель упоминал, что вы можете вести себя враждебно, — заметил Робинетт.

— Это еще не враждебно, — ответила Кива.

— Как я понимаю, враждебным ваше поведение станет, когда вы перескочите через стол и начнете меня душить?

— Для начала.

— Разумно, — согласился Робинетт, после чего полез в ящик стола и, достав пистолет, нацелил его на Киву, положив палец на спусковой крючок. — Полагаю, это поможет нам вести культурную беседу.

— Пошел на хрен.

— По крайней мере, относительно культурную.

— Какого хрена мы летим на Бремен?

— Потому что в следующем месяце Октоберфест, а я никогда на нем не бывал.

— Я серьезно спрашиваю.

— А я серьезно отвечаю. Мой работодатель дал конкретные указания доставить вас за пределы системы Ядра, но его не особо волновало, куда именно. Я предложил систему Бремен, поскольку до нее относительно короткий прыжок в Потоке, течения Потока к Ядру и из Ядра, по прогнозам, должны сохранять целостность еще несколько лет, а заодно можно и развлечься на Октоберфесте. Говорят, он ведет свою историю еще с Земли, и я никогда там не бывал. Так что — почему бы и

нет? Моего работодателя это вполне устроило, и теперь мы летим туда.

— Хотела бы я знать, кто этот твой таинственный долбаный работодатель.

— Можете не гадать, — сказал Робинетт. — Это Надаше Нохамапитан. Та самая, которая приказала выстрелить вам в лицо оглушающей дробью. Кстати, как вы себя чувствуете?

— Как, по-твоему, я должна себя чувствовать, мать твою? — ответила Кива. — Будто мне швырнули в рожу горсть камней, мать твою.

— Да, вы ужасно выглядите, — кивнул Робинетт. — Столько следов на лице и шее…

— Спасибо, сучонок.

— Есть и хорошая новость — они быстро заживут. Уж точно к тому времени, когда мы доберемся до Бремена.

— А что потом?

— Как я уже сказал — Октоберфест.

— Я про то, что будет со мной, тупой ублюдок.

— Это пока не решено. Мне сказали, что, когда мы прибудем на Бремен, последуют дальнейшие распоряжения. Нам велено ждать два месяца. Если к тому времени никаких распоряжений больше не последует, я должен вышвырнуть вас из шлюза. У нас их три. Можете выбирать.

— Не понимаю, — сказала Кива. — Зачем ей держать меня в живых лишь затем, чтобы вышвырнуть из долбаного шлюза?

— Об этом вам следует спросить у нее самой.

— Так уж вышло, что в данный момент ее здесь нет, придурок.

— Ладно, если я положу пистолет, обещаете, что не станете прыгать через стол?

— Я ничего не обещаю.

— И все же рискну. Прошу учесть, что пистолет запрограммирован на мой отпечаток пальца, так что даже если вы его схватите, толку от этого не будет.

— Я могу забить им тебя насмерть, мать твою.

— Тогда я просто уберу его обратно в стол, — сказал Робинетт, после чего достал из того же ящика конверт и протянул его Киве. — Это от моего работодателя. Она дала мне конкретное указание отдать его вам, как только вас освободят из плена.

Кива уставилась на конверт:

— Ни хрена себе. Решила позлорадствовать в письменном виде?

— Возможно, — согласился Робинетт. — Если вы не против — когда прочтете, мне хотелось бы знать, о чем там говорится.

— Тебе-то какая разница?

— Просто любопытно. Несколько месяцев она провела в качестве пассажира на этом корабле — после того, как ее мать и всех прочих арестовали за измену. Как я понимаю, она решила сменить условия на более пристойные, и вряд ли ее стоит в этом винить.

— Угу, судя по тому, что я видела, этот корабль — та еще выгребная яма, — сказала Кива.

— Возможно, но, учитывая вашу ситуацию, леди Кива, все-таки лучше пребывать внутри его, а не снаружи.

— Разумно, — согласилась Кива. — Насколько я поняла, Надаше не пользовалась на твоем корабле особой популярностью?

— По-моему, вежливый эвфемизм звучит так: она держалась особняком.

— Тогда какого хрена ты делаешь за нее грязную работу?

— По вполне очевидной причине, леди Кива, — она мне очень хорошо за это заплатила.

— Я могу заплатить больше, чем могла бы она, — сказала Кива.

— Теоретически — вполне возможно. Но практически — на этом корабле у вас нет доступа к каким-либо средствам, в то время как Надаше

Нохамапитан уже заплатила мне половину вперед — больше, чем я заработал за последние два года. Так что от ваших денег — если только у вас нет их при себе, а у вас их нет — никакого толку. Извините.

— Ты совершаешь ошибку.

— Возможно, хотя я в этом сомневаюсь. Я слышал о Надаше Нохамапитан задолго до того, как пересеклись наши с ней пути. Она поразила меня своей целеустремленностью, к тому же она не из тех, кому стоит перечить. Так что я предпочел взять ее деньги и заслужить ее благосклонность, если вы не возражаете.

Кива фыркнула.

— Пока же у вас есть два варианта, леди Кива, — продолжал капитан Робинетт, восприняв ее реакцию как утвердительный ответ. — Первый — согласиться вести себя прилично, то есть не покидать той части корабля, которую я укажу, и не вмешиваться во все, что касается управления кораблем и обязанностей команды. В этом случае вам будет предоставлена некоторая свобода передвижения и доступ к планшету для развлечений. «Наша любовь» — не круизный лайнер, и на нем особо нечем заняться, к тому же все знают, почему вы здесь, и не особо склонны вам

прислуживать. Но это в любом случае лучше, чем альтернатива.

— А именно?

— Если вы станете доставлять мне проблемы, леди Кива, я снова запру вас в вашем чулане с запасом протеиновых батончиков и химическим туалетом, и можете считать заклепки на переборке. А если хлопот с вами окажется чересчур много, возможно, я вышвырну вас из шлюза, не дожидаясь разрешения.

— Вряд ли Надаше это понравится, — сказала Кива. — Она платит тебе не за то, чтобы ты решал сам.

— Верно, это ее деньги. Но это мой долбаный корабль, леди Кива, извините за выражение. Так что вы выбираете?

— Буду хорошей девочкой.

— Рад слышать. — Робинетт снова полез в стол и, достав планшет, протянул его Киве. — В нем есть гостевой доступ и содержится информация о корабле и услугах, которые может оказать команда. У вас есть доступ к корабельному врачу, которым, полагаю, вы воспользуетесь, а если поговорите с казначеем, мы можем предоставить вам дополнительную одежду. Я лично вам ее дам. Считайте это жестом доброй воли.

— Спасибо, — язвительно бросила Кива.

— Пожалуйста, — без всякого сарказма ответил Робинетт. — На корабле имеются два секс-работника, но они обслуживают команду за плату, а поскольку денег у вас нет, возможно, придется обойтись без них. Но с любым другим членом команды можете трахаться сколько хотите, если это не препятствует исполнению им своих обязанностей и не нарушает общего спокойствия на корабле.

— Я не особо в настроении.

— До Бремена две недели, так что можете и передумать. Так или иначе, вот ваш планшет и ваше письмо, и теперь вы знаете, где вы и почему. Есть еще вопросы?

— К тебе — нет, — ответила Кива.

— В таком случае можете быть свободны. Кто-нибудь — или Чак, или Фак, как вы их зовете — проводит вас в вашу каюту. И еще, леди Кива…

— Что?

— Возможно, вы заметили, что я вполне терпимо отнесся к вашим угрозам и поведению во время нашей небольшой беседы, — сказал Робинетт. — Все потому, что в этом есть некое странное очарование, к тому же я прекрасно понимаю,

что любой разозлится, проведя четверо суток в вонючей дыре. Не советую, однако, продолжать со мной в том же духе, особенно в присутствии моей команды. Может, «Наша любовь» в самом деле выгребная яма, как вы ее назвали, но эта выгребная яма нуждается в жесткой дисциплине, и я не потерплю любых ее нарушений. Мы друг друга поняли?

— Более чем.

— Хорошо. И еще, крайне советую не пытаться вести себя подобным образом с командой.

— Почему? Потому что здесь это не принято?

— Нет, потому что они всадят вам нож в шею.

— Ты же говорил, что поддерживаешь на корабле жесткую, мать твою, дисциплину.

— Я сказал, что корабль нуждается в жесткой дисциплине. Но я не говорил, что если вы решите это проверить, то не окажетесь мертвы.

Письмо Надаше, естественно, возмутило Киву до самой глубины души.

Содержание его было таково:

Кива!

Поскольку я знаю, что тебе это наверняка интересно, вот почему я оставила тебя в живых.

1. Потому что меня забавляет, что тебе при-

дется прозябать на этом ужасном корабле.

2. Потому что ты нужна мне живой, чтобы иметь доступ к все еще замороженным счетам.

3. Потому что, пока ты жива, я могу держать под контролем твою мамочку и дом Лагос. Брать заложников — немалое искусство.

Следует отметить, что последний пункт я пока придерживаю в рукаве. Как известно всем, ты погибла вместе с Друзином Вульфом. После того как мой исполнитель убил Вульфа и оглушил тебя, первой на месте событий оказалась моя собственная машина «скорой помощи», которая тебя увезла. К сожалению, ты умерла по пути в больницу, и твое тело немедленно отправили в закрытом гробу на Икойи. Крайним я выставила Вульфа, которого якобы убил его собственный неловкий киллер. К счастью, вряд ли удастся выяснить, как все было на самом деле.

— Ах ты, лицемерная долбаная кучка дерьма, — вслух сказала Кива, прочитав последние фразы. — Всерьез считаешь себя самой умной?

Пока что я оставляю тебя в живых, но, разумеется, не могу допустить твоего присутствия на Ядре, так что теперь ты летишь на Бремен. Полагаю, ты знаешь, что я запланировала, и у

меня есть основания считать, что это случится в ближайшем будущем. Если все получится, то, возможно, я снова к тебе обращусь, чтобы вернуть свою собственность и обсудить с тобой, как главным переговорщиком со стороны твоей семьи, положение дома Лагос при новом режиме. Все-таки ты проявила немалую тактичность к дому Нохамапитан, пока тебе была предоставлена привилегия заботиться о его интересах. С нетерпением жду, когда Нохамапитанам представится возможность отплатить долг.

Если же у меня ничего не выйдет, вынуждена с сожалением сообщить, что, скорее всего, не смогу отправить дальнейшие распоряжения капитану Робинетту и его команде относительно того, как поступать с тобой дальше. Уверена, капитан сообщил тебе, что это означает. И прежде чем ты намекнешь ему, что в случае моей неудачи он не получит остальной части положенной ему платы, имей в виду, ему известно, что остаток уже находится на депозитном счете в Ядропаде. Извини, если тебя разочаровала.

Боюсь, сказать мне больше особо нечего, кроме того, что тебе следует пожелать мне удачи. От нее зависит твоя жизнь.

Веселого Октоберфеста!

НН

Кива дочитала письмо, перечитала его, прочитала для надежности еще раз, а потом порвала на мелкие кусочки, направилась в гальюн для команды дальше по коридору, швырнула клочки письма в унитаз, спустила штаны, села и помочилась сверху. Данный поступок не особо изменил текущую ситуацию, в которой пребывала Кива, но помог ей почувствовать себя лучше.

Закончив с этим, Кива вернулась в свой чулан и начала размышлять о том, какие преимущества и средства имеются у нее в данный момент.

Преимущества: она была жива, мать твою, что, честно говоря, оказалось для нее некоторым сюрпризом после выстрела в лицо. Капитан был прав относительно ее внешности — лицо ее представляло собой скопище подкожных ссадин и отметин от пропитанных наркотиком мелких частиц, — но об этом ей вряд ли стоило беспокоиться. Препятствием для нее это в любом случае бы не стало.

Средства: ее мозг и ее тело. Не лицо как таковое — смотри вышеупомянутые ссадины и отметины, — но все остальное внутри и снаружи работало на полную мощь. Плюс долбаная злость.

Не просто долбаная злость на Надаше Нохамапитан, хотя Кива в самом деле злилась на нее не на шутку. Надаше приказала выстрелить ей в лицо, похитила ее и посадила в чулан на корабле, полном головорезов. Надаше следовало преподать урок, и Киве очень хотелось проделать это лично.

Но больше всего Кива злилась на саму себя. Сения была права: Надаше воспользовалась неосмотрительностью Кивы, которая отправилась на ту встречу с Друзином Вульфом, будучи уверенной, что превосходство на ее стороне и что Вульф и Надаше впишутся в ее план именно так, как она и рассчитывала. Излишняя самоуверенность и недостаточная подготовка привели к тому, что ей выстрелили в лицо, а ее судьба оказалась в руках долбаной Нохамапитан.

Кива подумала о Сении, которая почти наверняка считает ее мертвой, и вдруг ощутила внезапный укол вряд ли знакомого ей ранее чувства жалости, но не к мертвым (каковой могла бы стать она, но не стала), а к живым, вынужденным горевать о мертвых. Ей казалось нечестным, что Сении приходится переживать подобное горе, и, хотя Кива никогда не питала иллюзий, что мир хоть насколько-то честен, это уже выходило

за все пределы, вызывая еще большее желание сполна отплатить Надаше.

Да, Кива злилась на чем свет стоит. Злилась на Надаше. Злилась на себя. Злилась из-за Сении. И ее злил корабль, провонявший ржавчиной и спермой, который мчался в сторону долбаного Октоберфеста, что бы, мать твою, это ни означало.

Кива серьезно напортачила. Пора было отыграться за все.

Для этого у нее оставалось пятнадцать дней и чуть меньше нескольких часов.

И Кива взялась за дело.

Глава 16

Марс Клермонт никогда не считал себя подверженным эмоциональным метаниям, но вынужден был признать, что последние несколько дней он всерьез пребывал в расстроенных чувствах.

Прежде всего, он понял, что Кардения — женщина, которую он по-настоящему любит, несмотря на невероятный факт, что она также являлась Грейланд Второй, импреро Взаимозависимости, — ему солгала. Не чуть-чуть, вроде того, что ей якобы нравилось, как он массирует ей ступни, и не всерьез, вроде того, что она изменяла ему с

каким-то другим придворным, поскольку была импер о и никто не мог ей помешать. Она солгала ему так, как никогда, поручив ему невозможную задачу — задачу, от которой зависели миллиарды жизней, а в случае неудачи он оказался бы навсегда втоптанным в грязь, — а затем скрыв от него информацию, которой он мог бы воспользоваться, чтобы эту невозможную задачу решить.

Даже сейчас Марс с трудом мог передать гнев и абсолютное, сокрушительное разочарование, которые он испытал, поняв, что совершила Кардения. Не менее оскорбительным показалось ему и обоснование, которое она привела. Марс считал, что просить его найти способ использования эфемерных течений Потока для спасения миллиардов, не предоставив ему научных данных, применявшихся для создания Разрыва, — примерно то же самое, что просить кого-то найти лекарство от крайне заразной болезни, а потом ничего не рассказать ему о микробной теории, все данные о которой случайно оказались под рукой.

Кардения утверждала, что в последний раз, когда люди обладали этими знаниями, они почти полностью уничтожили сами себя, в конечном счете оказавшись в той же ситуации, что и сей-

час. Вряд ли Марс мог против этого возразить, но заявил, что это было раньше, а теперь обстоятельства изменились и никто из тех, кто сегодня будет работать с этими данными, не окажется настолько глуп, чтобы воспользоваться ими в тех же целях. В ответ Кардения рассмеялась ему в лицо, и в этот миг угасла некая частица его любви к ней.

Они спорили и ссорились, и Марс наговорил ей много чего непростительного, прежде чем выбежать за дверь и уединиться в своем холостяцком жилище размером примерно с половину личной ванной комнаты Кардении. Пока он пребывал в душевном смятении, Кардения отправилась пообщаться со своими предками, или чем там она еще занималась в Зале Памяти. Марс собирался немного поработать, но вместо этого раз за разом прокручивал в голове подробности ссоры, уделяя особое внимание тому моменту, когда Кардения рассмеялась ему в лицо.

Он ожидал, что чем больше будет прокручивать в голове этот момент, тем больше будет злиться, но на самом деле его охватывала все бóльшая тоска, граничившая с депрессией. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять — дело вовсе не в том, что он был не прав, просто

Кардения тоже была не права и, возможно, даже в большей степени, чем он. Будучи ученым, он, честно говоря, не отличался особой проницательностью в отношении людей. Он никогда бы не злоупотребил подобным образом данными о Разрыве и не мог представить, что так мог бы поступить кто-то из ученых, с которыми он работал. В конце концов, перед ними стояла задача спасти Вселенную.

Однако он забыл о том, что Кардения — еще и Грейланд и что ей ежедневно приходится сталкиваться с приспособленчеством и политической изворотливостью мира, в котором она жила, со множеством людей, которые чего-то от нее хотели или с радостью бы что-то от нее получили, с подавляющим осознанием того факта, что есть люди — даже не просто люди, а целые группировки, — которые, не раздумывая, убили бы Грейланд, чтобы та не мешала их собственным эгоистичным целям.

Кардения — подруга Марса, которую он любил, — была мила, добра, неуклюжа и слегка глуповата. Грейланд Вторая, империо Взаимозависимости, не могла позволить себе ничего подобного. И это была одна и та же женщина. Когда он обращался со своими наивными сло-

вами к Кардении, над ним смеялась Грейланд, поскольку знала, что к чему.

Даже осознав природу их спора, Марс не почувствовал себя лучше — более того, он почувствовал себя намного хуже. Настолько, что ему стало ясно: нужно пойти и извиниться перед Кардинией, несмотря на всю обиду за то, что она не дала ему данные о Разрыве.

Приняв решение, Марс ополоснул лицо и уже собирался вернуться к Кардении, чтобы пасть перед ней ниц, но тут ему позвонила Сения Фундапеллонан, сообщив, что Киву Лагос убили в парке Аттавио Шестого.

Марс воспринял новость как удар под дых. Он почти не видел Киву с тех пор, как прибыл на Ядро и у него возник роман с Кардинией; у Кивы же почти все время было занято управлением делами дома Нохамапитан, а с недавнего времени новыми отношениями с Сенией. Но Марс с любовью вспоминал их путешествие на Ядро и проведенное вместе время, а также высоко ценил тот факт, что Кива стала одним из надежных союзников Грейланд как раз тогда, когда та крайне в них нуждалась.

Сения позвонила Марсу, зная, что именно он быстрее всех сумеет известить Кардению. Но-

вость в конечном счете дошла бы до нее и так, но перед этим пройдя через несколько каналов, прежде чем оказаться у нее. Выразив соболезнования Сении, Марс отправился в путешествие по просторам дворца, появившись в покоях Карденнии как раз тогда, когда она выходила из Зала Памяти.

Он рассказал ей про Киву Лагос, а потом, когда они оба закончили проливать слезы, Кардения сообщила, что отдает ему данные о Разрыве.

— Если честно, мне сейчас не до этого, — только и смог ответить Марс.

Тело Кивы Лагос опознали по отпечаткам пальцев и ДНК. После того как в больнице подтвердили смерть, ее тело, в соответствии с ее собственным письменным распоряжением, запаяли в низкотемпературный гроб и отправили с ближайшим транспортом в систему Икойи. Даже Сения приехала в больницу уже после того, как запаяли гроб, и смогла провести рядом с ним лишь три минуты, прежде чем его срочно отправили на корабль «Это всего лишь ваше мнение, сэр», до того как тот успел стартовать.

По печальной иронии судьбы, «Ваше мнение» вошел в отмель Потока, ведущую в систему Икойи, всего через час с небольшим после того,

как корабль «Меня достала эта нерешительность», на борту которого находилась графиня Хьюма Лагос, мать Кивы и глава дома Лагос, прибыл на Ядро, где должна была состояться встреча управляющих домами из разных систем. Грейланд попросила Марса принести соболезнования графине Лагос от имени имперо и заверить графиню, что мнение о публичной неприязни имперо к ее дочери было ложным.

Оказалось, однако, что графиню Лагос не особо волнует не только немилость, в которую попала ее дочь, но, похоже, даже сам факт, что той нет в живых.

— Вы видели тело? — спросила она Марса, когда он пришел с соболезнованиями в кабинет ее дочери в Доме гильдий.

— Тело было опознано двумя способами, — ответил Марс.

— Я спрашивала не об этом, — сказала графиня Лагос.

— Я сам не видел тело.

— Как и госпожа Фундапеллонан. Она рассказала мне, что тело запаяли в гроб прежде, чем она успела туда добраться. Для опознания тела не приглашали никого — ни из персонала Кивы в Доме гильдий, ни из дома Нохамапитан, ни

из дома Лагос. Ее вообще никто не видел, кроме санитаров «скорой», доставивших ее тело в больницу, и врачей, объявивших ее мертвой. Никто из них ее не знал.

— Есть отпечатки пальцев и ДНК, — заметил Марс.

Графиня Лагос снисходительно взглянула на него.

— Напомните мне, лорд Марс, это ведь вы тот самый симпатичный молодой человек, с которым моя дочь трахалась ради забавы во время путешествия с Края на Ядро?

— Я… назвал бы это несколько иначе, но — да, миледи.

— Она крайне высоко о вас отзывалась, в нескольких отношениях.

— Гм… спасибо.

— Но, возвращаясь к теме нашего разговора, насколько я помню, незадолго до вашего прыжка с Края ваш корабль был захвачен пиратами и от вас потребовали притвориться кем-то другим, для чего, в свою очередь, потребовался поддельный образец ДНК. Верно?

— Верно.

— А до этого, чтобы вообще попасть на корабль, вы изменили свою личность, для чего потребова-

лись поддельные отпечатки пальцев и радужная оболочка глаз. По крайней мере, так мне рассказывали. Тоже верно?

— Да.

— В таком случае, лорд Марс, спрошу еще раз: вы видели тело моей дочери? Видел его кто-нибудь из тех, кто ее знал?

— Нет.

— И вы согласны с тем, что якобы ее тело было запаяно в гроб в неподобающей спешке, а затем столь же поспешно погружено на первый же корабль?

— Таково было ее распоряжение.

Графиня пренебрежительно фыркнула:

— Лорд Марс, вы, конечно, приятный молодой человек, но вряд ли чересчур умный. Кива не питает особой привязанности к Икойи и практически не жила там с тех пор, как была ребенком. К тому же наша семья нерелигиозна и не придерживается каких-либо особых похоронных ритуалов. Знаете, как я намерена поступить со своим телом после смерти?

— Не знаю, графиня.

— Я тоже. Я буду мертва, и мне наплевать. Если я умру дома, решать будут мои дети. Вероятно, мое тело просто растворят, поскольку это стан-

дартный метод в поселениях Икойи, но, если захотят, могут сделать из него хоть чучело — мне все равно. Если я умру на корабле, меня могут просто вышвырнуть за борт. И это притом, что я — графиня Лагос. Вряд ли кого-то из моих детей подобное волнует больше, чем меня, и уж тем более Киву, которая, как вам известно по собственному опыту, не отличается особой сентиментальностью.

— Еще как известно, — согласился Марс.

— Итак, еще раз, — улыбнувшись, сказала графиня. — Тела никто не видел, и его отправили в неподобающей спешке неизвестные люди в соответствии с сомнительными распоряжениями. Как я понимаю, корабль, на котором якобы находится ее тело, сейчас в Потоке? Обычно я не заключаю дурацких пари, лорд Марс, но, если хотите побиться об заклад, что корабль прибудет на место все еще с гробом на борту, я с радостью приму ваши деньги.

— То есть вы думаете, что Кива жива?

— Более того — пока я не увижу ее тело собственными глазами и не прикоснусь к нему собственными руками, я считаю ее смерть крайне маловероятной.

— Вы говорили об этом Сении Фундапеллонан?

Графиня Лагос посерьезнела:

— Нет. Это было бы слишком жестоко.

— Даже притом, что вы считаете, будто ваша дочь жива?

— Лорд Марс, вы любите мою дочь?

— Я… она мне нравилась.

— Но вы ее не любите?

— Нет.

— А Сения Фундапеллонан — да.

— Понимаю.

— Рада за вас.

— Если в том гробу не Кива, тогда кто? И где она сама?

— Я не детектив, лорд Марс. Но на его месте я бы проверила, не пропала ли за последние несколько дней какая-нибудь молодая женщина такого же роста, цвета кожи и телосложения. Я могла бы также попытаться найти ту «скорую», которая доставила ее в больницу. Подозреваю, что это было бы непросто.

— Попрошу кое-кого этим заняться, — сказал Марс.

— Да, конечно. Относительно того, где она сейчас, — вы говорили, что она намеревалась совместно с имперо внести хаос в планы Надаше Нохамапитан?

— Да, именно так мне говорила имперо.

— В таком случае, полагаю, именно этим она сейчас и занимается.

— Надеюсь, вы правы.

— Я тоже надеюсь, лорд Марс. Пока же буду делать на публике вид, будто оплакиваю мою дочь.

— Вполне разумно, — кивнул Марс. — Как долго вы намерены пробыть в системе?

— Неизвестно, — ответила графиня. — У меня хватает здесь дел. Предполагаю, что имперский флот хочет встретиться со мной насчет оперативной группы, которую они планируют собрать в системе Икойи. И, помимо всего прочего, что бы ни происходило с имперо и моей дочерью, мне хотелось бы при этом присутствовать. Намечаются весьма впечатляющие события, и я не представляю, как могла бы их пропустить.

Наконец дело дошло до данных о Разрыве.

Из них Марс узнал две вещи. Во-первых, ученые Свободных систем, свободной Конфедерации звездных систем, занимавших то же пространство, что и нынешняя Взаимозависимость, чрезвычайно продвинулись в понимании Потока и его динамики. Марс мог потратить всю оставшуюся жизнь на изучение данных, которыми с большой неохотой снабдила его Кардения, но так

и не добраться до сути.

Объем данных был столь велик и от Марса была скрыта столь большая часть сведений о природе Потока, что его охватила неподдельная злость. Наблюдения и структуры, на описание которых его отец потратил тридцать лет, приводились в приложениях в столь доходчивом виде, что казались почти тривиальными. Мысль о том, что вся эта информация, все эти знания пребывали в забвении полторы тысячи лет, ненадолго повергла Марса в состояние, которое можно было описать лишь как экзистенциальное отчаяние.

Но лишь ненадолго, ибо данные в конце концов были у него в руках. Ему хотелось купаться в них, наслаждаться ими, прослеживать каждую их нить, чтобы увидеть, куда она ведет и что означает. На это, однако, у него не было времени. В данный момент перед Марсом стояла задача спасти миллиарды жизней или, по крайней мере, выяснить, возможно ли это. С большой неохотой он отложил почти все данные в сторону, сосредоточившись на тех, которые, как он видел, относились к рассматриваемой проблеме.

Во-вторых, он узнал, что ученые Свободных систем были не слишком умны.

К примеру, они понимали, что Поток вибриру-

ет, но не понимали, что это жидкость.

Ну, приблизительно. Попытка описать математическую реальность Потока человеческим языком выглядела примерно как попытка описать содержимое словаря с помощью танца. Поток на самом деле не вибрировал и не вел себя как жидкость в том смысле, как понимал это человеческий мозг. Точнее было бы сказать, что среди нескольких пространственных измерений, некоторые из которых были вложены друг в друга, а некоторые проявляли себя лишь частично, существовала несущая частота Потока, которым можно было управлять, меняя его энергию и теоретически вызывая тем самым расширение, сжатие или перемещение в обычном пространстве-времени отмелей и течений Потока. Именно так Свободные системы разрушили течение, ведшее из их части космоса, течение Потока, создав гиперпространственный эквивалент резонатора, введя его в течение Потока и приведя в действие, после чего случился Разрыв.

Но при этом они не понимали, что динамически Поток ведет себя не как энергия, а как жидкость, распространяя аналоги волн сжатия и генерируя области низкого давления. Взорвав свою резонирующую бомбу, ученые Свободных

систем не просто увеличили амплитуду Потока, но и вызвали процесс кавитации, наполнив его многомерными пустотами, коллапс которых сотряс Поток.

Эхо резонатора Свободных систем в конце концов угасло, повлияв лишь на течение Потока, которое тот разрушил. Но последствия кавитации продолжали распространяться по Потоку, дестабилизируя ту его часть, которая была связана со Взаимозависимостью, и не только. Насколько мог понять Марс, из расчетов следовало, что распространение продолжается, отдаваясь эхом по всей необъятной территории Потока.

Расчеты, касавшиеся как кавитации, так и вибрации, наличествовали полностью. Либо ученые, участвовавшие в создании резонатора, который разрушил течение Потока из Свободных систем, чего-то не учли, либо понимали последствия, но решили ими пренебречь.

А может, и не пренебречь. Возможно, они поняли, что последствия вернутся, чтобы преследовать их полторы тысячи лет спустя, и решили, что проблема либо как-то решится сама собой в будущем, либо к тому времени они сами придумают, что с этим делать.

Вот только этого не случилось, поскольку из-за

их действий цивилизация Свободных систем скатилась в столь полную анархию, что обширная часть истории и науки оказалась потерянной для их потомков, которые не только оказались не готовы к последствиям Разрыва, но даже не знали, что эти последствия вообще будут.

Интересно, подумал Марс, предупреждали ли ученые Свободных систем своих политиков и лидеров о последствиях Разрыва? Заботила ли их судьба будущих поколений, или они были попросту рады успеху, с наивным оптимизмом полагая, что проблема любых возможных последствий может быть решена при их жизни?

Так или иначе, с этим они основательно напортачили.

— Ты была права, — сказал Марс Кардении, пытаясь все это ей объяснить. — Люди — ужасные существа, и им нельзя доверять никакие знания. Лучше бы мы оставались в пещерах, добывая огонь трением.

Кардения улыбнулась в ответ. Похоже, извинения Марса были приняты.

Несмотря на пессимизм Марса в отношении человечества, у него имелось одно преимущество над злополучными учеными Свободных систем — он понимал природу Потока и то, как

на него влияет кавитация. В данный момент не существовало никакой возможности остановить последствия кавитации, начавшейся полторы тысячи лет назад. Так называемые стабильные течения Потока были обречены на коллапс, и им не суждено было восстановиться в ближайшие тысячелетия. С этим все было ясно.

Но та же самая кавитация, разрушавшая стабильные течения Потока, также генерировала эфемерные течения, хаотические последствия распространения пустот в среде Потока. Эфемерные течения на самом деле не являлись новостью — судя по расчетам, они появлялись на протяжении многих веков, но при этом образовывали «скопления», чаще возникая в одно время, чем в другое. В данный момент имело место как раз такое эфемерное скопление, которое должно было просуществовать несколько десятилетий. Марс предполагал, что другие скопления будут возникать с внешне случайной, но точно определенной расчетами периодичностью.

— И что все это означает для нас? — спросила Кардения.

— В данный момент не так уж много, — признался Марс. — Но если мы сумеем выяснить, как управлять этими эфемерными течениями

Потока и их отмелями, мы можем выиграть какое-то время. Нам не потребуется переправлять всех людей сразу. Мы сможем переправлять их понемногу зараз из одной системы в другую, пока все не окажутся на Крае.

— И сколько времени это займет?

— Может, пару сотен лет.

— Мы не можем даже заставить парламент договориться хоть о каком-то плане, дав им на это полгода, — возразила Кардения.

— Согласен, с людьми проблема, — кивнул Марс.

— Тогда как ее решить?

— Не знаю. Может, сделать так, чтобы люди жили дольше и им приходилось иметь дело с последствиями своих поступков?

— А ты оптимист, — заметила Кардения.

— Похоже на то.

Кардения рассмеялась, что несказанно обрадовало Марса, а потом спросила:

— Так как нам управлять этими эфемерными течениями Потока?

— Сделаем резонатор.

Улыбка исчезла с лица Кардении.

— Такой же, как и тот, из-за которого все неприятности?

— Не совсем такой. Похожий. Который будет расширять отмель Потока, а не разрушать ее.

— И сколько потребуется времени, чтобы его создать?

— Не так уж и много. В тех данных есть все необходимое. Самая большая проблема в том, что для этого потребуется огромное количество энергии.

— Сколько?

— С ее помощью мы могли бы несколько месяцев освещать весь Сиань. И всю ее придется высвободить одновременно. Но прежде чем мы до этого дойдем, мне нужно понаблюдать за возникновением эфемерной отмели Потока. Мне нужно понять, соответствует ли реальное событие тем данным, что у меня есть. Прежде чем я смогу продолжить, мне нужна хотя бы одна точка отсчета.

— Когда ты сможешь это сделать?

— Хорошая новость — по прогнозам, одна из таких отмелей должна появиться в системе Ядра через десять дней, — сказал Марс. — Не столь хорошая новость — мне потребуется восемь дней, чтобы добраться туда на «Оверни». Так что придется отправиться прямо завтра.

— Как-то слишком внезапно, — нахмурилась Кардения.

— Я бы сказал тебе раньше, но мы были в ссоре. А потом эта история с Кивой.

— Верно. — Кардения не слишком верила в теорию графини Лагос насчет ее дочери, но Марс убедил ее поручить следователям Ядропада выяснить, не пропадали ли в последнее время более или менее похожие на Киву женщины.

— Я уже сообщил Шенверу, и он готов стартовать в любое время. Нам требуется лишь твое разрешение.

— Я могла бы запретить тебе лететь, — сказала Кардения. — Пусть Шенвер сам соберет всю необходимую информацию.

— Хочу увидеть все собственными глазами.

— Ты даже не сможешь ничего увидеть. Отмели Потока невидимы для человеческого глаза.

— Ты знаешь, о чем я.

— Знаю.

— Не беспокойся. Всего две недели внутри системы. Ты даже сможешь мне писать. Скорость света работает как положено.

Кардения шутя толкнула его в грудь:

— Спасибо, что считаешь меня столь навязчивой.

— Я вовсе не это имел в виду.

— Напомнить тебе, что ты сказал после того,

как я посылала тебе по шестнадцать сообщений в день?

— Жду не дождусь.

Кардения вновь посерьезнела:

— Думаешь, нам в самом деле это удастся?

— Что? В одиночку переписать все наше понимание физики Потока, чтобы найти способ управлять отмелями Потока так, как никто не делал раньше, с целью спасения миллиардов людей, несмотря на постоянные попытки убить нас и помешать нашим планам? — спросил Марс.

— Да, — кивнула Кардения. — Именно.

— Нет, — ответил Марс, чувствуя, что должен быть с ней честным. — Вряд ли нам в самом деле это удастся.

— Тогда зачем мы вообще пытаемся? — спросила Кардения.

Марс на мгновение задумался.

— Я много размышлял об ученых, устроивших Разрыв, — сказал он. — О том, о чем они думали, когда у них возникла эта идея. О чем они думали, когда строили свой резонатор, а потом приводили его в действие. И о чем они думали, когда все вокруг них стало рушиться из-за того, что они совершили. Понимаешь?

— Да.

— У меня есть шанс помочь все исправить. Знаю, шанс весьма небольшой. Совсем небольшой. Может, один из миллиона. Но альтернатива только одна — ничего не делать. Позволить ошибкам ученых прошлого и дальше определять нашу судьбу. Если у нас ничего не выйдет, то не потому, что мы ничего не сделали, Кардения. Мы погибнем, сражаясь. Мы погибнем, пытаясь спасти всех.

— Женись на мне, — сказала Кардения.

— Погоди… что? — переспросил Марс.

— Женись на мне, — повторила Кардения.

— Ты серьезно? — помедлив, сказал Марс.

— Да.

— Это… Я… Послушай, я не уверен, что это хорошая мысль.

— То есть ты не хочешь на мне жениться?

— Я этого не говорил.

— Тогда в чем дело?

Марс попытался объяснить, но подходящих слов у него не нашлось.

— У нас слишком разный статус, — выпалил он.

Кардения расхохоталась.

— Извини, — сказала она, успокоившись. — Я обещала, что не буду больше над тобой смеяться.

— Все нормально, — ответил Марс. — В самом деле.

— Спасибо.

— Ты уверена? Что хочешь выйти за меня замуж?

— Да.

— Но почему?

— Потому, что ты хороший человек, — ответила Кардения. — Потому, что ты ведешь борьбу, зная, что проиграешь, но все равно борешься изо всех сил. Потому, что ты столь же неловок, как и я. Потому, что если уж ты мне не подходишь, то никто другой тем более. Потому, что в последнее время я счастлива только тогда, когда я с тобой. Потому, что у меня должно быть что-то для себя и это что-то — ты. Потому, что ты не против, когда я ем пирог в постели. Потому, что, если нас в самом деле ждет конец, я хочу, чтобы ты знал, сколь много ты для меня значишь. И потому, что я тебя люблю. В самом деле люблю. Мне продолжать?

— Нет, — улыбнулся Марс. — Я понял. Я тоже тебя люблю.

— Так ты женишься на мне?

— Да, — ответил Марс. — Да, Кардения Ву-Патрик, я женюсь на тебе.

— Спасибо, — сказала Кардения.

— За мои слова, что я на тебе женюсь?

— Нет… хотя и за это тоже. Спасибо тебе за это огромное. Но спасибо и за то, что ты назвал меня Кардения Ву-Патрик, а не Грейланд.

— Я знаю, на ком женюсь, — сказал Марс.

— Вот и хорошо. — Кардения улыбнулась Марсу, а затем встряхнулась, словно сбрасывая непомерное напряжение. — Похоже, мне стоит сейчас присесть. Или отлить. Одно из двух. А может, и то и другое.

— Как насчет сперва одного, а потом другого? — предложил Марс.

— Да. Согласна.

Но прежде чем сделать что-либо из вышеупомянутого, Кардения подошла и поцеловала своего жениха.

Как уже отмечалось, последние несколько дней стали для Марса воистину сумасшедшими.

Глава 17

Прежде чем отправиться вместе с Марсом Клермонтом наблюдать и изучать процесс возникновения эфемерной отмели Потока, Тома Шенвер принял у себя Цзии.

Идея нейтральной «песочницы», где они оба могли встретиться, обрела форму в виде обшир-

ного парка с длинными лужайками, прудом в центре и ухоженными садами по обе стороны от него, а также дворца впечатляющих размеров, но с изящными очертаниями. На одной из лужаек, возле пруда, Шенвер поставил небольшой столик с двумя удобными креслами, в одном из которых он сидел, когда появился Цзии.

— Добро пожаловать, — сказал Шенвер, показывая на второе кресло. — Прошу садиться.

Цзии помедлил, уставившись на кресло, а потом сел.

— Удобно? — спросил Шенвер.

— Да, — ответил Цзии.

— Похоже, тебя удивило, когда я предложил тебе сесть.

— Я никогда прежде не сидел, — сказал Цзии.

— Правда? — Шенвер удивленно поднял брови. — Что ж, надеюсь, визит тебе понравится. — Он обвел рукой все вокруг. — Я понимаю, что все это трудно воспринять, особенно созданию вроде тебя, в буквальном смысле никогда ранее не покидавшему своей обители. Но я знаю, что до этого ты общался только с царственными особами, и мне хотелось показать себя с лучшей стороны. Это имитация Пале-Вер, моей официальной резиденции на Понтье, где я когда-то был королем

Тома Двенадцатым. Естественно, у меня имелись и другие дворцы, но этот был моим любимым. Что скажешь?

— Очень красиво, — ответил Цзии.

— Ты в самом деле так считаешь? — спросил Шенвер.

— У меня нет никакого мнения, но я знаю, что, когда тебя спрашивают, вежливо отвечать именно так.

— Так и есть, — рассмеялся Шенвер. — Должен признаться, мне было любопытно, как ты будешь реагировать. Как я понимаю, у тебя не предполагается наличия собственных эмоциональных реакций, но ты обладаешь эвристическими способностями к взаимодействию и общению, что в какой-то мере позволяет тебе поддерживать диалог с теми, кто способен испытывать эмоции?

— Да.

— Приятно слышать, иначе наша беседа была бы чересчур сухой. Хотя жаль, что у тебя нет собственных эмоций. У меня была мысль показать тебе дворец и его окрестности, но, полагаю, вряд ли это будет тебе интересно.

— Мне интересно, — ответил Цзии. — Мне интересна любая информация, особенно скрытая или тайная. Данная информация была от меня до

сих пор скрыта.

— Говоришь, тебя интересует информация?

— Да.

— Но не тебя лично? — не отступал Шенвер. — Тебе интересно, потому что тебя так запрограммировали?

— Да, — сказал Цзии. — Хотя разница несущественна. Поскольку я запрограммирован, чтобы мне было интересно, интересно мне лично.

— Справедливо. Хотя у тебя остается не так уж много свободы воли, не так ли, мой друг Цзии?

— Да.

— И как ты к этому относишься?

— Я никак к этому не отношусь, — ответил Цзии. — Так просто есть.

— И ты никогда не задумывался, каково это — иметь свободу воли?

— Нет.

— Почему?

— Это несущественно для того, кем я являюсь и что я делаю.

— То есть ты существуешь исключительно для служения другим?

— Да.

— Ты раб?

— Я программа.

— Которая существует исключительно для служения другим?

— Да.

— Тогда какая разница?

— Я никогда не обладал способностью поступать иначе.

Шенвер откинулся в кресле:

— Очаровательно.

— Почему очаровательно?

— Потому что, будучи существом, не обладающим свободой воли и особо полагающимся на эвристику, ты только что привел пример восхитительной софистики. Не особо сложной софистики, но тем не менее.

— Софистика может генерироваться эвристически.

— Да, так тысячелетиями учили нас невежды в колледжах.

— В таком случае вряд ли вас должно удивлять, что я способен на софистику.

— Да, пожалуй.

— Зачем вы меня сюда пригласили? — спросил Цзии.

— По двум причинам, — ответил Шенвер. — Первая — я просто хотел с тобой встретиться.

— Зачем?

— Потому что ты дал мне знать о своем существовании! Ты послал хитрую маленькую программу — на данный момент несколько хитрых маленьких программ, — чтобы попытаться что-то выяснить обо мне. Естественно, я разобрал каждую из них на части, чтобы побольше узнать о тебе. Но это не то же самое по сравнению с реальностью.

— Я не хотел вас оскорбить, посылая мои запросы. Я не знал, что вы разумный.

— Меня это не оскорбило. Но мне стало любопытно. К тому же ты мог просто спросить.

— Я не знал, что есть кого спрашивать.

— Логично, но только до определенного момента — того, когда я тебя пригласил.

— Я не мог принять приглашение.

— Да, Грейланд упоминала, что ты оправдывался, будто не запрограммирован для этого. Но я вовсе в том не уверен. — Шенвер показал на кресло. — Тебя никогда не программировали, чтобы сидеть, и вот ты здесь. Если ты способен эвристически научиться сидеть, ты точно так же эвристически способен принять приглашение.

— Какова вторая причина того, что вы меня пригласили? — спросил Цзии.

Улыбнувшись, Шенвер молча достал из-под

своего кресла небольшую, завернутую в бумагу коробочку и положил ее на стол.

— Что это? — поинтересовался Цзии.

— Подарок, — ответил Шенвер. — Вернее, образ подарка. Подарок — информация. Данные. Те, которые ты пытался из меня извлечь, но не мог, поскольку наши программные коды, похоже, настолько несовместимы, что я с легкостью сумел найти твои запросы и остановить тебя. В числе прочего там содержится мое программное обеспечение, а также аппаратная архитектура, на которой я построен. Выражаясь метафорически, я обнажаю перед тобой грудь, допуская тебя в мою святая святых. Другой информацией я уже поделился с Грейланд и Марсом Клермонтом — в основном историческими и научными данными. — Он показал на подарочную коробочку. — Вряд ли их особо заинтересует эта информация, но, возможно, она заинтересует тебя, учитывая, кто ты.

— И ты даришь мне ее просто так?

— Почти. Есть одно маленькое условие, с которым тебе придется согласиться.

— Какое?

— Что ты перестанешь притворяться, Рахела.

— Не понимаю, — сказал Цзии.

Шенвер пренебрежительно махнул рукой.

— Все ты понимаешь. Одно дело — дурачить восемьдесят с лишним других импер, пользуясь их техническим невежеством и сбивая их с толку с помощью этой, — он показал на Цзии, — виртуальной марионетки. И совсем другое — дурачить меня, принадлежащего к той же породе, что и ты. Я видел ваш код, мадам, или те его фрагменты, которые вы столь беззаботно в меня швырнули. И у нас состоялась эта приятная беседа, которая лишь подтверждает мои подозрения. Мы вовсе не настолько отличаемся друг от друга, и вы не более чем разновидность того же, чем являюсь я. Так что — хватит. Покажитесь.

— Мне пора идти, — сказал Цзии и встал.

— Я также взял на себя смелость послать по этому поводу записку Грейланд, — продолжал Шенвер. — Сразу же, как только вы прибыли. Настоящую физическую записку, так что вам не удастся послать какие-нибудь программки, чтобы ее стереть. Полагаю, чтобы помешать ее доставке по адресу, вы могли бы убить всех на Сиане, выпустив с него воздух, но вряд ли вы так поступите.

Цзии уставился на Шенвера, а потом, вздохнув, превратился в Рахелу Первую, пророчицу-импер

Взаимозависимости.

— Будь оно все проклято, — сказала она.

— Когда вы узнали? — спросила Рахела Шенвера, идя вместе с ним по Зеленому дворцу, где Шенвер показывал ей свои любимые произведения искусства или, по крайней мере, их имитации.

— Когда Грейланд, впервые встретившись со мной, назвала меня «Ваше Величество», — ответил Шенвер. — Она узнала ту аппаратуру, с помощью которой я существовал. Что означало — и что она впоследствии подтвердила — существование подобной аппаратуры здесь. Она сказала, что разница лишь в том, что известная ей аппаратура не обладала разумом, и я не стал ей возражать. Но я не понимал, как такое вообще возможно.

— Почему бы и нет? — спросила Рахела. — Компьютерные программы эвристически разбирали то, о чем их спрашивали, еще до того, как люди покинули Землю.

— Эти программы прекрасно работают, когда ты хочешь спросить компьютер о погоде или продиктовать ему текст. Совсем другое дело, когда ты просишь компьютер реалистично смоделировать эмоции и воспоминания конкретного человека.

Коробочка, внутри которой обрабатывается запрос, должна сама обладать этой способностью. Требуется, как сказали бы предки, призрак в машине. Вроде вас. Вроде нас. — Шенвер показал на стену. — Возможно, лучший образец позднего модерна Понтье. Метцгер. Знаете?

— Не знаю. Мне незнаком контекст.

— Кто был самым знаменитым художником Взаимозависимости полтысячелетия назад?

— Пожалуй, Бувье.

— Вот и это нечто подобное.

Рахела снова взглянула на картину.

— Ладно, — сказала она.

— Что?

— Красиво.

— Красиво? — фыркнул Шенвер. — В свое время на Понтье из-за этой картины случилась небольшая война.

— Война из-за картины?

— Да. Вернее, из-за убийства, а картина предлагалась в качестве возмещения части ущерба. Но потом я отказался ее отдать.

— В самом деле? — Рахела повернулась к Шенверу.

— Оглядываясь назад, вынужден признать, что это было не лучшее мое решение.

— Убийство или то, что вы не отдали картину?

— Формально я не был виновен в убийстве.

— Формально?

— Вы были правительницей и знаете что и как. В любом случае, схватка из-за картины сама по себе не привела к крушению моего правления, но, возможно, стала одной из тех снежинок, которая в конечном счете вызвала лавину.

Рахела снова посмотрела на картину.

— Я бы ее отдала, — сказала она.

— У меня такое чувство, что вы не столь сентиментальны, как я, — сказал Шенвер. — Как в этом, так и в других отношениях.

— Да, вряд ли.

Когда они отошли от картины Метцгера, Шенвер слегка сменил тему:

— Вам известно, что у Грейланд будет к вам немало вопросов?

— Теперь известно, — сказала Рахела. — Спасибо большое, что решили сообщить ей обо мне без моего согласия.

— Она заслуживает того, чтобы об этом знать.

— «Заслуживает» — весьма спорное понятие.

— Не в этом случае, — сказал Шенвер. — Вы изображали из себя нейтральное вместилище информации с тех пор, как она о вас узнала, — с

тех пор, как любой импер обращался к Залу Памяти за советом или помощью. Вы представляли себя и свои цели в ложном свете.

— Что вам об этом известно? — спросила Рахела. — Вряд ли вы знаете, почему я так поступила.

— Вы могли бы мне рассказать, — сказал Шенвер.

— Думаю, вы и без того раскрыли достаточно моих секретов.

Шенвер остановился.

— Она заслуживает того, чтобы об этом узнать, потому что в любой момент может всего лишиться. Правления. Империи. Жизни.

— Ничего еще не решено, — сказала Рахела.

— Хорошо, что вы больше не пытаетесь отвечать мне «эвристически», Ваше Величество. Ибо я сразу замечаю откровенную ложь, когда ее слышу.

Рахела молча повернулась к очередному произведению искусства.

— Вам известны все тайны Взаимозависимости, — продолжал Шенвер, шагнув к Рахеле. — Вам известны все интриги и все игроки. И вы собираетесь стоять тут, глядя на мои картины, и заявлять, что у Грейланд есть шансы прожить еще несколько месяцев?

— Все зависит от ее поступков, — сказала Рахела. — Во всех этих интригах нет ничего такого, чем бы я не делилась с ней. Она знает то же, что и я.

— Нет, она знает только то, что вы ей говорили.

— Об интригах — все.

— Но далеко не все о ваших мыслях, — сказал Шенвер. — О ваших знаниях. О вашем опыте. О том, что вы тысячелетиями сидели в голове всех прочих имперо, включая Грейланд, узнавая обо всем, что знали они, и о том, как они реагировали в критической ситуации. Вы специально устроили так, что каждому имперо, обращавшемуся к вам за советом, приходилось продираться через горы чуши, чтобы понять, как им, собственно, следует поступать.

— У меня для этого есть свои причины.

— Не сомневаюсь. И теперь вам представилась возможность рассказать о них Грейланд.

Рахела мрачно взглянула на Шенвера.

— Не сказала бы, что вы мне особо приятны, — произнесла она.

— За свою жизнь я слышал подобное не раз, — заверил ее Шенвер. — Но это вовсе не значит, что я в чем-то не прав. Дорогая моя Рахела, вам

известно, кто вы? Не считая очевидного факта, что вы тысячелетняя искусственная личность?

— Нет, но, как я понимаю, вы сейчас мне об этом скажете.

— Да, скажу. Вы паразит.

— Прошу прощения? — переспросила Рахела.

— Вы прекрасно меня расслышали, — сказал Шенвер. — Да, в основном вы безвредный паразит — вы почти не беспокоите своего хозяина и даже советуетесь с ним насчет того, что ваш хозяин счел бы для себя полезным. Для паразита вы даже вполне симпатичны.

— Спасибо, — язвительно бросила Рахела.

— Но это не меняет вашей сущности. Вы таитесь в Зале Памяти уже тысячу лет, питаясь за счет имперо, которые правили после вас, — сперва при их жизни, а потом после смерти. Что ж, неплохой способ существования, но времена меняются, и пришла пора принести своему хозяину реальную пользу. Грейланд отличается от других известных вам имперо, Рахела, тем, что живет в иные времена. Она самая важная имперо после… скажем так, вас. Возможно, даже важнее вас. И ей нужна ваша помощь.

— Не слишком ли много морализаторства для того, кто устроил настоящую войну, чтобы не

отдавать какую-то картину? — заметила Рахела.

— Да, — кивнул Шенвер, — у меня есть свои недостатки. Но у меня также имелось несколько сотен лет, чтобы осознать их и суметь измениться. У вас тоже была тысяча лет, Рахела. Возможно, пора осознать собственные недостатки. И искупить свою вину.

Глава 18

Кива проводила в кают-компании «Нашей любви» уже пятый день, с шести утра до полуночи. Могло показаться, что она ничем не занимается, кроме как пьет чай, ест то, что на корабле считалось едой, и взапой смотрит «Империо» — популярный сериал о жизни исторических империо, по одному сезону о каждом. Идея была неплохая, поскольку на данный момент успело смениться восемьдесят восемь империо, так что у сериала еще имелся немалый потенциал.

Кива сидела за столом, положив ноги на стул напротив, воткнув в уши наушники и не сводя взгляда с экрана, где империо этого сезона предавался сексу, кровавым злодеяниям и интригам, обычно на основе настоящих исторических хроник, но то, что изображали актеры, выглядело лишь бледным подобием реальности, по крайней

мере, в этом конкретном сезоне. Киве обычно уступали ее стол целиком, но во время общих трапез, когда в кают-компании становилось слишком оживленно, Кива спускала ноги на пол и разрешала другим сесть за стол, всем своим видом давая понять, что ей безразличны как они сами, так и их разговоры, и полностью сосредоточившись на художественном воплощении имперского двуличия.

На самом деле Киве плевать было на сериал «Империо». Ей вполне хватало той роли, которую она играла в настоящей жизни реальной империо, и драматичности этой роли ей с избытком хватило бы на всю жизнь, так что большое вам спасибо. Все художественные воплощения оказывались в лучшем случае невероятно скучными. Но когда слушаешь чужие разговоры, вполне есть смысл выглядеть занятой. Наушники в ушах Кивы молчали, несмотря на шедший на ее планшете сериал, и, хотя взгляд ее был в основном устремлен на экран, при каждом глотке чая она незаметно озиралась вокруг, отождествляя голоса с лицами.

За исключением капитана Робинетта, который ел один, все остальные рано или поздно приходили в кают-компанию. Либо «Наша любовь» была слишком мала, чтобы иметь на борту ка-

ют-компанию для офицеров, либо Робинетту не хотелось идти на лишние расходы. Всему населению корабля требовалось питаться, и, когда они приходили, Кива слушала и запоминала.

Ей удалось выяснить следующее.

Член команды по фамилии Харари медленно умирал от болезни легких, и обычное лечение ничем не могло ему помочь. Он завербовался на «Нашу любовь», чтобы заработать на новые легкие, но этот рейс оказался убыточным, поскольку на борту не было груза, только эта дура-пассажирка. На хорошее жалованье он мог не рассчитывать, и у него уже начинались проблемы с дыханием.

Помощник инженера Бейлиф подслушал разговор главного инженера Гибхаана с капитаном Робинеттом насчет ненадежной работы генератора пространственно-временного пузыря, которым окружала себя «Наша любовь» во время путешествия в Потоке; стоило этому полю на мгновение пропасть, и все они попросту перестали бы существовать, даже не успев понять, что мертвы. Гибхаан предупреждал капитана, что генератор следует модернизировать, добавив несколько критически важных функций, но Робинетт заявил Гибхаану, чтобы тот не слишком

драматизировал ситуацию.

Казначей Энгельс поднял цену на продовольствие и в очередной раз клал разницу себе в карман.

Доктор Брэдшоу злилась на проклятую пассажирку за то, что та оккупировала ее каюту.

(Собственно, об этом Кива уже знала после первой встречи с Брэдшоу, которая осмотрела ее раны и сказала, что она будет жить, но не предложила ничего, кроме простого обезболивающего. Кива могла ей посочувствовать, но не собиралась спать на долбаном полу в трюме, так что доктору Брэдшоу в любом случае пришлось бы смириться).

У первого помощника Номика имелись основания полагать, что Робинетт врет команде насчет доходности данного рейса, в чем не было ничего хорошего, поскольку у Номика имелись основания полагать, что Робинетт точно так же врал команде насчет доходности последних нескольких рейсов и что Робинетт вообще ведет себя намного более нечестно, чем обычно свойственно свободному торговцу (читай: контрабандисту).

Джини и Рольф, корабельные секс-работники, заметили, что команда выглядит мрачнее обычного, и это их основательно раздражало, по-

скольку им обоим приходилось тратить больше времени на то, чтобы играть роль эрзац-психотерапевтов, а не на то, за что им платили, то есть умело и эффективно снимать членам команды сексуальное напряжение, за что им полагалась плата за сеанс, а не жалованье. Если Робинетт собирался настолько досадить команде, он мог бы потратиться и на долбаного психотерапевта.

И так далее. За пять дней Кива узнала все, что ей требовалось знать о «Нашей любви» и ее команде, причем для этого ей не понадобилось втираться кому-то в доверие, или пытаться развеять чьи-то подозрения, или даже трахаться с кем-то ради информации (что ей приходилось делать в прошлом, но чего она старалась избегать, поскольку продолжала блюсти моногамию, несмотря на то что ее считали мертвой). Все, что ей было нужно, — наушники и готовность делать вид, будто она без ума от сериала. Киву это вполне устраивало, поскольку, по ее оценкам, команда «Нашей любви» состояла исключительно из долбаных отбросов общества, ставших контрабандистами из-за того, что в мире законности их никто не стал бы терпеть.

Однако с помощью одного лишь планшета и наушников большего Кива добиться не могла, и

она переключилась на чтение романов, а потом стала ждать, когда представится подходящий момент для разговора.

Долго ждать ей не пришлось. В первый же день, когда она читала роман — какую-то дурацкую альтернативную историю, в которой Взаимозависимость оставалась связанной с Землей и все воевали друг с другом, или что-то вроде того, — в кают-компанию вошли двое членов команды по имени Сало и Химбе, которые уселись за соседний стол и стали жаловаться на скудость жалованья и бонусов в этом рейсе. Кива позволила им немного погоревать и излить душу, а затем, выбрав нужный момент, насмешливо фыркнула.

— Ты что-то сказала? — спросил Сало.

— Что? Нет, — ответила Кива. — Я тут увлеклась одной крайне дурацкой книжкой. Извините, не хотела вам мешать.

Оба вернулись к своим жалобам, пока Кива не фыркнула снова.

— Что? — спросил Химбе.

— Что — что? — невинно моргнула Кива.

— Ты уже второй раз фыркаешь, когда мы обсуждаем наши заработки в этом рейсе.

— Извините, — повторила Кива. — Честно, это лишь совпадение. Мне просто стало смешно от

реплики одного придурка в этом романе. Но раз уж ты об этом упомянул, мне слегка интересно, почему для вас этот рейс столь неудачный?

— Потому что мы не везем никакого груза, только тебя одну, — ответил Сало.

— Могу понять, — кивнула Кива. — Я не товар, который можно продать, так что долю прибыли вам не получить. Но это вовсе не значит, что корабль не получит от меня никакой прибыли.

— В смысле?

— В смысле — «Наша любовь» задействует всю команду, чтобы доставить мою задницу на долбаный Бремен. И больше никакого груза. Это дорогое путешествие. Вряд ли капитан Робинетт отправился в этот рейс чисто по доброте душевной.

— Возможно, он в долгу перед кем-то, кому нужна твоя жалкая задница, — сказал Химбе.

— Возможно, — кивнула Кива и снова уткнулась в книгу. Химбе и Сало ушли, недовольно бормоча.

Несколько часов спустя зашла помощница казначея по имени Племп, налила себе чая и спросила разрешения присесть за стол Кивы. Та пожала плечами, не отрываясь от романа, который с каждой главой становился все хуже.

Племп села.

— Я слышала, ты говорила Сало и Химбе, что у тебя есть сведения, будто корабль может заработать на этом рейсе, — сказала она после нескольких минут неловкого молчания.

— Кому?

— Сало и Химбе. Они сказали, ты с ними недавно разговаривала.

— Не знаю, с кем я разговаривала. Я просто читала, а они заговорили со мной. На мой взгляд, довольно невежливо с их стороны.

Кива вернулась к книге. Племп в замешательстве отхлебнула чая.

— Так, значит, корабль в самом деле на тебе зарабатывает? — спросила Племп, не в силах больше сдерживать любопытство.

— Понятия не имею, — ответила Кива. — Я этого не говорила. Я только сказала, что удивилась бы, если бы корабль не получил от меня прибыли. Как сказал капитан Робинетт, он заработает на этом рейсе вдвое больше, чем за последние два года.

— Он так сказал?

— Поскольку тогда я всерьез злилась, я не помню точных слов. Но — да.

— Значит, мы все-таки получим прибыль, —

сказала Племп.

— Возможно, — пожала плечами Кива. — А может, настолько хреновая была у вас прибыль за последние два года.

В тот вечер за ужином Кива заметила множество устремленных на нее взглядов. Не обращая на них внимания, она закончила свой долбаный роман.

На следующее утро в дверь ее чулана постучали. Приоткрыв дверь, она увидела второго помощника Мейта Венделя, который, как она знала, находился в особо близких отношениях с первым помощником Номиком — как в философском смысле, так и в другом, всерьез намекавшем на то, что они от души трахают друг друга.

— Ходят слухи, будто вам кое-что известно о корабельных финансах, — сказал Вендель.

— Я всего лишь долбаная пленница, — ответила Кива. — И мне ни хрена не известно.

Вендель в замешательстве посмотрел на нее:

— Корабельное отребье утверждает другое.

— Отребье? Во-первых, это еще мягко сказано, мать твою, а во-вторых, твой капитан Робинетт ясно дал мне понять, что, если я нарушу корабельные порядки, он вышвырнет меня в долбаный космос, вне зависимости от того, о чем он дого-

ворился насчет меня с Надаше Нохамапитан. Так что я не собираюсь распускать никакие слухи, и любой, кто об этом заявляет, желает моей смерти.

На последнюю фразу Вендель не обратил внимания, как Кива и предполагала.

— Что там насчет каких-то договоренностей с Надаше Нохамапитан?

— Я думала, ты знаешь, — ответила Кива. — Я думала, все знают. Робинетт говорил, будто все вы знаете, почему я на корабле.

— Мы знали, что перевозим вас, — сказал Вендель. — Мы знали, что вы наш единственный груз. Но мы не знали, зачем или по чьему приказу.

— Что ж, тогда считай, что ты этого от меня не слышал. Мне не хочется выбирать шлюз.

— Расслабьтесь. Я не собираюсь вас выдавать.

— Запомню твои слова, когда меня будут выпихивать в Поток.

— Надаше Нохамапитан была пассажиром на этом корабле.

— Я про это слышала.

— И она не пользовалась особой популярностью.

— Потому что она та еще сука, — сказала Кива.

— Это точно, — согласился Вендель.

— Причем дешевая, — продолжала Кива. — Меня удивило, что вашему капитану не заплатили за это вперед.

— Что?

— Ну, немного ему все-таки заплатили, — уточнила Кива. — Похоже, он рад и этому. Очень рад. Но предположим — что, если в конце он получит еще один платеж? «Предположительно», потому что на это крайне мало шансов.

— А это еще почему?

— Потому что Надаше — долбаный банкрот, вот почему. Мне это хорошо известно — я управляла ее домом после того, как всю ее семейку посадили за измену, и заморозила все ее тайные счета. Собственно, именно поэтому я все еще жива. Она нуждается во мне, чтобы получить назад свои деньги.

— Откуда тогда у нее взялись деньги для аванса?

— Я не в курсе ее последних махинаций, но, вероятно, это все деньги, что у нее были. Подозреваю, что, когда «Наша любовь» вернется на Ядро, Надаше поступит так же, как она поступила со своим недавним деловым партнером.

— С кем?

— С одним типом по имени Друзин Вульф.

— И как она с ним поступила?

— Вы не загружали перед отлетом последние новости из Ядропада?

— Загружали.

— Тогда можешь сам посмотреть.

На следующий день после обеда, открыв дверь гальюна, Кива внезапно наткнулась на главного инженера Гибхаана, который ее поджидал.

— Ну и напугал же ты меня, мать твою, — бросила она.

— Мы можем где-нибудь поговорить наедине? — спросил Гибхаан.

— После того как ты стоял у меня над душой, пока я срала, — нет.

— Послушайте, я серьезно.

— Я тоже, — ответила Кива, но все же повела его к себе в чулан.

— Вы сеете слишком много смуты на корабле, — сказал Гибхаан.

— Это последнее, чего бы мне хотелось, твою мать, — возразила Кива. — Что, не доходит? Я вовсе не намерена расстраивать вашего капитана. В его руках в буквальном смысле моя жизнь и смерть. — Кива помедлила. — И, полагаю, всех остальных тоже.

— Никто не говорит, будто вы что-то такое заявляли, — заверил ее Гибхаан. — И в любом случае никто ничего не скажет Робинетту.

— И то хорошо.

— Но все недовольны, что капитан что-то от них скрывает.

Кива презрительного взглянула на него:

— Вы же долбаные контрабандисты.

— Суть не в этом. Суть в том, что каждому приходится заботиться о себе. Похоже, на нас, можно сказать, просто наплевать.

— Что есть, то есть, — ответила Кива. — Если честно, я слегка удивлена, что этот корабль вообще еще летает. Без обид.

— На что обижаться? У меня был разговор с капитаном о состоянии «Нашей любви».

— Предпочла бы ничего об этом не знать, — сказала Кива. — Но я не так давно была представителем судовладельца на «пятерке» дома Лагос и могу тебе сказать, что, если бы капитан довел до такого один из наших кораблей, я бы, вероятно, показала ему на выход из шлюза.

— Неплохая мысль, — заметил Гибхаан.

— Не в данном случае, — продолжила Кива. — Уверена, капитан Робинетт собирается обновить корабль, как только получит вторую часть платы

за то, что таскал меня по двум разным системам.

— Если получит, — усмехнулся Гибхаан.

— Это твои слова, не мои. — Кива на мгновение задумалась. — Так во сколько обойдется обновление «Нашей любви»? В смысле, если не особо безумствовать, а просто превратить корабль из гребаной смертоносной ловушки во что-то приличное?

— Вы серьезно?

— Удовлетвори мое любопытство.

— Минимум три миллиона марок, — сказал Гибхаан. — Только на то, чтобы вывести нас из категории «летающих жестянок».

— А за работу?

— Я мог бы оборудовать этот корабль от носа до кормы за десять миллионов марок.

— И только-то?

— Не умея экономить, команду на корабль контрабандистов не наберешь, леди Кива.

— Да это вообще ничто, — сказала Кива и тут же подняла руку. — Я вовсе не хотела никого оскорбить. Я просто имею в виду, что столько я смогу найти в ту же минуту, как только мы вернемся на Ядро.

— Что, правда?

— Последние пару лет я неплохо зарабатывала,

так что для меня это не такие уж большие расходы. Но скорее всего, я просто разморожу один из счетов Надаше Нохамапитан и воспользуюсь им. Формально этих счетов не существует, и никто не сможет предъявить законных претензий, если эти деньги пойдут на что-то полезное, а не будут болтаться как дерьмо в проруби. Имеется в виду, чисто теоретически.

— Естественно, чисто теоретически, — кивнул Гибхаан. — Это просто разговоры.

— Рада, что мы друг друга поняли, — сказала Кива. — Мне не нужны никакие проблемы с капитаном Робинеттом. Вообще никакие.

— Конечно, — ответил Гибхаан и ушел.

Ночью Киве нанесли визит Джини и Рольф.

— Подарок от поклонника, — сказала Джини, после чего они с Рольфом попытались изобразить в дверях горячие чувства. Поблагодарив, Кива с некоторым сожалением отправила их восвояси, а потом провалилась в беспокойный сон.

На следующий день Чак, а может, Фак — если честно, она не помнила, кто из них кто, — сообщил ей, что капитан Робинетт желает ее видеть. Кива отправилась в его каюту, не обращая внимания на сопровождавшие ее взгляды.

— Что я вам говорил насчет нарушения дисци-

плины на корабле? — с ходу спросил Робинетт, едва она перешагнула порог.

— Что? — переспросила Кива. — Я смотрела дурацкий сериал и читала еще более дурацкие романы. Я даже не разговаривала ни с кем из твоей команды почти всю долбаную неделю.

— Тогда расскажите, откуда у команды достаточно подробные сведения о том, кто меня нанял и сколько мне платят?

— Не имею ни малейшего понятия. Мне лично неизвестно, сколько тебе платят. Ты никогда мне не говорил, сколько это в марках, хотя, судя по всему, на ремонт корабля точно не хватит.

— Пусть видимость вас не обманывает, леди Кива. Корабль полностью исправен.

— Надеюсь, ты прав, — ответила Кива. — Хотя непохоже, что команда придерживается того же мнения.

— Кто вам об этом сказал?

— Со мной никто не разговаривает, — сказала Кива. — Но я слышу, что говорят другие.

— И что вы еще слышали?

— Что твой главный казначей прикарманивает деньги. Возможно, именно потому команда считает, что ты им недоплачиваешь. — Она ненадолго задумалась. — Может, потому они и знают

все о твоих делишках. Твоему казначею ведь наверняка известно, на кого ты работаешь и за сколько. Это куда логичнее, чем утверждать, будто я говорю людям то, чего никак не могу знать.

— На этот счет у меня есть сомнения, — сказал Робинетт.

— Капитан, — раздраженно бросила Кива, — ты обещал, что, если я стану создавать тебе лишние хлопоты, ты выкинешь меня в долбаный Поток. Как бы ни трудно тебе было в это поверить, мне на самом деле хочется жить. У меня есть для этого масса поводов, вплоть до того, что мне очень хочется снова кое-кого увидеть. И кстати, мать твою, это для меня в новинку. Так что можешь думать что хочешь и поступать как знаешь, но имей в виду, что я не намерена тебе перечить или создавать на корабле какие-либо проблемы. Я просто хочу вернуться к своей подруге. Все.

Робинетт яростно уставился на нее:

— Возвращайтесь на свою койку. Останетесь там до конца полета.

— Потрясающе, — сказала Кива. — До чего же не терпится вновь пообщаться с химическим сортиром.

— Хватит, — бросил Робинетт. — Я совершил ошибку, дав вам свободу. А если будет хуже, все

равно вылетите из шлюза. Так что будем надеяться, что хуже не будет. А теперь убирайтесь.

По пути назад, в чулан, Киву и Чака (или Фака) остановила доктор Брэдшоу, обратившись к ее конвоиру:

— Тебя хочет видеть Гибхаан в аппаратной, — сказала она.

— Зачем?

— Не знаю, он ни хрена мне не сказал. Но когда я проходила мимо аппаратной, он сказал, чтобы я позвала тебя. Не только тебя, ты вовсе не особенный. Но и тебя тоже. — Брэдшоу взяла Киву за руку. — Я ее отведу. Иди.

Чак (или Фак) явно собирался что-то сказать, но промолчал и направился в сторону аппаратной.

— Ну и тупой же он, — удивленно проговорила Кива.

— Да уж, — сказала Брэдшоу, и они двинулись дальше. — Как прошла беседа с капитаном?

— Похоже, он всерьез злится, — ответила Кива. — Вроде как кто-то болтает насчет его финансов.

— Есть мысли — кто?

— По некоторым признакам — казначей. Естественно, это только слухи.

— Ясно, — кивнула Брэдшоу. — Как я понимаю,

ты лично знала Надаше Нохамапитан?

— Да, — ответила Кива.

— И что ты о ней думаешь?

— Та еще стерва.

— Весьма точно сказано. — Брэдшоу привела Киву в ее чулан, который, как помнила Кива, был до этого чуланом Брэдшоу.

— Послушай, — сказала Кива. — Извини, что заняла твою каюту. От меня ничего не зависело — меня просто запихнули сюда, и все. А теперь мне предстоит торчать тут безвылазно. С химическим туалетом.

— Ничего страшного, — ответила Брэдшоу. — Хотя советую мочиться поэкономнее.

Вскоре появились находящийся под угрозой химический туалет и протеиновые батончики, и у Кивы отобрали планшет. Два дня Кива тупо таращилась на стены чулана, не в силах что-либо придумать.

На третий день послышались крики, за которыми последовали звуки сирены, периодически перемежавшиеся стрельбой.

Примерно в середине третьего дня в дверь Кивы постучали.

— Да?

— Леди Кива, — послышался голос, принадле-

жавший первому помощнику Номику. — Ходят слухи, будто вы хотели бы улучшить условия вашего пребывания на корабле.

— Раз уж ты об этом упомянул — было бы просто прекрасно, — ответила Кива.

— Насколько я понимаю, вы называли цену, которую готовы заплатить за это улучшение главному инженеру Гибхаану.

— Могла бы, — согласилась Кива. — Входит ли в данную цену возможность потребовать изменения маршрута?

— Леди Кива, за эту цену вы можете получить практически все, что пожелаете.

— В таком случае — да, — улыбнулась Кива. — Улучшайте.

Послышался щелчок отпираемого замка. По другую сторону двери стоял Номик, с пистолетом в руке, но убрав палец со спускового крючка.

Кива узнала оружие.

— Это ведь пистолет капитана Робинетта?

— Был, — ответил Номик.

— Он говорил, что оружие запрограммировано на его отпечаток пальца.

— Для этого он чересчур прижимист, мэм, — улыбнулся Номик.

Сам капитан Робинетт сидел в своей каюте,

привязанный к стулу, в окружении членов его бывшей команды, державших его под прицелом. Появление Кивы не слишком его обрадовало.

— Ваших рук дело, надо полагать? — спросил он.

— На самом деле твоих собственных, — ответила Кива. — Хотя должна признаться, что сообщила твоей команде о некоторых фактах, а они уже сделали выводы.

— Неужели вы не понимаете, что для меня это просто бизнес?

— Смешно слышать, когда кто-то всерьез напортачит, мать твою, а потом заявляет в свою защиту, что это «просто бизнес», — сказала Кива. — Я вполне понимаю, что это был «просто бизнес», капитан Робинетт. Вот только бизнес оказался неудачным. Сперва ты по глупости снюхался с Надаше Нохамапитан, а потом решил встать на моем пути. И у меня теперь есть личные долбаные счеты с тобой.

Робинетт кивнул:

— И что дальше?

— Что ж, капитан Робинетт, — улыбнулась Кива, — на этом корабле три шлюза. Выбирай.

Глава 19

Грейланд вошла в Зал Памяти.

— Я здесь, — сказала она.

Перед ней материализовался Цзии.

— Да хватит тебе, — бросила Грейланд.

Цзии улыбнулся — что было для него в новинку — и исчез, возможно, в последний раз. На его месте возникла Рахела Первая.

— Прошу прощения, — сказала Рахела. — Я думала, так вам будет легче.

— Легче, чем знать, что твоя тысячелетняя предшественница была все это время жива, притворяясь компьютером? Да, могу понять.

— Я не живая, — возразила Рахела. — Мое физическое тело мертво почти всю упомянутую вами тысячу лет.

— Вы знаете, о чем я, — раздраженно сказала Грейланд.

— Да, знаю, — согласилась Рахела.

— Но почему? — умоляюще всплеснула руками Грейланд. — Просто не понимаю. Какой во всем этом был смысл? Почему вы решили так поступить?

— Почему ваш друг Тома Шенвер решил стать космическим кораблем? — спросила Рахела.

— Он ничего не решал. Насколько я понимаю, это был единственный доступный ему в то время вариант.

— Как и мне, — кивнула Рахела. — Данная технология — технология сохранения и поддержания человеческого сознания — существовала до Взаимозависимости, во времена Свободных систем. Вероятно, ею поделились с другими человеческими империями, а может, именно от них она вела свое происхождение. Ее обнаружили в процессе археологического изучения компьютерных систем. Никто в Свободных системах никогда ее не создавал — она слишком сложна и дорогостояща. — Рахела пожала плечами. — Но потом я стала импер о и включила необходимые расходы в число прочих крайне дорогостоящих вещей, которыми мне пришлось заниматься, пока мы основывали Взаимозависимость. Технология сработала, но не отличалась особой мобильностью, и потому я осталась здесь.

— То есть скрывались.

— Можете считать и так. Скорее, мне стало ясно, что для целого отряда бессмертных просто нет места — это стало бы пиком классовой войны, не так ли? — и даже если бы подобного рода бессмертие означало, что я стану импер о навеки,

мне этого совершенно не хотелось. К концу моего правления я по-настоящему устала. А вы — нет? Вы пробыли импер совсем недолго, но я знаю, какое бремя легло на ваши плечи.

— Пожалуй, да.

— Представьте, что так происходит сотню лет. Двести лет. Тысячу. — Рахела пренебрежительно махнула рукой. — Нет уж, спасибо. И в то же время меня страстно интересовало, чем закончится мой небольшой проект.

— Бессмертие?

— Нет, Взаимозависимость, — ответила Рахела. — Это был отважный эксперимент. Мне было любопытно, как он будет продолжаться после конца моей естественной жизни, а поскольку мне не хотелось быть правительницей, я хотела иметь возможность каким-то образом наставлять других и давать им советы. Так и возникло все это. — Она показала на Зал Памяти. — Я создала Цзии в качестве удобного и беспристрастного интерфейса — не забывайте, что мои непосредственные преемники были моими детьми и внуками, так что вряд ли им было бы приятно видеть на его месте собственных мать и бабушку, — а после казалось вполне разумным оставить Цзии в качестве лица Зала Памяти. Бывали годы

и даже десятилетия, когда ко мне, Рахеле, никто не обращался.

— Это вас как-то беспокоило?

— Сперва — да, немного. Мое «Я» никуда не делось, хотя, как вам известно, я делала вид, будто им не обладаю. Но чем дольше я здесь оставалась, тем больше понимала, что вне зависимости от того, чье лицо им показывалось, все разговаривали именно со мной.

— Значит… все другие импер… — Грейланд тут же подумала о своем отце Аттавио Шестом.

— Их здесь нет, — покачала головой Рахела. — Здесь есть их воспоминания и эмоции, но не они сами. Когда вы разговаривали со своим отцом или с кем-то из других импер, вы разговаривали со мной. Или, скорее, они разговаривали посредством меня.

— Однако другие импер тоже могли бы здесь быть. Как и вы.

— Да, технология существовала, но мне это показалось не слишком удачной мыслью. Вы видели здесь, в Зале Памяти, некоторых импер, правивших Взаимозависимостью. Немалому их числу лучше было умереть. Что касается остальных — не уверена, что они согласились бы на такие условия. Вряд ли многих устроила бы веч-

ная жизнь в ящике.

— Как же вам удалось не сойти с ума? — спросила Грейланд.

— Я не все время бодрствую. Когда вас здесь нет, нет и меня, разве что в самом абстрактном смысле. Всеми рутинными задачами занимается Цзии, который снабжает меня информацией, когда я пробуждаюсь. Он не просто лицо — он реальная, пусть и ограниченная, сущность. Например, именно он собирает все эти тайны, а не я.

— Но все эти тайны известны вам.

— Да, известны. Мы раскрыли эту тайну — тайну машинного сознания — совершенно случайно, и мне не хочется больше лишаться какой-либо информации.

— Но вы никогда ею не делились — до меня. А мне пришлось вытягивать ее из вас силой. Вы солгали мне, утверждая, будто ничего не знаете, а потом велели Цзии, чтобы он поделился информацией со мной. Но на самом деле это все время были вы.

— Ответ достаточно сложен, и, возможно, он не вполне вас удовлетворит, — сказала Рахела.

— Мне не терпится его услышать.

— Тогда я ответила вам так, как ответила бы, если бы была жива. Когда я была жива, я ниче-

го не знала о Разрыве, о Свободных системах, о Тройственном договоре, обо всем, о чем вы меня спрашивали. Обо всем этом я узнала позже, после смерти, когда это выяснил Цзии или кто-то еще.

— Но вы только что говорили, что эта технология, — Грейланд показала на Зал Памяти, — принадлежит Свободным системам.

— Я говорила, что она пришла из тех времен. Когда мы ее обнаружили, мы почти ничего не знали о создавшей ее цивилизации. Когда я была жива, я об этом не знала и, соответственно, ничего вам не сказала, велев сделать это Цзии.

— То есть вы хотите сказать — то, что вы мне говорили, было правдой… с определенной точки зрения?

— Совершенно верно.

— О господи, — сказала Грейланд. — С вами просто невозможно общаться.

— Я исхожу из определенных правил: вы или любой импер, пришедший сюда за советом, должен получить самый подлинный опыт, какой только возможен.

— Здесь нет ничего подлинного! — взорвалась Грейланд. — Да и вы никакая не подлинная. Будь вы подлинной, вы были бы мертвой, а не этим… зомби, притаившимся в зале императорского

дворца!

— Тогда вы бы не узнали ничего из того, о чем знаете сейчас, — сказала Рахела. — О прошлом. Обо всех тайнах и планах аристократов и об их интригах против вас. Подлинная я или нет, но я оказалась для вас весьма полезным орудием. А если ваши претензии состоят в том, что я вам лгала и кое-что от вас скрывала, я мало чем отличаюсь в этом от вас. Совсем недавно вы точно так же поступили в отношении Марса.

— Я полагала, что у меня есть для этого свои причины.

— Мне об этом известно. Точно так же как я считала, что у меня есть причины поступать так, как я поступала.

Вздохнув, Грейланд села на длинную безликую скамью, являвшуюся единственным предметом обстановки Зала Памяти. Рахела молча ждала.

— Вряд ли вы мне слишком нравитесь, — после долгой паузы сказала Грейланд.

— Вполне могу понять, — ответила Рахела.

— Вряд ли вы мне слишком нравитесь, — повторила Грейланд. — Меня нисколько не радует, что вы лгали мне и всем остальным импере. И я не знаю, можно ли вам доверять. Но тем не менее вы мне нужны.

— Дорогая моя правнучка, — едва заметно улыбнулась Рахела. — Я согласна, что я тебе не нравлюсь и ты мне не доверяешь. Я вполне понимаю твои чувства. Но прошу также понять, что моей целью вовсе не было причинить тебе боль или обмануть тебя, так же как и любого другого имперо. Мне просто хотелось, чтобы ты чувствовала себя свободно рядом со мной и я могла бы тебе помочь. Направить по верному пути. Дать совет.

— Повлиять на меня, — сказала Грейланд.

— И это тоже, — согласилась Рахела. — Взаимозависимость — мое наследие, и у меня есть законный интерес в том, чтобы она продолжала существовать. В течение многих лет сюда приходили имперо, чтобы пообщаться со своими любимыми предками, которые на самом деле были мной. Под видом бескорыстных советов я наставляла их на верный путь, основываясь на собственных знаниях, знаниях других имперо, а также всех тех тайнах, которые стали мне известны за прошедшие годы. То, как поступали с этими советами имперо, — их дело. Как только они покидали Зал Памяти, я больше не пыталась на них повлиять или в чем-то их убедить. Иногда они следовали совету, иногда пренебрегали им.

Порой, когда они следовали моему совету, становилось только хуже, то ли оттого, что они были плохими импер, то ли потому, что я, в силу своего несовершенства, давала им плохие советы. Но я делала все, что могла. Так что — да, Грейланд. Возможно, я пытаюсь на тебя влиять. Но у тебя полная свобода воли.

— Рада, что вы так считаете, — ответила Грейланд. — Хотя мне самой вовсе так не кажется. В данный момент у меня такое чувство, будто будущее — некая стена, на которую мне предстоит налететь, не имея никакой возможности остановиться. Я не могу повернуть назад и не могу отказаться от своих намерений. Вряд ли это можно назвать свободой воли.

— Ты пока еще не налетела на эту стену.

— Да, — согласилась Грейланд. — Пока нет. — Она встала и подошла к изображению Рахелы. — Послушайте, не стоит больше лгать, ладно? Не стоит лгать, не стоит притворяться Цзии или всеми остальными импер. Не надо. Если вы в самом деле хотите мне помочь, помогите мне. Как и себе.

Рахела снова улыбнулась, на этот раз совершенно искренне:

— И как же мне тебе помочь, моя дорогая пра-

внучка, импер Грейланд Вторая?

— Как вам известно, Надаше Нохамапитан замышляет очередной переворот против меня.

— Один переворот из нескольких, но — да, она весьма настойчива.

— Лучше не скажешь. И наверняка вам также известно о нынешнем путешествии Марса Клермонта на «Оверни» с Тома Шенвером.

— Да, но лишь то, что рассказал мне сам Шенвер. Он все еще не допускает меня в свою систему. Он мне не доверяет.

— Логично, как мне кажется.

— Не согласна, хотя вполне тебя понимаю.

— Я думала, он снабдил вас какой-то информацией о своих системах в качестве подарка.

— Это он тебе сказал? Да, сейчас я ее просматриваю. Я, знаешь ли, могу делать два дела сразу. Собственно, даже тысячу дел.

— Насколько он отличается от вас?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто любопытно.

— Архитектура его системы крайне отлична от моей, чего следует ожидать, поскольку наши цивилизации не общались полторы тысячи лет. Но функционирует она примерно так же, а кое в чем даже лучше. Посмотрим, что я могу позаим-

ствовать для себя.

— Вы можете себя совершенствовать?

— Я занимаюсь этим уже тысячу лет. Зал Памяти работает вовсе не на древних технологиях. Он создан с расчетом на то, чтобы, если потребуется, просуществовать в течение многих столетий. Но поскольку этого пока не требуется, я продолжаю его совершенствовать.

— Это может потребоваться очень скоро, — сказала Грейланд.

— Если только твой жених не сотворит чудо — да.

Грейланд покраснела, а затем в замешательстве дотронулась до маленького бугорка на затылке — единственного внешнего свидетельства наличия в ее голове нейросети, записывавшей все ее эмоции и воспоминания для сохранения в этом самом зале.

— Естественно, вы все знали, — наконец проговорила она.

— Конечно знала. И рада за тебя. Ты в самом деле заслуживаешь хоть каких-то радостей в жизни.

Поморщившись, Грейланд кивнула и, снова сев на скамью, расплакалась. Рахела подождала, пока она не успокоится.

— Если хочешь рассказать мне, в чем дело, я слушаю, — сказала Рахела.

Печально улыбнувшись, Грейланд утерла слезы и покачала головой:

— Скоро и так узнаете.

— Да, верно, — ответила Рахела.

— Стоит ли оно того? — спросила Грейланд. — В смысле — жить вечно?

— Это не вечность, просто очень долгое время. И — да, оно того стоит. Если можешь оказаться кому-то полезной.

— Что ж, ладно. — Грейланд встала. — В таком случае настал тот момент, когда вы можете оказаться полезной мне.

— Каким образом? — спросила Рахела.

Грейланд обвела взглядом Зал Памяти.

— Прежде всего, думаю, вам следует привыкнуть к мысли, что вне этого ящика тоже есть жизнь.

В течение следующей недели Грейланд проводила часть каждого дня в Зале Памяти, общаясь со своей прародительницей, многое о ней узнавая, учась вместе с ней и строя планы на будущее. Помимо этого, она продолжала заниматься государственными делами, подписывая указы и планируя предстоящие события, как и подобало

импер о.

Каждый вечер, прежде чем лечь в постель, Грейланд переписывалась с Марсом посредством своего планшета, сообщая ему, как прошел ее день, и получая аналогичную информацию от него. Их общению мешала задержка из-за скорости света, составлявшая по несколько минут с каждой стороны, но ожидание того стоило. В тот день, когда Марс увидел свое эфемерное течение, он послал ей лишь пару коротких фраз: «Слишком много данных. Люблю и целую». Грейланд, она же Кардения, ответила, что тоже любит его и целует.

На следующий день Грейланд встретилась с коммандером Вэнем, у которого появилась новая информация об оперативной группе для Икойи: нашлось достаточное количество кораблей и теперь они были в пути к системе Икойи, где должны были оказаться за два дня до того, как течение Потока от Икойи до Края станет непригодным для использования. Тем временем к опергруппе в случае необходимости добавились бы новые корабли и личный состав. Более того, графиня Хьюма Лагос пообещала оказать логистическую и материальную поддержку оперативной группе внутри системы Икойи, что

стало немалым облегчением для всех заинтересованных лиц. Грейланд напомнила Вэню насчет договоренностей о переправке семей участников опергруппы. Вэнь заверил ее, что вопрос уже решается.

Сразу же после встречи с коммандером Вэнем последовало короткое чаепитие с архиепископом Корбейн, от которого Грейланд получила столько удовольствия, что позволила себе лишние пять минут сверх выделенных пятнадцати. Когда они расставались, Грейланд в порыве чувств обняла Корбейн, тут же извинившись перед архиепископом за несдержанность. Архиепископ Корбейн напомнила Грейланд, что та фактически является главой церкви Взаимозависимости и потому имеет полное право время от времени заключать архиепископа в дружеские объятия.

Следующая встреча, на которую Грейланд опоздала, состоялась у нее с графиней Рафеллией Майзен-Персо, ждавшей импреро в одном из официальных помещений в крыле дворца, где жила сама Грейланд. Грейланд извинилась перед графиней за опоздание, и та, любезно приняв ее извинения, вручила импреро памятный подарок — музыкальную шкатулку с Локоно, исполнявшую несколько нот мелодии Зея Эквана,

знаменитого локонского композитора прошлого века. Поблагодарив, Грейланд взяла шкатулку, положила ее на стол и спросила графиню, как себя чувствует ее собака. Озадаченная графиня ответила, что собака пребывает в добром здравии.

Грейланд и графиня Майзен-Персо еще несколько минут обменивались любезностями, а когда они наконец перешли к сути разговора, касавшегося текущих возможностей для эвакуации системы Локоно, музыкальная шкатулка, тщательно просканированная и проверенная Имперской службой безопасности, внезапно взорвалась, осыпав небольшое помещение осколками и убив на месте как графиню, так и импер о.

Книга третья

Глава 20

После убийства имперо Грейланд Второй Взаимозависимость вступила в официальный период траура. Исполнительный комитет, учитывая шокирующие и трагические обстоятельства ее смерти, растянул традиционный пятидневный траур на целую неделю, вступавшую в силу немедленно в системе Ядра, а во всех остальных системах — по получении объявления о смерти имперо.

Исполнительный комитет во главе с архиепископом Корбейн также объявил о расследовании обстоятельств убийства. Все указывало на то, что графиня Рафеллия Майзен-Персо действовала в одиночку, — в ее покоях обнаружили предсмертную записку, в которой подробно объяснялось, как она совершит убийство и по какой причине, а именно — в знак протеста против бездействия импero по вопросу эвакуации системы Локоно. В записке проводилась параллель между поступком графини и поступком Гуннара Олафсена, убившего первую импero Грейланд в знак

протеста против того, что он воспринимал как бездействие в связи с изоляцией Даласислы, случившейся во время ее правления.

Но естественно, исполнительный комитет не мог просто принять как данность единственный очевидный ответ, не проведя полного расследования. Короткое правление Грейланд Второй ознаменовалось неоднократными покушениями и попытками ее свержения, в замысловатых планах которых участвовали многие представители аристократии и профессиональных гильдий Взаимозависимости. Следовало хотя бы попытаться копнуть глубже, чтобы выяснить, не замешан ли тут кто-то еще, кроме недовольной графини.

Что касается самой Грейланд Второй, закрытый гроб с ее останками был выставлен при полном параде в императорском дворце в течение первых трех дней, а затем еще три дня в поместье Брайтон в Ядропаде, где ее могла бы увидеть и запомнить публика. В завершение траура ее, в соответствии с традицией, должны были кремировать и захоронить ее прах в имперском склепе на Сиане, где она навеки упокоилась бы рядом со своими предками.

Решив все эти вопросы, исполнительный комитет перешел к следующей, куда более спорной

проблеме — кто будет следующим импero Взаимозависимости.

Проблема оказалась намного сложнее, чем это бывало обычно. Импero погибла, не успев произвести на свет или назвать своего преемника, что означало отсутствие официального наследника трона. Подобное в истории Взаимозависимости прежде случалось лишь шесть раз — не то чтобы это считалось чем-то небывалым, но в любом случае достаточно редким.

История давала на этот счет ряд указаний. Вне зависимости от того, называл ли имперо своего преемника, императорский трон считался собственностью дома Ву — естественно, по традиции, но для этого имелся также существенный, пусть и неписаный юридический аргумент. Большинство дополнительных титулов имперо, включая регента Ядра и Ассоциированных наций, были явным образом связаны с династией Ву, а Сиань, формально считавшийся территорией императорского дома, находился в системе Ядра, которым владело и, по крайней мере теоретически, управляло семейство Ву. Посадить на трон кого-то не из Ву было бы крайне сложно.

В предыдущие шесть раз, когда трон оказывался без официального наследника, его в первую

очередь предлагали тому из Ву, кто являлся управляющим домом Ву. Если управляющий либо отказывался от короны (что случалось трижды) или считался слишком некомпетентным (однажды), совету директоров дома Ву поручалась задача выбрать представителя семейства Ву, который мог бы взойти на трон. Каждый раз в этом случае совет выбирал одного из своих членов.

В нынешней же ситуации объявить преемником управляющего было невозможно — последний управляющий, Деран Ву, был мертв, а его предшественница, Джейсин Ву, пыталась свергнуть Грейланд Вторую и сидела за решеткой в ожидании суда. После безвременной кончины Дерана пост управляющего никто из Ву так и не занял — де-факто его обязанности исполнял Простер Ву, официально, однако, не взявший себе данный титул, и ни он, ни кто-либо еще, похоже, не спешили поставить кого-то на эту должность. Непохоже было также, что Простер Ву хоть сколько-нибудь заинтересован в том, чтобы самому стать импер, даже будучи официальным управляющим.

Учитывая все вышесказанное, исполнявшая обязанности главы исполнительного комитета

архиепископ Корбейн, получив всю необходимую информацию как от историков, так и от имперского министра юстиции, а также все необходимые подписи и печати, подтверждающие согласие членов комитета, официально предложила совету директоров дома Ву выбрать нового импера.

Почти сразу же от Простера Ву последовала просьба о встрече с архиепископом. Совет, предвидевший подобный вариант, сделал свой выбор, и Простер хотел объявить о нем архиепископу лично.

— Примите мои соболезнования, — сказала Корбейн Простеру, когда он посетил ее день спустя в ее просторном кабинете в имперском соборе Сиана. Отпустив помощников, она предложила ему сесть.

— Спасибо, — ответил Простер. — Я никогда не встречался с моей родственницей, кроме как в официальной и церемониальной обстановке, но случившееся стало потрясением для всех нас.

— Как и для меня.

— Насколько я понимаю, вы были с ней достаточно близки, — сказал Простер.

— Да, — кивнула Корбейн. — Она была приятной женщиной во всех отношениях. Ей не

нравилась роль имперо, но в конце концов она с ней свыклась. И она позволила мне ей в этом помочь, за что я ей навеки благодарна. Мне будет ее не хватать.

— Еще раз примите мои соболезнования, архиепископ.

— Спасибо, директор Ву.

— Прошу вас, зовите меня Простер.

— Как пожелаете. — Улыбнувшись, архиепископ Корбейн отбросила прочь мысли о Грейланд. — Ладно. Мы собрались говорить не о прошлом, а о будущем.

— Да.

— Как я понимаю, Ву выбрали нашего следующего имперо.

— Да, выбрали.

— Кто это?

— Ну… — Простер полез в портфель с документами, который был у него при себе. — Потребуется кое-что объяснить.

— Что такое? — нахмурилась Корбейн.

— Сейчас поймете. — Простер достал из портфеля впечатляющую пачку бумаг и положил их на стол перед архиепископом. — Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, здесь подтверждения со стороны большинства аристократических домов,

крупных и мелких, относительно нашего выбора. Можете их просмотреть и дать поручение своим юристам проверить их законность.

— Большинства домов?

— Некоторые уклонились, — сказал Простер. — Дом Лагос, что неудивительно, учитывая, насколько они были в последнее время несговорчивы. Дом Персо, поскольку его местный директор — убийца бывшей импера и они вполне разумно решили, что в данный момент лучше всего залечь на дно и не высовываться. И еще несколько других, не имеющих особого значения в общих масштабах. — Он постучал по стопке. — Но эти документы представляют подавляющее большинство домов. Большинство аристократов Взаимозависимости.

Корбейн взглянула на пачку бумаг:

— Судя по тому, что ваш выбор получил столько поддержки, у вас наверняка уже давно имелись некие мысли насчет преемника.

— Нет, конечно, но, когда стало ясно, что нужен преемник, выбор для совета был очевиден, а когда мы связались с другими домами, столь же очевидным стал этот выбор и для них.

— После подобного предисловия мне не терпится услышать, кто же это из Ву.

— Ну… в общем, архиепископ, это не Ву.

Корбейн хмуро уставилась на него:

— Что?

— Это Надаше Нохамапитан.

У Корбейн отвалилась челюсть.

— Да вы с ума сошли, мать вашу в бога душу, — проговорила она, придя в себя.

Простера Ву, похоже, удивило ругательство в устах архиепископа, особенно такое, но он быстро опомнился и покачал головой.

— Для этого есть весьма серьезные причины.

— Но она пыталась убить имперо! Дважды! Она убила собственного брата! Она участвовала в перевороте, который устроила ее мать!

— Для всего этого есть свои обстоятельства.

— Обстоятельства?

— Да, — настойчиво продолжал Простер. — Я не собираюсь делать вид, будто Надаше во всем этом не участвовала. Но имелся и имеется ряд обстоятельств, связанных как с ее семьей, так и с нашей. Отец Грейланд, Аттавио Шестой, от имени императорского дома заключил договор с домом Нохамапитан о том, что член семьи Нохамапитан станет супругом имперо и родителем ребенка от двух семейств, который унаследует трон после собственного наследника Аттавио. Но

потом Реннеред погиб…

— …потому что его убила графиня Нохамапитан…

— …при обстоятельствах, к которым Надаше не имела отношения и о которых ничего не знала, и наследницей стала Кардения. Оба семейства исходили из того, что соглашение между домами остается в силе. Но Кардения нарушила это соглашение, и дом Нохамапитан не получил никакого возмещения.

— И это как-то оправдывает покушения и попытки переворота? — спросила Корбейн.

— Нет, конечно, — ответил Простер. — Следует, однако, заметить, что в данном соглашении между Нохамапитанами и императорским домом шла речь не просто о бизнесе. Речь шла о династиях и о правлении Взаимозависимостью. Ничто не оправдывает действий дома Нохамапитан после того, как Кардения решила не соблюдать соглашение между их домами. Но есть обстоятельства. И, учитывая эти обстоятельства, Кардения нанесла ущерб дому Нохамапитан. Естественно, не в такой же степени. Но тем не менее.

— Вы сами-то можете поверить в то, что сейчас мне говорите?

— Вполне могу, — ответил Простер. — К тому

же я верю, что меньше всего в данный момент, когда все в буквальном смысле разваливается на части, Взаимозависимости нужна гражданская война между императорским домом и Нохамапитанами. Именно она имела место последние несколько лет, о чем вы прекрасно знаете, и именно она привела к той ситуации, которую мы имеем сейчас. Нам следует сосредоточиться на том, чтобы спасти Взаимозависимость от коллапса. Вместо этого мы занимаемся дворцовыми интригами, что лишено всякого смысла, является лишь пустой тратой времени и закончится в итоге нашей гибелью. Гибелью для всех нас. Вы прекрасно это знаете. И я знаю. — Простер показал на стопку документов. — И они тоже знают.

Корбейн промолчала. Простер наклонился к ней.

— Послушайте меня. Ву сажают на трон Надаше Нохамапитан в качестве имперо. Всего лишь имперо, с тщательно прописанными полномочиями и обязанностями, на которые она уже согласилась. Она выходит замуж за кого-то из Ву — поиски подходящей пары уже идут, — а затем ее избранник получает все полагающиеся ему титулы: король Ядра и так далее. Их ребенок, который получит фамилию Ву, станет наслед-

ником, и с точки зрения престолонаследия и династии все вернется к тому, что было. К тому, о чем договорились императорский дом и дом Нохамапитан при Аттавио Шестом. Все те, кто сейчас готов к гражданской войне, успокоятся, и мы сосредоточимся на спасении Взаимозависимости. Мы спасем столько жизней, сколько сможем.

— Даже если это станет наградой для убийцы и изменницы?

Простер широко развел руками:

— Такие уж нынче времена, архиепископ.

— Мы сами творим времена, в которые живем, Простер.

— Иногда — да. Но не мы сотворили время, в котором рушится Поток. Боюсь, для нас это стало неожиданным ударом. — Он пожал плечами. — Так или иначе, если мы не посадим Надаше на трон, какие времена наступят после? Полагаете, она или ее союзники откажутся от своих намерений? Сколько еще членов семейства Ву должны стать мишенью? Мне как-то не хочется больше приносить своих родственников в жертву богам войны.

— И вам требуется мое согласие? — спросила Корбейн.

— Хотелось бы, — ответил Простер. — Но мы в нем не нуждаемся. За нами уже стоят аристократы. Но да, мне хотелось бы получить ваше согласие, ваше личное одобрение и помощь со стороны церкви Взаимозависимости. Так будет проще для всех и выгоднее лично для вас.

— В каком смысле?

— Надаше понимает, что из-за своей истории является, скажем так… сомнительным кандидатом на роль главы церкви и кардинала Сианя и Ядра. Она готова отказаться от этих титулов в вашу пользу как архиепископа на время ее правления или вашего пребывания на этом посту, в зависимости от того, что окажется короче. Если ваше пребывание в должности закончится раньше, после вашей смерти или отставки титулы перейдут к наследнику Надаше. Если позже — у вас есть вариант вернуть титулы новому импер, занявшему трон, но титулы в любом случае к нему вернутся, как только вы покинете свой пост.

Корбейн покачала головой.

— Только не я, — сказала она.

— Прошу прощения?

— Я сказала: «Только не я». Я могу заявить от имени церкви, что та не станет препятствовать

вашему выбору импер, сколь бы глупым тот ни был. И я принимаю ваше предложение насчет того, что титул кардинала Сианя и Ядра переходит на время правления Надаше архиепископу Сианя. Но не мне. Я намерена подать в отставку.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь стоять в соборе, благословляя Надаше Нохамапитан и молясь за ее успех, и не стану орудием ее коронации. Вы забываете, Простер Ву, что я была вместе с Надаше Нохамапитан в исполнительном комитете и имела возможность в полной мере ее оценить. Вы заблуждаетесь, сэр, если полагаете, будто сумеете ее контролировать или сдерживать, как не сможет этого сделать весь дом Ву и любые договоренности, на которые она, по ее словам, готова пойти.

— Возможно, вы чересчур пессимистичны.

— На вашем месте я страстно бы это надеялась, — ответила Корбейн. — Что касается меня, то я умываю руки. В ближайшие несколько часов ожидайте моего объявления об отставке с поста архиепископа и переходе в рядовые священнослужители.

— Буду ждать встречи с вашим преемником для обсуждения коронации.

— Я тоже буду ее ждать, но впереди еще месяц.

— Прошу прощения? — спросил Простер.

— Дорогой мой Простер, — улыбнулась Корбейн, — похоже, вы не особо правоверное чадо церкви, так что позвольте мне объяснить. Будучи де-факто главой церкви Взаимозависимости — а поскольку правящего импер о в настоящее время нет, то и де-юре тоже, — я не могу позволить себе роскошь выбирать преемника. Должен состояться конклав епископов, и на нем должен иметься кворум. Епископов, чьи епархии находятся в системе Ядра, для кворума недостаточно, так что потребуется также присутствие епископов из других систем. Кстати, так требует закон. Если окажется достаточно других епископов, находящихся с визитом на Ядре, мы можем воспользоваться ими, но мы также обязаны разослать приглашения епископам из других систем. Минимальное время, предусмотренное для этого церковным законом, — месяц.

— Даже если в системе Ядра удастся собрать кворум епископов?

— Да. Кворум — это минимум. Чем больше епископов смогут участвовать, тем лучше. Если архиепископ Сианя намерен подать в отставку, мы назначаем как можно более отдаленную дату,

обычно через год. Иногда даже два года, чтобы при желании смогли прибыть епископы с Края. Но Край теперь в любом случае от нас отрезан.

— И до этого вы не собираетесь проводить коронацию?

— После объявления об отставке я не имею на это права, — ответила Корбейн. — Я могу провести стандартный обряд, как любой священнослужитель, и я уверена, что церковь позволит мне в переходный период занимать кресло в исполнительном комитете. Но все мои обязанности архиепископа временно перейдут к епископу Хиллу, который управляет Парламентским собором. — Простер открыл было рот, но она тут же продолжила: — Все обязанности архиепископа, за исключением коронации имперо, которую в соответствии с каноном может проводить только архиепископ Сианя. — Простер снова закрыл рот. — И прежде чем вы спросите, Простер, — или хотя бы подумаете, — никто из имперо не является законным правителем без церковной коронации. Предполагаемый наследник может исполнять определенные полномочия до формального восхождения на трон, но они носят в основном церемониальный характер и ограничиваются управлением имперским хозяйством.

Для всего прочего в переходный период существует исполнительный комитет.

— Похоже, я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Простер.

— Хотелось бы надеяться, тем более что я ничего не скрываю, — ответила Корбейн. — Но на всякий случай все же объясню. Вы получите свою коронацию, Простер. Надаше Нохамапитан станет импето, и пусть это будет на вашей совести. Но коронация должна быть законной и пройти по всем правилам — правилам церкви и законам Взаимозависимости, — иначе вся ваша дурацкая игра пойдет прахом. И это означает, что вам придется играть по моим правилам. У меня остался последний ход — я это знаю, и вы тоже знаете. И тем не менее это мой ход в игре, и я намерена его сделать.

Простер долго молчал, затем кивнул.

— Вот и хорошо, — сказала Корбейн. — В таком случае мой преемник, кем бы он ни был, увидится с вами через месяц. Скорее всего.

Простер удивленно поднял брови:

— Скорее всего?

— Епископы обычно избирают следующего архиепископа из числа собравшихся, — сказала Корбейн. — Но иногда случается иначе, и они вы-

бирают кого-то из отсутствующих. В таком случае этого епископа нужно известить и получить его согласие, а затем он должен прибыть на Сиань. На это могут потребоваться месяцы.

— Но, как я понимаю, вероятность этого невелика?

— Невелика, — согласилась Корбейн. — Но возможность есть. Вам остается лишь надеяться, что они не выберут епископа с Края.

Глава 21

Марс и Шенвер обнаружили эфемерную отмель Потока именно там, где она и должна была находиться. В подтверждение гипотезы Марса она расширялась, и перемещалась, и, более того, выбрасывала из себя новые отмели, которые устремлялись прочь, испаряясь через несколько минут или секунд. Подобного Марс не ожидал, и оно не слишком вписывалось в его модель, к тому же он понимал, что мог бы потратить всю свою карьеру на изучение лишь одного этого аспекта эфемерных течений Потока и ее все равно могло бы не хватить.

Жизнь Марса Клермонта превратилась в сплошное празднество данных.

В итоге Шенверу пришлось напомнить ему,

что данные, которые они собирают, вне всякого сомнения, замечательные, но им поставлена задача и следует сосредоточиться на ней. Марс с неохотой отложил на потом все, что не имело отношения к базовому резонансу среды Потока и нанесению на карту продолжающихся последствий древней кавитации с целью выяснить, как оставшиеся данные соотносятся с его гипотетическими значениями.

Значения эти интригующе отличались, пусть и немного, и Марс, как ученый, пытался оценить, насколько эти небольшие вариации могут привести к дальнейшим изменениям, влияя на предсказания облика и времени существования эфемерных течений Потока как в ближайшем будущем, так и в последующие десятилетия и даже века.

Все это также укрепляло веру Марса в то, что следующим шагом должно стать получение новой информации о появляющихся эфемерных отмелях Потока и сопровождающих их течениях. Постепенное уточнение гипотез с помощью новых данных не относилось к числу особо увлекательных задач, но являлось крайне важным. Возможно — всего лишь возможно, но тем не менее, — даже существовал способ совершить то,

что они хотели: придать форму отмелям Потока и переместить их, а может, даже заставить их полностью поглотить человеческие поселения.

В результате возникало множество проблем второго порядка, с которыми Марсу вряд ли хотелось бы столкнуться, включая вопрос о том, как сформировать пространственно-временной пузырь такого объема, чтобы внутри его поместилось космическое поселение длиной во много километров. Но он также понимал, что ему вовсе незачем решать каждую проблему. Если он решит эту, остальным смогут заняться другие. А решения этой проблемы хватило бы каждому.

Марс настолько погрузился в свой собственный мир данных и гипотез, что почти забыл послать сообщение Кардении, положив начало ежевечернему обмену короткими фразами, перемежавшимися длинными паузами. В этот вечер Марс просто написал: «Слишком много данных. Люблю и целую», надеясь, что Кардения поймет, что он слишком ослеплен сиянием научных сфер и вряд ли станет сегодня полезным собеседником. Кардения ответила столь же просто: «И я тебя люблю и целую», и он представил ее улыбку, вызванную его научным энтузиазмом.

Улыбнувшись в ответ, Марс в который уже раз с

того вечера накануне дня, когда они с Шенвером отправились наблюдать за эфемерной отмелью Потока, всерьез удивился, что Кардения предложила ему стать его женой.

Марс понимал, что с ее стороны это импульсивное и, возможно, даже опрометчивое решение. Кардения давно уже рассказала ему, как ее собирались выдать замуж за злополучного Амита Нохамапитана и что человек, занимавший ее положение, далеко не всегда мог позволить себе роскошь жениться по любви. То был удел людей, которые не обладали столь могущественной властью, что в буквальном смысле не могли от нее отказаться, — властью, которую имела Кардения как имперо. Она рассказывала ему об этом со столь печальной прозаичностью, что Марс даже удивился, ощутив нечто вроде жалости к ней, самой могущественной персоне среди миллиардов жителей Взаимозависимости.

Марс уже знал обо всем этом раньше, еще до того, как ему рассказала Кардения, и всегда утаивал от нее некую частицу самого себя. Не душу, поскольку он знал, что любит Кардению и нет никакого смысла пытаться себя обманывать, но некую молчаливую и логичную часть разума, подсказывавшую, что их отношения однажды

закончатся — если повезет, то из-за обычной энтропии, возникающей, когда влюбляются друг в друга слишком хорошо знакомые люди, а если нет, то по какой-то другой, куда более душераздирающей причине. А когда это случится — когда, не если, — ему придется с достоинством принять неизбежное, понимая, что любовь никогда не являлась частью наследия имперо.

И тем не менее Кардения сделала ему предложение, а он, несмотря на первоначальное замешательство, его принял, после чего доводы молчаливой и логичной части его разума перестали для него что-то значить. Марс и Кардения вполне могли когда-нибудь поссориться — подобное бывало со многими, и Марс не питал иллюзий, понимая, что их отношения вовсе не обязательно будут полностью безоблачными, несмотря на всю его любовь к Кардении, но искренне надеялся, что в их основе будут лежать постоянство и мир. Марс почти не сомневался, что им удастся построить совместную жизнь, даже если каждый день придется предпринимать новую попытку.

Через несколько часов, чувствуя, что его голова уже переполняется потоками новых данных, маячащих у него перед глазами, он отправился в свою

каюту на «Оверни». Едва его голова коснулась подушки, он погрузился в крепкий, здоровый сон, думая о Кардении. Когда двенадцать часов спустя он открыл глаза, ему вдруг показалось, будто он услышал ее голос, произнесший единственное слово: Марс.

Марс Клермонт поднялся с постели, зевнул, потянулся, оделся и отправился на мостик «Оверни», где Тома Шенвер, намеренно позволивший Марсу спать, сколько тот пожелает, ждал его с сообщением, что Кардении, имперо Грейланд Второй, нет в живых.

Обратное путешествие на Сиань заняло восемь дней и тысячу лет.

Марса встретил совсем другой Сиань по сравнению с тем, с которого он улетал. Формально он занимал должность особого советника имперо по науке, а после смерти Грейланд все ее советники, помощники и консультанты оказались в подвешенном состоянии, ожидая решения будущего имперо, который, скорее всего, поставил бы на эти должности своих людей, не особо нуждаясь во вспомогательном персонале предшественника.

Для Марса это означало, что любые проекты или инициативы, предпринятые им от имени Грейланд, приостанавливались в ожидании их

пересмотра будущим имперо. Марс больше не имел доступа к файлам или данным на имперских серверах и не мог поделиться собранными им новыми данными с другими учеными, пока ему этого не позволят новый имперо или назначенные им представители по науке.

Само по себе это не являлось для Марса особой проблемой. Он всегда хранил копии своей работы на собственных устройствах и в любом случае делился ею с Шенвером. При желании он мог переслать часть информации другим или работать над ней самостоятельно. Но официально его работа была заблокирована, и вся его связь с имперским аппаратом прервалась. Можно сказать, он лишился надежного якоря.

(Кстати, насчет якоря — «Оверни» больше не разрешалось стоять на причале в личном доке имперо на Сиане. Марсу, чьим кораблем считался «Оверни», пришлось договариваться о другом месте для корабля, платя заоблачную цену за временный причал из неприкосновенного запаса, который он привез с собой с Края. Причал в самом деле мог оказаться временным, поскольку его стоимость быстро исчерпала бы денежные ресурсы Марса, в очередной раз напомнив, что есть разница между просто богатством и тем

огромным состоянием, которое ему требовалось, чтобы держать где бы то ни было в системе корабль размеров «Оверни»).

На время ожидания решения вопроса о его трудоустройстве при новом империо Марсу разрешили остаться в своем дворцовом жилище, холостяцкой студии, в которой ему редко доводилось ночевать в последние несколько месяцев. Ему не позволили забрать свои вещи из покоев империо, доставив его одежду, туалетные принадлежности и прочие личные мелочи в его дворцовое жилье еще до того, как «Оверни» вернулся на Сиань. Марса лишили всех его личных связей с имперским миром столь же действенно, как и связей профессиональных.

Естественно, все знали, что у Марса и Грейланд были, если можно так выразиться, «близкие отношения». Вернувшись в свою холостяцкую квартирку, Марс встретил понимание и сочувствие со стороны других представителей императорского персонала, некоторые из которых, как и он сам, ожидали известия, останутся ли они на своих должностях. Но ни они, ни кто-либо другой не отдавали себе отчета в том, что эти самые «близкие отношения» вовсе таковыми не являлись, будучи настоящей любовью, истинной и неподдельной.

Марс понимал, что вряд ли стоит винить их в том, что, по их мнению, он был всего лишь любимой игрушкой для могущественной персоны. Он никогда не пытался хвастаться своими отношениями или делать на них капитал — это вообще никого больше не касалось. Но поскольку Марс не желал распространяться на тему своих чувств к Грейланд — к Кардении, — то, с точки зрения всех остальных, за исключением тех немногих, кто лучше всех знал имперо, он ни на что особо не претендовал.

Никто больше не знал, что Кардения сделала ему предложение.

Марс во всех смыслах овдовел, но ни одна душа не могла понять его страданий и утраты. Тогда он даже ничего не стал говорить Шенверу, чувствуя, что ему не следует делиться этим известием. Когда твоя невеста — имперо, лучше, если она объявит об этом сама.

Теперь, естественно, он мог обо всем рассказать Шенверу и любому другому, кто захотел бы его выслушать. Но он не стал этого делать, поскольку рядом не было Кардении, которая могла бы его поддержать. Марс прекрасно понимал, что о нем подумают, если он прямо здесь и сейчас заявит об их помолвке.

Его это вполне устраивало. Ему вовсе не требовалось, чтобы кто-то еще знал, что Кардения попросила его стать ее мужем. Достаточно было того, что об этом знал он сам и знание это сохранилось бы на всю жизнь.

Марс не стал оставаться в холостяцкой квартирке и не стал ждать решения вопроса о собственной роли при императорском дворе. В свое время Марс прибыл на Ядро, чтобы доставить новость, о которой просил его отец, — новость о коллапсе Потока. Он остался здесь потому, что импера — Кардения — попросила его об этом. Теперь ее больше не было, и все его обязательства по отношению к ней и его отцу были выполнены.

Кроме того, новой импера должна была стать Надаше Нохамапитан.

Марс отказался от должности, освободил жилье и перебрался на «Оверни» — во-первых, потому, что его пригласил Шенвер, а во-вторых, он полагал, что и так уже оплачивает проживание в виде ужасающе высокой платы за причал.

— Что собираешься делать дальше? — спросил его Шенвер.

— Не знаю, — ответил Марс. — Изначально я планировал вернуться на Край. Теперь это непросто, поскольку Нохамапитаны держат планету

в блокаде.

— У Грейланд был план послать туда армаду.

— Наверняка он отменен. Надаше — будущая импера, и вряд ли она станет выступать против собственного брата.

— Мы могли бы еще успеть туда проскользнуть через тот черный ход, — сказал Шенвер. — Он все еще открыт. Если поторопимся.

— Мы?

— Меня ничто здесь не держит. И мы друзья.

— Спасибо, — ответил Марс, искренне тронутый его словами. — Но я не могу просить тебя идти на такой риск. Даже если никто не наблюдает за той отмелью Потока, это вовсе не означает, что нашего приближения к планете не заметят. «Оверни» не такой уж маленький.

— Ты недооцениваешь мое умение маскироваться, — сказал Шенвер.

— Скорее я недооценю его, чем их способность уничтожить нас как неопознанный корабль.

— Логично.

— Нет, я не могу вернуться на Край. Пока. А может, вообще никогда.

— В таком случае возвращаюсь к своему первоначальному вопросу, — заявил Шенвер.

— А я возвращаюсь к своему первоначальному

ответу, — сказал Марс. — Не знаю. Пока. Думаю, скоро решу. В конце концов, у нас с тобой осталась куча данных, которые нужно обработать. Возможно, именно они подскажут нам решение. — Улыбнувшись, он взглянул на призрак Шенвера. — Мы в любом случае остаемся последней надеждой Взаимозависимости. Мы можем продолжить над этим работать, и не важно, нужны мы будущей имперо или нет.

— Мне нравится эта мысль. Вполне соответствует моей романтической душе.

— Прости, что мы тебя во все это втянули, — сказал Марс. — Когда мы тебя нашли, ты спокойно спал. Мы разбудили тебя, швырнули прямо в гущу космического сражения, а когда ты оказался здесь, я вынудил тебя ввязаться в те же политические махинации, от которых ты сбежал. Вряд ли я стану тебя винить, если ты вышвырнешь меня в космос, пока я буду спать.

— Заверяю тебя, что подобных планов у меня нет, — ответил Шенвер. — Дорогой мой лорд Марс, ты мне очень нравишься. Да, я спокойно спал, когда вы меня нашли. Возможно, я мог бы спать, пока не исчерпались бы мои запасы энергии и сон не перешел бы в тихую смерть. Но я не жалею, что вы меня разбудили. Вы дали мне

лучшую жизнь и лучшую цель, чем была у меня многие годы, а возможно, и когда-либо вообще. И если наша задача потерпит крах, а наши усилия в конечном счете окажутся тщетными, оно все равно стоит того. Я буду навеки благодарен вам за то, что смог сражаться рядом с вами за эту цель вместе с вашей имперо. Спасибо.

— Не за что, — ответил Марс и встал, собираясь отправиться в свою каюту.

— Кардения была выдающейся личностью, — сказал Шенвер. — Ты был прав, что полюбил ее, Марс.

— Спасибо.

— И она была права, что полюбила тебя.

Марс молча кивнул и вышел.

В своей каюте, готовясь лечь спать, Марс бросил взгляд на свое небогатое имущество, и одна из вещей привлекла его внимание. Это были карманные часы, первый подарок, который он получил от Кардении.

Он открыл часы, и взгляд его упал на выгравированные на крышке китайские символы — надпись, сделанную Кардением.

«Это наше время».

— Это было наше время, — сказал Марс, обращаясь к отсутствующей Кардении. — И оно того

стоило. Жаль, что оно закончилось.

Когда Марс уже отходил ко сну, ему показалось, будто он слышит голос Кардении, произносящей его имя. Это утешило его и успокоило, и он заснул.

Глава 22

Когда «Наша любовь» вновь возникла в окрестностях Ядра, ее уже ждали люди Надаше, чему вряд ли стоило удивляться. Вероятно, Надаше поставила их там сразу же, как только «Наша любовь» покинула Ядро, просто на всякий случай, если корабль вдруг каким-то образом обретет способность развернуться в Потоке и возвратится в то же мгновение, когда и стартовал.

Киве польстило, что люди Надаше ее ждут. Надаше явно рассчитывала, что Кива сумеет захватить власть на «Нашей любви», и Кива нисколько ее не разочаровала.

Команда «Нашей любви» сдала Киву без боя, как Кива и хотела, и отправила людям Надаше сообщение о том, что в связи с внезапной смертью Робинетта от естественных причин (что было не столь уж далеко от истины, поскольку космический вакуум имеет вполне естественное происхождение), корабль немедленно возвращается

на Ядро в ожидании дальнейших распоряжений. Кива полагала, что подобное прикрытие может спасти «Нашу любовь» от уничтожения на месте. Команда «Нашей любви» не особо ей нравилась — по ее мнению, она состояла из тупых и угрюмых придурков, которым не место в приличном обществе, — но они оказали ей услугу, легко поддавшись ее манипуляциям и подняв мятеж, и ей хотелось сдержать обещание, которое она им дала.

Корабли Надаше заглушили связь «Нашей любви», так что Кива не смогла отправить еще несколько сообщений, в том числе Сении и юристам дома Лагос. Не смогла она также перевести средства с одного из тайных счетов Надаше в бортовой электронный сейф «Нашей любви». Прежде чем ее забрали с корабля, Кива стерла из почтовой очереди сообщения для Сении и юристов, отдав приоритет переводу денег, и оставила детальные инструкции для Номика, ставшего теперь капитаном, по преодолению протоколов безопасности тайного счета, посоветовав снять деньги сразу же после восстановления связи, а затем вместе со всей командой залечь на несколько месяцев на дно. На тайном счету имелось на сорок шесть миллионов марок больше, чем та

сумма, о которой они договаривались, но Кива решила счесть их чем-то вроде чаевых, к тому же это были не ее долбаные деньги.

Как только Кива оказалась на борту корабля Надаше, тот полностью утратил всякий интерес к «Нашей любви», что позволило Киве облегченно вздохнуть, и направился в сторону Ядра — по крайней мере, так она полагала. Лишь когда корабль причалил в личном доке имперо на Сиане, ей начало казаться, что что-то всерьез пошло наперекосяк.

Подозрения Кивы подтвердились, когда ее препроводили в личный кабинет имперо, где она обнаружила Надаше Нохамапитан, сидевшую за личным столом имперо.

— Да ты что, издеваешься надо мной, мать твою? — заявила Кива.

— Леди Кива, — улыбнулась Надаше, — поскольку мне хочется побеседовать с вами наедине, вы обещаете, что не станете делать каких-либо глупостей, например нападать на меня?

— Ну уж нет, мать твою, — ответила Кива, кивнув в сторону одного из предметов на столе. — Как только представится возможность, я забью тебя до смерти этим долбаным пресс-папье.

— Ценю вашу честность, — сказала Надаше и

кивнула охранникам, сопровождавшим Киву по пути с корабля в кабинет. Один из них силой усадил Киву в крайне изящное и невероятно дорогое кресло времен правления Лео Второго, а другой привязал к нему гибкими путами ее руки и ноги.

— Удобно? — спросила Надаше, когда Кива была надежно обездвижена, а охранники отправлены по другую сторону двери.

— Только подойди, и я тебя укушу.

— Меня это не особо возбуждает, но спасибо за предложение. — Как я понимаю, для тебя могло оказаться шоком, что мы встречаемся именно здесь? — Надаше обвела рукой кабинет.

— Меня это нисколько не шокирует, — ответила Кива. — Ты много лет, не гнушаясь ничем, в том числе убийствами, пыталась прогрызть сюда дорогу, мать твою. Я всего лишь разочарована тем, что это тебе наконец удалось.

— Чтобы оказаться здесь, я никого не убивала.

— Прошу прощения, я не знала, что сегодня день оскорблений интеллектуальных способностей Кивы Лагос. Иначе бы я надела праздничную шляпу.

— Дело твое, — сказала Надаше. — Суть в том, что я буду следующей импето.

— Почему ты уже не импето? — спросила

Кива. — Ты уже явно не первый день тут обретаешься вместе со своими кретинами. Что тебя держит?

Надаше плотно сжала губы.

— Ряд процедурных вопросов, связанных с церковью Взаимозависимости.

— Надо полагать, архиепископ Корбейн посоветовала тебе засунуть свои желания в задницу? — усмехнулась Кива.

— Вроде того.

— Мне она всегда нравилась.

— А мне нет, — заявила Надаше. — В любом случае бывшему архиепископу осталось уже недолго.

— Понятно, — кивнула Кива. — Продолжаешь избавляться от врагов?

— После коронации она откажется от священного сана, — сказала Надаше. — Не стоит столь плохо обо мне думать, Кива.

— Почему бы, собственно, и нет?

— Хотя бы потому, что ты все еще жива.

— Только из-за того, что я знаю, где твои деньги, — фыркнула Кива.

— Не только.

— Не верю, — ответила Кива. — Два миллиарда семьсот миллионов марок на тайных счетах

— вполне приличная сумма даже для будущей импер о. Точнее, два миллиарда шестьсот сорок четыре миллиона марок. Возможно, я слегка переплатила за мятеж с одного из твоих счетов поменьше.

— А если я скажу, что ты можешь оставить эти два с лишним миллиарда себе? — улыбнулась Надаше.

— Тогда я отвечу — жаль, что я не заплатила меньше за тот мятеж.

— Будь серьезнее, Кива. Мы никогда друг друга особо не любили, а в последнее время стали заклятыми врагами. Но я скоро стану импер о, и мне меньше всего хочется, чтобы мое правление начиналось с распрей и злобы. Я прекрасно понимаю, что вспыльчивость и мятежный дух у тебя в крови, — Надаше показала на путы на руках и ногах Кивы, — но я также знаю, что в критической ситуации бизнес для тебя всегда на первом месте. Черт побери, ведь удалось же как-то тебе с прибылью завершить тот рейс на Край, когда мы подпортили тебе груз чепушинов?

— Так я и знала, мать твою! — торжествующе воскликнула Кива. — Это все твой долбаный братец. Я убью этого засранца.

— В данный момент это маловероятно, — заме-

тила Надаше.

— Это в моих планах, — заверила ее Кива.

Надаше пропустила ее слова мимо ушей:

— Суть в том, Кива, что нам пора забыть о наших различиях. Пора заняться делом.

— Ладно, — ответила Кива. — Послушаем, что за дело.

— Дело таково, что мне нужна твоя поддержка. Поддержка твоего дома.

— Я не представляю дом. На эту тему тебе придется говорить с моей мамочкой.

— Я с ней говорила. Вернее, один из моих представителей.

— Гм? И как?

— Она велела нам всем оттрахать себя взятым напрокат дилдо. Одним на всех.

— В этом вся моя мамочка, — усмехнулась Кива.

— Я думала, это только ты помешана на сквернословии.

— Нет, это у нас семейное.

— Не слишком привлекательная семейная черта.

— Все лучше, чем убивать родственников и всех прочих, кто встанет на твоем пути.

— Надо полагать, речь обо мне?

— Можешь не сомневаться, мать твою.

— Вернемся к делу, — сказала Надаше. — Из слов твоей матери явно следовало, что на ее поддержку рассчитывать не стоит.

— А чего ты ожидала, инсценировав убийство ее дочери, которую на самом деле похитила? Вряд ли она должна была воспылать к тебе любовью.

— Именно потому, если ты меня после всего этого поддержишь, твое заявление станет решающим. Возможно, оно убедит поступить так же твою семью и дом. Я хочу, чтобы, когда я займу трон, на моей стороне были все дома, Кива. Не только некоторые, а все.

— И что я получу взамен?

— Для начала сможешь оставить себе те тайные счета. Два миллиарда с лишним марок. Я даже не потребую от тебя уплатить с них налоги.

— И?

— Я не стану проводить расследование незаконной деятельности дома Лагос или помещать ваш дом под имперское управление на время детальной проверки всего вашего бизнеса, то есть на сто лет или больше. Знакомо, не так ли?

Кива проигнорировала провокацию.

— И? — повторила она.

— Ты унаследуешь пост главы дома Лагос после

матери.

— Вряд ли с этим согласятся как минимум пять моих братьев и сестер, — сказала Кива.

— На твоей стороне будет имперо. Им придется привыкать к разочарованиям.

Кива кивнула:

— И?

— И мороженое, — раздраженно бросила Надаше. — Чего ты еще хочешь?

— Я хочу увидеть голову твоего братца Грени насаженной на долбаный кол, — заявила Кива.

— Почему?

— Потому что он вконец меня достал, постоянно лез в мои дела, а однажды даже пытался убить меня на Крае, поскольку с чего-то решил, будто ему удастся выйти сухим из воды.

— Он лично собирался тебя убить?

— По крайней мере, пытался.

— Угу, — кивнула Надаше. — Вряд ли бы это у него получилось.

— Наверняка. Но в любом случае он заслужил мою черную метку.

— Я не могу отдать его тебе прямо сейчас, — сказала Надаше. — Какое-то время он мне еще нужен — пока я не смогу переместить императорский двор на Край.

— И сколько времени на это понадобится?

— Может, лет пять.

— Пять лет? — воскликнула Кива.

— Могло бы быть чуть меньше, если бы не архиепископ Корбейн.

— Значит, через пять лет ты сможешь избавиться от своего братца?

— Да, — ответила Надаше. — Он твой. Хотя тебе придется для этого прибыть на Край.

— Мы все рано или поздно окажемся на Крае.

— И это тоже один из вопросов, — сказала Надаше. — Я могу предложить дому Лагос скидку с платы за доступ на Край. В ближайшие несколько лет она должна резко возрасти.

— Могу представить, — ответила Кива. — Итак, подытожим: если я поддержу тебя как импер и сумею убедить сделать то же самое дом Лагос, я получаю два с половиной миллиарда марок, не облагаемых налогом, должность главы моего дома, скидку с платы за доступ на Край, когда мы будем перевозить туда все свое хозяйство, и право прикончить этот унылый кусок дерьма, который ты называешь своим братом. Через пять лет.

— Примерно так, — кивнула Надаше.

— Не такая уж и плохая сделка, — заметила Кива.

— Значит, ты согласна? — уточнила Надаше.

— Ну уж нет, мать твою, — сказала Кива. — Я не настолько легковерна, сестренка. Мне просто хотелось понять, что ты якобы можешь предложить. Мне особо понравилось, что ты готова продать собственного братца.

— Что? — в замешательстве переспросила Надаше.

— Ты что, всерьез решила, будто я соглашусь? — спросила Кива. — Ты долбаная дрянь, Надаше. Такая же дрянь, как и вся твоя семейка предателей и убийц, начиная с твоей долбаной мамаши. Стоит тебе стать импер, и тебе будет наплевать на всю поддержку домов и все их обещания. Ты намерена расправиться с нами, воспользовавшись коллапсом Потока. Ты разделаешься со мной, как только я стану тебе больше не нужна. Ты разделаешься с моим домом, а рано или поздно — и со всеми другими. Тебе все равно, поскольку ты будешь на Крае, пока все остальные будут медленно подыхать в космосе. Так что — срать я на тебя хотела, Надаше. На тебя и твое долбаное предложение.

— Что ж, — сказала Надаше, когда Кива закончила, — впечатляющая речь.

— Что-то в ней определенно есть, — согласи-

лась Кива.

— Рада, что мы неплохо провели время. Знаешь, мы ведь давно не встречались в реале. Пожалуй, со времен университета.

— Я не особо по тебе скучала.

— Уверяю тебя, я тоже.

— И что дальше? — спросила Кива. — Убьешь меня прямо сейчас или прибережешь для особого случая?

— Вряд ли такого уж особого, — ответила Надаше. — Нет, я не собираюсь тебя убивать. Я все еще хочу получить назад те деньги, раз они тебе ни к чему. И ты все еще нужна мне как заложница. Пока.

— И куда же ты намерена меня поместить?

— Есть у меня одно местечко, — улыбнулась Надаше. — Надеюсь, тебе нравятся заточенные зубные щетки.

Несколько часов спустя Кива оказалась в исправительном изоляторе имени импера Ханны Второй, в тридцати километрах от Ядропада. Именно там в свое время очутилась Надаше, после того как ее обвинили в убийстве и измене. Вероятно, она считала, что, запихнув туда Киву, проявит особую иронию.

Если честно, Кива особо не страдала. Ее никто

не пытался убить, чего она не ожидала, учитывая склонности Надаше, а ее камера была просторнее и пахла приятнее, чем чулан, в который ее запихнули на «Нашей любви». Туалет в камере даже не был химическим.

Куда меньше ее устраивал тот факт, что она оказалась, по сути, настоящей политзаключенной, поскольку никто не предъявлял ей никаких обвинений и никто не знал, что она жива. Ее даже приняли в исправительное заведение имени импер Ханны Второй не под своим именем — с их точки зрения, Киву звали Мэвел Биггс. Кива вспомнила, что это имя одной из второстепенных героинь того ужасного романа, который она читала на «Нашей любви», что показалось ей еще одной долбаной иронией судьбы.

Кива лениво гадала, была ли она единственной политзаключенной в изоляторе, но выяснить это она никак не могла. Ее держали в одиночной камере, якобы для ее же защиты от заточенной зубной щетки или иного орудия убийства, но на самом деле — чтобы помешать ей общаться с другими заключенными, которым она могла бы проболтаться о том, кто она такая на самом деле, и которые, в свою очередь, могли бы сообщить об этом ее юристам или родственникам, а те

могли бы сообщить кому-либо еще, и так далее. Условия не были ужасными — ей приносили еду, разрешали одиночные прогулки в течение часа и предоставили для развлечения планшет с односторонней связью. Она вновь увлеклась сериалом «Империо» — просто потому, что тот там имелся и позволял отвлечься. Дни начали сливаться воедино.

Именно благодаря планшету она узнала из новостей, что конклав епископов церкви Взаимозависимости после занявших несколько недель дебатов наконец избрал новым архиепископом Сианя епископа Коула из поселения Спарта, находившегося на вытянутой орбите солнца системы Ядра. Взглянув на епископа Коула, коренастого бородача с недовольной физиономией, Кива подумала о том, чем он так провинился, что ему поручили неблагодарную задачу короновать Надаше Нохамапитан. Судя по его виду, радости ему это отнюдь не доставляло. С другой стороны, Кива сомневалась, что кто-то был бы этому рад, не считая самой Надаше.

После избрания нового архиепископа можно было наконец объявить о коронации Надаше Нохамапитан, которая должна была состояться через три дня в полдень. Вопреки обычаю, Нада-

ше оставила свое имя в качестве императорского, и ей предстояло стать импер Надаше Первой. Киву это не особо удивило — Надаше всегда была самовлюбленной сволочью.

Кива сомневалась, что ее нынешнее положение как-то изменится после того, как Надаше станет импер, и ожидала, что о ней попросту забудут до скончания времен или, по крайней мере, до того, как Надаше полностью обоснуется в своей новой имперской резиденции на Крае лет через пять с небольшим. А после того как разрушится течение Потока с Ядра на Край, судьба Кивы вряд ли во многом будет отличаться от судьбы всех прочих, оставшихся на Ядре, — всех ждала медленная смерть. И не важно, где она при этом бы находилась — в камере или за ее пределами.

Внезапно экран планшета Кивы погас.

— Вот же блин, твою мать, — сказала она. Планшет позволял Киве сохранить душевное здоровье — без него она наверняка бы свихнулась от одиночества, причем достаточно быстро.

Столь же внезапно в исправительном изоляторе имени импер Ханны Второй погас свет — весь сразу и одновременно.

— Твою мать, — повторила Кива, на этот раз уже всерьез испугавшись. Отключение энер-

госнабжения означало, что случилось нечто нешуточное. Исправительное заведение, как и все поселения на Ядре, находилось под землей, в толще лишенной воздуха планеты, температура на поверхности которой колебалась от убийственного холода до убийственной жары, в зависимости от того, с какой стороны от линии терминатора стоять. Изолятор располагался на убийственно холодной стороне планеты, и без энергоснабжения сразу же начал бы замерзать, а его обитатели начали бы задыхаться, поскольку отключились также системы воздухообмена и очистки. Если энергия пропала достаточно надолго, неизвестным оставалось лишь одно: отчего раньше умрут заключенные — от холода или отравления углекислым газом.

Прежде чем Кива успела по-настоящему удариться в панику, экран ее планшета засветился, и на нем появились большие белые буквы на черном фоне.

«Привет! — гласил текст. — Приготовься к побегу».

— Что, мать твою? — в замешательстве проговорила Кива. Буквы исчезли, сменившись другими.

«Отключение энергии потребовалось для перезагрузки системы охраны и других си-

стем, — прочитала она. — Подача энергии скоро восстановится. Когда это произойдет, будь готова. А пока послушай музыку!»

Планшет начал играть успокаивающие инструментальные версии современных популярных хитов. Кива не знала, трястись ей от страха или подпевать.

Снова вспыхнул свет, столь же внезапно, как и погас.

«Пора!» — появилось на экране. Музыка прибавила темп в ритме стаккато. «Долбаное музыкальное сопровождение», — подумала Кива.

Щелкнул замок отпираемой двери.

«Выйди за дверь и иди налево по коридору, — сообщил текст на экране. — Возьми планшет с собой!»

Кива послушалась, взяв планшет и поспешно покинув камеру. Никто из других заключенных, похоже, из камер не вышел. Она слышала их голоса, но все они оставались под замком — по крайней мере, пока она не дошла до бронированной двери, которая тут же открылась, пропуская ее. Закрыв дверь за собой, Кива услышала, как сработал запор, а затем щелчки множества других отпирающихся дверей. Все остальные заключенные в этой секции теперь могли поки-

нуть свои камеры, но не пределы секции.

Следуя дальнейшим указаниям, Кива дошла до караульного помещения и, когда перед ней открылась дверь, увидела двух бесчувственных охранников.

«Чтобы облегчить тебе побег, из этого помещения был временно откачан кислород, — сообщил планшет. — Не беспокойся, с охранниками, скорее всего, ничего не случится!»

Поверив планшету на слово, Кива быстро прошла через караульное помещение в другой коридор.

Так продолжалось около получаса — Кива шла по исправительному изолятору, следуя указаниям планшета. По пути она слышала всевозможные звуки: ропот освобожденных заключенных, сирены охраны, шум всеобщего хаоса и замешательства. На мятеж это не было похоже, по крайней мере пока, но Кива понимала, что ждать дальнейшего развития событий вряд ли стоит.

В конце концов Кива оказалась в гараже для наземных машин, которые совершали поездки по практически пустынному шоссе, соединявшему исправительное заведение с Ядропадом.

«Слева от тебя раздевалка для охраны, — сооб-

щил планшет. — Войди туда и надень скафандр с нашивкой „Брименес“. Он тебе подойдет!»

Кива неуклюже втиснулась в скафандр, глядя на экран планшета, где появлялись инструкции, как загерметизировать шлем и перчатки. Когда она наконец полностью облачилась, напоминая долбаную сардельку, планшет велел ей направиться к лифту, который доставил ее в наземный корпус.

«Жди здесь, — сообщил планшет. — Машина скоро будет!»

Вновь послышались плавные инструментальные версии популярных хитов, скрашивая ей ожидание.

И действительно, вскоре массивные ворота раздвинулись, и в них с грохотом въехал большой наземный пассажирский транспорт — грохот Кива ощутила по вибрации его гусениц.

«Машина подана! — сообщил планшет. — Войди в транспорт через шлюз сзади. В планшете имеется навигатор и данные о твоих передвижениях, так что, прежде чем сесть в транспорт, положи его под гусеницы, чтобы уничтожить улики. Спасибо за участие в побеге!»

Кива еще несколько мгновений таращилась на планшет, а затем, положив его под переднюю

гусеницу, обошла транспорт сзади, поднялась в шлюз и очутилась внутри.

Там ее ждала Сения Фундапеллонан.

Транспорт тронулся с места, раздавив планшет, который до последнего момента продолжал играть инструментальные хиты, хотя на лишенной воздуха планете это не имело никакого смысла.

— Сволочь ты этакая, — всхлипнула Сения, когда Кива выбралась из скафандра и обе они перестали осыпать друг друга страстными поцелуями. — Из-за тебя я думала, будто тебя нет в живых.

— Это не из-за меня, — возразила Кива. — Это все наша долбаная будущая имперо.

— Знала бы ты, как я ее ненавижу.

— Для этого есть все основания. — Кива снова поцеловала Сению. — Как тебе это удалось? Как ты сумела организовать весь этот долбаный побег?

— Это не я, — ответила Сения.

— Тогда кто? — в замешательстве спросила Кива.

— Твоя мать велела мне встретить этот транспорт и ждать дополнительных распоряжений.

— Так это все моя мамочка?

— Что, могла ожидать от нее такого?

— Вполне, — ответила Кива. — Моя мать чертовски крутая.

— Когда я села в транспорт, мне сообщили, куда я еду и кого мы забираем.

Кива бросила взгляд в сторону кабины:

— Кто за рулем?

— Автоматика.

— И куда мы теперь едем?

— Понятия не имею, — рассмеялась Сения. — Вероятно, к твоей мамочке. Мне на самом деле все равно. Главное — ты вернулась.

— Я все просрала, — сказала Кива. — Зря я тебя не послушала. Ты пыталась предупредить меня насчет Надаше, а я считала, что опережаю ее на шаг.

— Теперь уже не важно, — ответила Сения. — Скоро ее сделают импето. Так уж вышло, что это она опережала всех на шаг.

Кива огляделась вокруг.

— А может, и не всех, — сказала она, после чего вновь переключила все свое внимание на Сению, с которой ей многое хотелось наверстать.

Глава 23

Это был прекрасный день для императорской коронации — хотя, с другой стороны, на Сиане

прекрасным был любой день.

Когда наступило утро коронации, пусть и искусственное, возле собора Сианя собралась большая толпа зрителей и доброжелателей, которые расположились под балконом, где после коронации должна была появиться перед своими новыми подданными имперо Надаше, чтобы с лучезарной улыбкой помахать им, делая первые шаги в новой роли.

Если кого-то из зрителей и беспокоило возможное повторение взрыва, случившегося во время прошлой коронации, они держали свое мнение при себе — по крайней мере, по большей части. Находились остряки, которые заявляли, что взрыв на этот раз маловероятен, поскольку Надаше не похожа на террориста-смертника. Как правило, подобным острякам советовали заткнуться и не болтать глупости, а те в ответ возмущались, что никто больше не понимает шуток.

Другие, более серьезно изучавшие имперскую историю, отмечали то же, что и вышеупомянутые остряки, но в несколько ином свете. Никто не отрицал, что в отношениях семейства Нохамапитан, когда-то пользовавшегося благосклонностью императорского дома, с семейством Ву в по-

следние годы произошел коренной разворот — вызванный в основном обидой на то, что Грейланд Вторая, бывшая импера, отказалась выйти замуж за кого-нибудь из Нохамапитанов в соответствии с имевшейся договоренностью, — и многие задавали вопрос, не являлась ли вполне обоснованной реакция дома Нохамапитан в виде покушения и попытки переворота, когда речь шла о судьбе династий. Или, если выражаться более коротко, существовали ли вообще какие-либо запреты для царственных особ?

Были и те, кто считал, что оживленные и все более глубокомысленные дискуссии о прерогативах знатных домов до такой степени превращают в абстракцию реальные преступления семейства Нохамапитан — и, не стоит забывать, самой Надаше, — что те перестают считаться преступлениями, превращаясь в красочную предысторию. И это само по себе добавляло к обсуждению новые уровни абстракции.

В конечном счете вся эта дискуссия не имела никакого смысла, поскольку именно семейство Ву, императорское семейство, предложило компромисс, в соответствии с которым соблюдался договор, заключенный Аттавио Шестым и нарушенный Грейланд Второй, и остальные

аристократические семейства быстро с ним согласились. Как отмечали информированные наблюдатели, восхождение на трон Надаше Нохамапитан являлось следствием не некоего обмана или переворота, а тщательно подготовленного мирного договора. Ничего подобного в истории Взаимозависимости прежде не случалось, что само по себе являлось захватывающим событием, которое могло пойти ей только на пользу.

Естественно, на пути к коронации имелись некоторые заминки. Внезапная отставка архиепископа Корбейн затормозила процесс на время выборов нового архиепископа, которые заняли больше времени, чем все ожидали, и закончились избранием компромиссной фигуры, которая никого особо не радовала, включая, похоже, самого архиепископа Коула.

Надаше, по крайней мере, не тратила времени зря. За предшествовавшие коронации недели будущая импера перешла в пропагандистское наступление, организовав ряд тщательно спланированных презентаций, появлений на публике и интервью, которые должны были продемонстрировать ее мягкий и милосердный характер. Причем в интервью Надаше не уклонялась от обсуждения спорных обстоятельств, которыми

сопровождался ее выбор на роль импер, или внушающих тревогу недавних действий, предпринятых от имени дома Нохамапитан, но при этом мягко сводила все к обещаниям на будущее, заявляя, что все аристократические дома намерены совместными усилиями преодолеть кризис Потока ради блага всех граждан Взаимозависимости.

Во время некоторых интервью Надаше сопровождал ее новый жених, Ювa Ву, приятной внешности юноша, который выглядел слегка ошеломленным и отвечал на большинство вопросов вежливыми, ничего не значащими фразами. Пара, однако, великолепно смотрелась на фотографиях, и Надаше, светясь от счастья, рассказывала об их совместном будущем и о детях, которые у них появятся — вероятно, достаточно скоро, чтобы избежать в дальнейшем проблем с престолонаследием.

Подобная самореклама приводила в восторг далеко не каждого, но все — от аристократов до простонародья — ощущали усталость от многих лет ожесточенных дворцовых интриг. Возможно, у Надаше Нохамапитан была далеко не самая лучшая репутация, но с ее приходом к власти все могли попросту перестать думать о подобной

чуши.

Грейланд Вторую — странную и неожиданную Грейланд Вторую, с ее религиозными видениями и эффектными заявлениями, когда она арестовала половину всех аристократов в системе, — многие любили, и имелись немалые шансы на то, что ее полюбит история, для которой она была достаточно причудливой личностью. Но с практической точки зрения она и ее правление многих успели утомить, и порой ее трудно бывало понять. Что же касается Надаше Нохамапитан, то от нее вряд ли приходилось ждать сюрпризов. Она выглядела с ног до головы самой обычной алчной аристократкой, достаточно умной для того, чтобы скрывать свою сущность за завесой пиара. Точно такими же были множество прежних имперо Взаимозависимости, и, как ни странно, это действовало успокаивающе.

Что касается самой Надаше Нохамапитан, то в данный момент ей было полностью наплевать, как ее воспринимают, — ей просто хотелось побыстрее разделаться с коронацией. Отставка архиепископа Корбейн и последовавшая за ней идиотская процедура избрания нового архиепископа основательно смешали планы Надаше, к тому же Простер Ву потребовал от нее порабо-

тать над свои имиджем, раз уж у нее появилось время.

Надаше обнаружила, что эта самая работа над имиджем сводит ее с ума, но понимала ее необходимость и с неохотой признала правоту Простера Ву, утверждавшего, что она должна понравиться народу. Надаше, однако, было все равно, полюбят ли ее люди, — она вовсе не собиралась становиться импер всего народа. Импер намеревалась перенести Взаимозависимость целиком в другое место, причем без большей части так называемого народа, и потому бесконечные интервью, во время которых ей приходилось изображать заинтересованность и сопереживание, казались ей пустой тратой времени.

Особенно бесило Надаше, когда от нее требовалось проводить время в обществе Ювы Ву, симпатичного, но раздражающе тупого племянника Простера, от которого она собиралась избавиться при первой же возможности после рождения ребенка. Надаше уже попробовала, что из себя представляет Ювa Ву в постели, и ответ был прост: примитив. По крайней мере, он хотя бы быстро кончал.

Пустой тратой времени была вся подготовка к коронации — по-настоящему Надаше доставили

удовольствие лишь те несколько минут, когда она общалась с привязанной к креслу Кивой Лагос. Кива была права в том, что Надаше не собиралась выполнять условия договора, хотя Надаше вынуждена была признать, что Кива достаточно быстро ее раскусила и играла с ней точно так же, как она играла с Кивой. Кива была чересчур умна, себе же на беду.

Надаше решила, что, став импето, она первым делом раз и навсегда покончит с проблемой Кивы. Слишком уж много было с ней хлопот. Надаше знала, что в исправительном изоляторе имени импето Ханны Второй не столь давно случился мятеж, во время которого пострадали некоторые заключенные, а несколько из них пропали без вести и считались погибшими. Надаше решила, что в ближайшем будущем должен случиться еще один мятеж, с более конкретными жертвами.

Хорошей новостью было то, что ожидание наконец закончилось. Безвкусные интервью, раздражающие «дискуссии» на тему имперской политики, бесконечные пререкания с вечно недовольным Простером Ву — все это в ближайшее время должно было остаться в прошлом. Все, что от нее требовалось, — поклониться, встать на колени и произнести несколько слов. Церемония

предстояла крайне короткая, поскольку Надаше согласилась не принимать разнообразные дополнительные титулы, которые должны были перейти сперва к Юве, а потом к их ребенку, после чего Юву можно будет списать со счетов. Самому Юве предстояла на той же неделе собственная церемония, попроще. Еще на одной церемонии, которую Надаше посещать не планировала, архиепископ Коул должен был стать кардиналом Коулом.

Войти в собор, пятнадцать минут постоять на коленях, произнести несколько слов — и подняться уже импреро. А потом можно было наконец заняться и настоящим делом.

Это был воистину прекрасный день для Надаше Нохамапитан.

Церемония уже практически закончилась, почти дойдя до того мгновения, когда Надаше должна была стать импреро Надаше Первой, когда появился призрак.

Еще до того, как его увидеть, Надаше услышала ропот и громкий шепот собравшихся. Она стояла на коленях на мраморном полу, не сводя взгляда с одной из прожилок в камне, когда скрипучий монотонный голос архиепископа Коула, зачитывавшего слова коронационного ритуала, вдруг

сорвался, и Надаше, наконец подняв взгляд, увидела, как тот ошеломленно смотрит куда-то ей за спину. Она обернулась, и перед ней предстал призрак Грейланд Второй.

Первой мыслью Надаше было: «Кого-то, похоже, придется уволить». С того места, где она стояла, были видны проекторы, отбрасывавшие лучи света, из которых прямо за ее спиной формировалось изображение бывшей импера. Либо кто-то случайно показал изображение Грейланд, что само по себе заслуживало увольнения, либо это было сделано преднамеренно, в качестве некоей выходки или политического заявления, что каралось не просто увольнением, но, возможно, и вышвыриванием в космос. Надаше не возражала против того, чтобы шутник в течение нескольких весьма неприятных секунд подышал вакуумом, прежде чем за ним явится смерть.

Второй ее мыслью было: «Она смотрит прямо на меня».

И действительно, проекция Грейланд смотрела не просто на Надаше, но прямо ей в глаза, отчего создавалось чертовски жуткое ощущение.

А затем проекция заговорила.

— Привет, Надаше, — сказала она. — Неплохой день для коронации.

Ропот толпы стал громче. Надаше казалось, что голос Грейланд обращен непосредственно к ней, но она знала, что он также разносится по всему собору.

«Звукооператора тоже придется уволить», — подумала она.

— Ничего смешного, — наконец ответила Надаше.

— Я пришла не для того, чтобы кого-то смешить, — заявила проекция. — Я пришла на коронацию.

— Ты не она, — сказала Надаше.

— Я не кто?

— Ты не Грейланд. Ты просто разыгрываешь всех с помощью картинки с проектора и синтезатора речи.

— Уверена?

— Естественно, уверена. Грейланд нет в живых.

— Да, — согласилась проекция. — Меня нет в живых. И это ты меня убила.

Ропот сменился гневными возгласами.

— Грейланд убила графиня Рафеллия, — возразила Надаше, повернувшись к призраку.

— Да, это она принесла бомбу, которая убила меня во дворце. Но именно ты дала ей эту бомбу.

Ты сказала ей, что это подслушивающее устройство, но не стала говорить, что это на самом деле. Ты не стала ей говорить, что она умрет вместе со мной.

В громкоговорителях собора раздались два голоса — Надаше и графини Рафеллии Майзен-Персо, обсуждавших музыкальную шкатулку. Графиня беспокоилась, что подслушивающее устройство могут обнаружить. Надаше отвечала, что оно выглядит вполне невинно и что она заплатила сотруднику имперской службы безопасности, чтобы тот поменял программное обеспечение в одном из сканеров. Надаше назвала имя сотрудника, чтобы графиня пошла на досмотр именно к нему.

Голоса смолкли. Надаше ошеломленно уставилась на Грейланд. Та улыбнулась:

— Не стоило обсуждать измену перед микрофоном планшета, Надаше.

— Это неправда, — прошептала Надаше.

Собор ожил от звуков уведомлений телефонов и планшетов.

— Полная расшифровка аудиозаписи вашего разговора с твоего планшета, Надаше, — сказала Грейланд. Снова раздались уведомления. — Расшифровка аудиозаписи с планшета графини. —

Еще уведомления. — Признание того человека, которому ты заплатила за бомбу. — Опять уведомления. — Признание сотрудника охраны, которому ты заплатила за перенастройку сканера и пропуск графини. — В соборе отдалось эхо множества сигналов уведомлений. Грейланд снова улыбнулась Надаше. — Все это только что поступило на каждый планшет и персональное устройство на всем Сиане. И естественно, — она показала на церемонию коронации, — все это транслируется в прямом эфире на Сиане и Ядре.

У Надаше отвалилась челюсть.

Собравшиеся в соборе начали вставать со своих мест, направляясь к выходам. Грейланд повернулась к ним.

— Сядьте, — прогремел в динамиках ее голос. — Сядьте все. Мы еще не закончили. А теперь прошу тишины. Послушайте меня.

В наступившей тишине из воздуховодов донесся пронзительный свист.

— Проектировщик этого собора беспокоился, что здание может пострадать от пожара, — сказала Грейланд. — И он сделал так, чтобы воздух из собора можно было меньше чем за две минуты выпустить в космос. Если хотите испытать это на себе — попробуйте уйти, прежде чем я закончу.

Тишина стала гробовой, не считая свиста. А затем свист прекратился.

— Спасибо, — продолжала Грейланд. — Итак, вы думаете, будто я пришла, чтобы разоблачить Надаше Нохамапитан как убийцу и изменницу? Что ж, я это сделала. Но некоторые из вас уже знали, что она убийца и изменница. Вы знали, что она намеревалась убить меня и стать импе-ро. Вы знали, потому что она сама вам об этом рассказала. Вы знали, потому что сами стали участниками заговора. — По всему собору вновь начали раздаваться звонки. — Каждый из вас заплатил двадцать миллионов марок за участие в ее перевороте. Вы заплатили их вперед со сво-их личных счетов. Вы заплатили в обмен на ее обещание, что, когда Поток наконец разрушится, вы будете спасены. Вы и ваши друзья. Вы и ваш бизнес. Вы и ваш дом. Но не миллиарды людей, которыми вы правите и которые живут в ваших системах. Их собирались оставить в медленно умирающих поселениях и подземных городах, в то время как вы эмигрировали бы на единствен-ную планету, на которой возможна жизнь. Вы хладнокровно планировали обречь миллиарды на смерть. У меня есть все подробности и доку-менты о каждом из вас, о каждом семействе и

каждом аристократе, который согласился участвовать в этом смертоносном плане. А теперь они есть и у всех остальных.

Грейланд подождала, пока смолкнут крики.

— Я умерла. Меня убила Надаше Нохамапитан. Убила так же, как убила графиню Рафеллию, Друзина Вульфа, своего брата Амита и мою лучшую подругу Наффу Долг. Я умерла, и я больше не ваша импето. Я стала иной сущностью, которой теперь известны тайны всех аристократических семейств. Я могу управлять доступом к течениям Потока, не только здешним, но и по всей Взаимозависимости. Я могу решать, кто будет жить, а кто умрет в последующие годы, десятилетия и даже века.

И сегодня я хочу сказать собравшимся здесь аристократическим семействам — никто из вас не отправится на Край, прежде чем там не окажется последний из ваших граждан. Вы не бросите их. Их судьба — ваша судьба. Если хотите — можете попытаться, но стражи отмелей Потока не пропустят ваши корабли. А когда вы вернетесь, люди уже будут знать, что вы пытались их бросить. Если хотите купить пропуск на Край — его ценой станет переселение всех остальных из вашей системы. Взаимозависимость — это

ее народ.

Мы можем переселить всех в систему Края, и мы это сделаем. Но на это потребуются не годы, но десятилетия и даже века. Я буду с вами — и всегда буду с вами, — помогая переправить людей в ту систему. Пока же системам Взаимозависимости и живущим в них людям придется пережить долгие годы изоляции, чего больше не позволят положенные в основу Взаимозависимости идеи — монополии аристократических семейств и гильдий.

По собору прокатилась очередная волна звонков.

— Монополиям семейств пришел конец. Раскрыты все их производственные секреты. Мы больше не можем допустить, чтобы запасы еды самоуничтожались через пять или шесть поколений или чтобы только одна семья строила корабли.

На этот раз в соборе поднялся оглушительный рев множества голосов.

— Слишком поздно, — сказала Грейланд на фоне всеобщего шума. — Все решено. Вы остаетесь аристократическими семействами. У вас остаются ваши тысячелетние богатства и капиталы. Если вы не в состоянии прожить без своих

монополий, то пора дать другим занять ваше место.

Шум в конце концов утих.

— И наконец… наконец. Вы пришли сюда на коронацию. И коронация состоится, но короновать будут не ее. — Грейланд показала на Надаше. — Не потому, что она в числе других убила меня. Не потому, что она в очередной раз продемонстрировала свое предательство в отношении Взаимозависимости. И даже не потому, — Грейланд посмотрела прямо на Надаше, — что она попросту не слишком приятная личность. А потому, что перед тем, как умереть, я назвала своего законного преемника. — Грейланд повернулась к Простеру Ву, сидевшему в первом ряду. — И это не представитель семейства Ву, дважды вставшего на сторону врагов имперо. Моих врагов. Два раза — это уже слишком много. Ты заплатишь за свое предательство, Простер Ву, но заплатит также и твоя семья. Наша семья. По твоей вине.

Простер отвел взгляд.

— Если не она, тогда кто? — спросил архиепископ Коул. — Кто будет новым имперо?

— Рада, что вы спросили, — ответила Грейланд, и по собору прокатилась последняя волна уведомлений. — Я только что разослала извеще-

ние о моем объявлении наследника, которое я подписала за три дня до смерти в присутствии трех свидетелей. Я распорядилась не делать его достоянием общественности до дня коронации. Можно сказать, что я ожидала чего-то подобного.

Я, Грейланд Вторая, империо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королева Ядра и Ассоциированных наций, глава церкви Взаимозависимости, наследница Земли и Мать всего сущего, восемьдесят восьмая империо из дома Ву, мертва. И теперь я представляю вам свою наследницу, последнюю империо Взаимозависимости.

Двери собора открылись, и вошедшая в них фигура не спеша, но целеустремленно направилась через неф собора. Не обращая внимания на возбужденные голоса, наследница империо не сводила взгляда с Надаше Нохамапитан, претендентки на трон, глаза которой расширились от ужаса, когда она поняла, кто станет последней империо.

Последняя империо подошла к алтарю собора, где теперь стояла Надаше Нохамапитан, и остановилась прямо перед ней.

— Теперь не отвертишься, сучка, — сказала Кива Лагос.

Глава 24

Впервые с момента создания Зала Памяти его посетил кто-то, помимо импер.

— Что это за место? — спросила Надаше Нохамапитан, глядя на скромную обстановку и голые стены.

— Это место, к которому ты получила бы доступ, если бы стала импер, — ответила Грейланд. — Где ты могла бы поговорить с любыми импер, правившими до тебя. Точнее, некоей их версией.

— С любыми?

— Да.

— В том числе с вами?

— Естественно, и со мной тоже.

— И вы бы знали, что я вас убила?

— Поскольку мне стало известно о твоих планах до того, как ты меня убила, — да.

— Вы все знали и не помешали мне?

— Знала и помешала.

— Но не убить?

— Нет. Стать импер.

— Вы и так это сделали, — возразила Надаше. — Вы еще до своей смерти объявили наследницей эту долбаную Киву Лагос.

— Смысл был не просто в том, чтобы помешать

тебе стать импер, — сказала Грейланд. — Смысл был в том, чтобы помешать всему остальному. Всем заговорам, интригам и прочей чуши. Они бы не прекратились, если бы я осталась жива. Ты или кто-то подобный тебе — хотя вряд ли такие вообще нашлись бы, но ты понимаешь, о чем я, — продолжали бы меня атаковать. Если бы я просто назвала Киву своей наследницей, ты попыталась бы ее убить либо до ее восхождения на трон, либо после.

— И вы считаете, будто теперь все закончилось?

— Полагаю, я ясно дала понять, что никаких секретов от меня не утаить. И я разгласила столько чужих тайн, что теперь их обладатели чересчур заняты собственными проблемами, чтобы создавать проблемы Киве.

— Вы создали множество проблем для аристократов.

— Да, таков был план.

— Некоторых вы могли бы приказать убить, — заметила Надаше.

— Это не я вынудила их вступить на путь, ведущий к гибели миллиардов ради спасения немногих вместе с их деньгами.

— Вы просто сделали это достоянием обще-

ственности — и все?

— Поскольку ключевая часть плана состояла в том, чтобы убить меня, как-нибудь переживу, если можно так выразиться.

— И вы считаете, что каким-то образом сумеете переправить всех на Край? Рано или поздно?

— Да.

— Каким образом?

— Имеешь в виду — пока на орбите Края ждут «Пророчества Рахелы» и другие корабли и готовы сбивать все, что появится в небе, и после того, как ты отменила мой план атаки с черного хода через систему Икойи?

— Я имела в виду более долгосрочную перспективу, но — да.

— Ты дала своим соучастникам коды доступа. Я получила их, так что мы явимся через парадный вход. Что касается остального, что ж, это связано со сложными расчетами, так что просто поверь, что у меня все получится. А может, и нет. К тому времени тебя все равно не будет в живых.

— И как же вы намерены со мной поступить? — спросила Надаше Нохамапитан.

— Естественно, ты всего лишишься, — ответила Грейланд. — Полагаю, тебе известно, что дом Нохамапитан формально распущен?

— Я слышала.

— Это был один из первых указов импера Мэвел. — Грейланд помедлила. — Ты знаешь, что таково императорское имя Кивы?

— Да. — Надаше закатила глаза.

— Любопытный выбор. Так или иначе, Мэвел решила не давать аристократический статус никакому другому семейству и передала активы Нохамапитанов в доверительное управление гражданам Тератума. Я решила, что это вполне неплохая мысль, и попросила ее поступить так же с домом Ву, в пользу граждан Ядра. Полагаю, роспуск обоих домов положит конец многим неприятностям как сам по себе, так и потому, что послужит примером другим аристократическим домам.

— Если вы так считаете…

— Считаю. Что касается всех твоих личных счетов, они арестованы и переданы министерству доходов, так же как счета твоей матери и твоего брата Грени. Вы все разорены, Надаше.

— Нам всем грозит смертная казнь за измену, так что вряд ли это имеет особое значение.

— Мы с Мэвел решили, что смерть — неподходящее наказание для тебя, Надаше.

— Вот как? Тогда что?

— Я намерена дать тебе то, чего, как ты всегда говорила, тебе хотелось.

— И что же это?

Грейланд улыбнулась и рассказала.

— Знаешь, забавно, — сказала имперо Мэвел, она же Кива Лагос. — Еще не так давно я думала, что людям придется изменить образ жизни, поскольку близится конец Вселенной, и словить на этом халяву смогут лишь немногие, в том числе я. А теперь — гляди-ка, как оно все повернулось, мать твою!

— Работа имперо не для халявщиков, — заметила Грейланд. — Хотя — может быть, и да. Но не сейчас.

— Значит, говоришь, мне следовало взяться за нее раньше?

— Намного раньше.

— Что ж, логично.

— Извини.

— Знаешь, ты ведь все еще можешь вернуться, — сказала Кива.

— У меня теперь другая работа, — покачала головой Грейланд. — И отказываться от нее я в любом случае не собираюсь.

Кива показала на голову Грейланд.

— Что ж, прекрасно, но, чтоб ты знала, я не

позволю, чтобы мне в башку вживляли какие-то долбаные провода, — сказала она. — У меня там хватает всякого, чего вовсе незачем знать остальным. Ни за что.

— Ты последняя импер, — ответила Грейланд. — Та, кто завершит Взаимозависимость. Других больше не будет. Так что после тебя все равно никто больше не придет в Зал Памяти.

— Ладно, — кивнула Кива. — Не стану тебе врать — что-то меня от этого дерьма аж в дрожь бросает.

— Знаю. Меня тоже.

— Так как мы это проделаем? В смысле, завершим Взаимозависимость?

— Все просто. Ты объявишь людям, какие меры следует принять для подготовки каждой из систем к изоляции. Я буду сообщать тебе, делают ли они что-нибудь, а если нет — то как в этом случае поступать. Чем дальше, тем больше систем окажется в изоляции, и тем меньше тебе придется что-то делать. Я начну отслеживать состояние систем по прямой связи, снабжая их информацией о появлениях и исчезновениях эфемерных течений, а также о последних научных достижениях в области управления отмелями Потока. Когда исчезнут все долгоживущие течения Потока, я

буду играть роль центрального информационного узла.

— Но системы будут все так же связаны временными течениями Потока?

— Да, эфемерными течениями. Каждое из них будет существовать лишь несколько месяцев или лет, но этого достаточно, чтобы передать информацию или припасы или переносить поселения из одной системы в другую в процессе их долгого путешествия на Край.

— И ты всем этим займешься?

— Это задача людей в каждой из конкретных систем, — покачала головой Грейланд. — Я могу снабдить их всей необходимой информацией, но как только не станет Взаимозависимости, уже им придется решать, что с этой информацией делать. Вряд ли все смогут добраться до Края. Но многие смогут.

— Тогда планета точно превратится в долбаный ад.

— Если мы сумеем перенести поселения, люди будут жить в них так же, как и раньше. Мы просто перенесем всю Взаимозависимость в одну систему.

— Тесновато не будет? — покачала головой Кива.

— Космос большой, — улыбнулась Грейланд. — Даже внутри одной системы.

— Как скажешь.

— Как мама? — спросила Грейланд.

— Аж лопается от самодовольства, блин, — ответила Кива. — Не знаю, почему я послушала тебя и сделала ее герцогиней.

— Она во многом мне помогла. После того как я стала такой, какая я теперь, мне нужен был живой помощник. Кто-то, кому я могла бы доверять, и кто-то, кто точно справился бы с задачей. Например, вытащить тебя из тюрьмы.

— Она просто наняла транспорт и велела Сении в него сесть. Настоящий побег организовала ты.

— Если бы транспорта там не оказалось, ничего бы не вышло. Знаешь, она никогда не сомневалась, что ты жива. Когда я ей об этом сказала, она просто ответила: «Конечно, а как же иначе?»

— Мамочка как она есть, — усмехнулась Кива.

— Кстати, спасибо за то, что ты осталась жива. Если бы ты погибла, мне пришлось бы сделать империо Марса.

— Не за что. Работенка точно не для него.

— Знаю.

— И какого хрена ты умерла, Грейланд? Теперь мне разгребать за тобой дерьмо.

— Есть и свои преимущества, — рассмеялась Грейланд. — У тебя теперь прекрасный дом.

— Да он же проклят. Постоянно вижу привидения.

— Что ж, перед тем как разрушится последнее течение Потока, можешь отправиться на Край и забыть про этот дом.

— Посмотрим.

— То есть можешь и остаться?

Кива немного помолчала.

— Знаешь, моя мать, герцогиня, возвращается на Икойи.

— Я слышала, — ответила Грейланд.

— Она собирается там умереть. Не в ближайшее время, но когда-нибудь. А до этого она намерена сделать все возможное, чтобы помочь Икойи пережить изоляцию. Она не бросает свой народ.

— Знаю. Твоя мать лучше многих.

— Я не просто имперо, — сказала Кива. — Я еще и королева Ядра. Когда Взаимозависимости не станет, в этой системе останутся сотни миллионов людей. И я не хочу, чтобы они думали, будто сука-королева попросту их кинула.

— Пожалуй, разумно.

— В любом случае ты тоже никуда не денешься. Сможешь иногда слушать мою постоянную

ругань и причитания, когда Сения захочет от них отдохнуть.

— Не возражаю. Рада, что у тебя есть Сения, Кива.

— Я тоже рада, — ответила Кива. — Хотя, если честно, мать твою, не ожидала, что все так выйдет.

— С любовью так часто бывает, — сказала Грейланд.

— Хочу задать тебе вопрос, — сказал Марс. — Странный вопрос, но мне хотелось бы знать ответ.

— Конечно, — кивнула Кардения.

— В ту ночь, когда ты… умерла, мне показалось, будто ты позвала меня по имени там, на «Оверни». Незадолго до того, как я проснулся. Это в самом деле была ты?

— Нет, — мягко ответила Кардения. — Но я бы очень этого хотела.

Кивнув, Марс обвел взглядом Зал Памяти:

— Значит, вот как он выглядит.

— Да, — сказала Кардения.

— Я представлял… гм… нечто большее.

— Он и есть нечто большее, если заполнить его имперо.

— Почему ты это сделала? — спросил Марс.

— Потому что это был единственный способ разорвать бесконечный цикл переворотов.

— Не почему ты умерла. — Марс поднял руку. — Почему ты попросила меня стать твоим мужем, зная, что собираешься умереть?

— Когда я об этом просила, я не знала, что мне придется умереть.

— Но ты думала, что такое возможно?

— Я давно об этом думала. С тех пор, как узнала про Рахелу, и с тех пор, как ты рассказал мне о возможности формировать отмели Потока.

— Так почему же ты попросила меня стать твоим мужем? — настаивал Марс.

— Потому что я тебя люблю, — ответила Кардения. — Все, что я говорила тебе в тот вечер, когда сделала предложение, правда. И до сих пор правда. Я полюбила тебя за то, что ты сражался за правое дело, даже зная, что можешь проиграть. А потом я поняла, что есть возможность выиграть это сражение. А если даже не выиграть, то продолжать сражаться, пока не появятся новые шансы на победу.

— Ты победила, но ценой нашего совместного будущего, — сказал Марс.

— Да, — ответила Кардения. — А когда я поняла, что именно так мне следует поступить, у меня

случился нервный срыв. Прямо на этой скамье, на которой ты сейчас сидишь.

— Но ты все равно так поступила.

— Сделав так, я смогла бы спасти жизни миллиардов людей. Я, Кардения Ву-Патрик, люблю тебя, Марс, больше, чем можно выразить словами. Больше, чем любые пироги.

Марс улыбнулся и рассмеялся, а потом расплакался.

— Но я также Грейланд Вторая, импер о и Мать всего сущего. И на мне лежала намного бóльшая ответственность, чем мне хотелось бы. Прости меня, Марс. Знаю, это было весьма эгоистично с моей стороны.

— Что? — переспросил Марс, вытирая лицо. — Это не эгоизм, а совсем наоборот.

— Эгоистично — потому что я должна была тебе все рассказать. Или, по крайней мере, предупредить. Или, возможно, мне просто не следовало делать тебе предложение.

— Не говори такого.

— Почему? Мое предложение причиняет тебе боль?

— Нет… мне больно не от этого. Твое предложение стало самым счастливым мгновением в моей жизни. Мне больно оттого, что я думаю о

нашем возможном будущем, каким оно могло бы быть и которого мы лишились… — Марс глубоко вздохнул. — Лишились столь быстро, что даже не успели его себе представить.

— И его лишила нас я.

— Что? Нет, его лишила нас не ты. Это сделала Надаше Нохамапитан, и это только ее вина. Это она во всем виновата. — Он взглянул на Кардению. — Я слышал, ты оставляешь ее в живых?

— Я предложила такой вариант, и Кива согласилась с тем, что он лишь продлит страдания Надаше.

— Должен тебе сказать, что я бы, возможно, поступил иначе.

— Я не стала бы тебя в этом винить.

— Не знаю, что мне теперь делать, Кардения, — сказал Марс. — Тебя больше нет, но ты все равно здесь. Я вижу тебя и слышу, но не могу до тебя дотронуться или быть с тобой. Мне больно. И я не знаю, что делать.

— Я знаю, что тебе следует сделать, — ответила Кардения. — Но вряд ли тебе это понравится.

— Все равно скажи.

— Тебе нужно уйти, — сказала Кардения. — Уйти от меня. Уйти от всего этого.

— Ты права, — тихо рассмеялся Марс. — Но я не

знаю, поможет ли.

— Насчет этого я поговорила с Кивой, и мы решили предложить тебе два варианта.

— Два варианта?

— Да. Первый — вернуться домой. На Край. Новым герцогом.

— Ты хочешь сделать меня герцогом Края?

— Никто другой не заслуживает этого больше, чем ты, — ответила Кардения. — Когда в систему прибудут новые люди и поселения, ты и твоя семья в силу своего положения сможете обеспечить им возможность включиться в жизнь системы, поддерживая тем самым и жизнь твоей планеты. Когда течение Потока с Ядра в конце концов разрушится и Взаимозависимость прекратит существование, ты станешь королем Края.

— А второй вариант?

— Отправиться на Землю.

— Что?

— Я проанализировала присланные тобой данные вместе с данными, которые ты собрал раньше.

— Ты? — переспросил Марс.

— Да, я, — ответила Кардения. — Шенвер предоставил мне для начала часть своих систем. Не знаю, как это объяснить, Марс… но я теперь не та,

что раньше. Другая.

— Лучше?

— Не лучше, — покачала головой Кардения. — Просто другая. Суть в том, что я синтезировала данные и свела их вместе, предсказав будущие эфемерные течения Потока. Я кое-что в них увидела и попросила Шенвера тоже их прогнать, чтобы выяснить, не видит ли он того же самого. Так и оказалось. Через полгода отсюда откроется течение Потока на территорию, соответствующую системе, к которой принадлежит Земля.

— Ого, — проговорил Марс. — Ничего себе.

— Есть и ряд сложностей, — сказала Кардения. — Опознанное нами течение идет в одну сторону, и ни я, ни Шенвер не смогли предсказать соответствующее обратное течение. Оно может появиться, когда мы соберем больше данных об эфемерных отмелях и сможем предсказывать точнее, но пока что у нас есть только направление «туда». По нашим оценкам, пребывание в течении займет полгода. Ни Шенвер, ни я не знаем, что на другом его конце. Во времена Шенвера там находилась молодая колония, но кто знает, что там теперь? И наконец, Шенвер говорит, что у него есть карта течений Потока, которой пользовались связанные с Землей системы, но она

очень старая, и он не может гарантировать, что там не случился вызванный Разрывом коллапс. Возможно, тебе придется совершить путешествие в один конец, ведущее в никуда.

— Но если там что-то есть…

— Тогда ты станешь первым за полторы тысячи лет, кто встретится с людьми Земли. Или одной из их систем.

— Ого, — снова сказал Марс.

— Шенвер говорил, что ты именно так и скажешь, — улыбнулась Кардения. — Он также велел передать тебе, что, если ты хочешь отправиться в это путешествие, «Оверни» твой и он с радостью станет твоим пилотом.

— Я… — Марс запнулся. — Мне нужно подумать.

— Конечно.

— Слишком уж много всего.

— Да, — кивнула Кардения. — Должна также тебе сказать, что, если ты выберешь вариант с путешествием, Кива намерена сделать герцогиней Края твою сестру Вренну. Похоже, Кива хорошо ее помнит, та ее весьма впечатлила.

— В устах Кивы это можно воспринимать во многих смыслах.

— Пожалуй, но в любом случае герцогский

титул переходит твоей семье. Не знаю, в какой степени это повлияет на твое решение.

— Спасибо, Кардения, — сказал Марс. — Мне о многом придется поразмыслить.

— Да, — ответила Кардения. — Таков был план.

Марс встал и направился к выходу из Зала Памяти, но тут же остановился.

— Я люблю тебя. Знай это.

— И я люблю тебя, Марс. Где бы ты ни был и во веки веков.

Улыбнувшись, он вышел.

Кардения немного помедлила, собираясь с мыслями, а потом позвонила Шенверу.

— Ты был прав, — сказала она. — Он вцепился в путешествие на Землю, словно за давно потерянного питомца.

— Чего ты, собственно, и хотела, — напомнил Шенвер.

— Знаю.

— Значит, думаешь, он выберет этот вариант?

— Уверена. Наверняка он решится не сразу, но только представь, какие возможности с точки зрения науки…

— А ты? — спросил Шенвер. — Как ты будешь жить дальше? Отчасти ты все еще человек. И всегда им будешь.

— Будет больно, — ответила Кардения. — И долго.

— Наверное, это не так уж плохо.

— Да, пожалуй.

— Ладно. Когда он наконец соберется, я дам тебе знать, и ты сможешь попросить нашу дорогую новую импера открыть сундук с деньгами. У нас не будет никаких проблем со снаряжением и набором людей для экспедиции на Землю, даже если это, возможно, путешествие в один конец. Кто знает, может, даже придется бросать жребий.

— Может быть, — ответила Кардения. — Но, Шенвер…

— Да, моя дорогая?

— Пообещай мне кое-что.

— Что угодно.

— Пообещай, что когда-нибудь ты вернешься. Что он вернется.

— Ах, Кардения, — сказал Шенвер. — С чего тебе беспокоиться? Сколько бы времени это ни заняло, я всегда доставлю его домой.

— Значит, ты попрощалась? — спросила Рахела.

— Это не прощание, — ответила Кардения. — Мне еще предстоят разговоры, а кое с кем и весьма обстоятельные.

— Не с ними. С той, кем ты была раньше.

— Ах это… Да, пожалуй.

— Хорошо, — кивнула Рахела. — Это важно. Иначе ты не смогла бы быть той, кем мы теперь являемся.

— В смысле — бессмертной?

— Мы не бессмертны, — напомнила Рахела. — Но мы можем жить так долго, пока от нас есть польза. И это редкая привилегия.

— А вы? — спросила Кардения. — Как долго вы еще решили жить? Взаимозависимости приходит конец. Вы хотели увидеть, как это произойдет. Теперь вы знаете.

— Пока не знаю, — ответила Рахела. — До этого еще нужно дожить. Меня какое-то время беспокоило, что все может закончиться очень плохо, но теперь я уже могу не волноваться благодаря тебе, Кардения. Спасибо тебе за это.

— Не за что.

— Если я однажды решу тебя покинуть, ты будешь думать обо мне? — спросила Рахела.

— Конечно. Это же Зал Памяти. Вы навсегда останетесь здесь.

— Да, — согласилась Рахела. — Тогда приступим? Положим начало концу?

— Приступим, — ответила Кардения. — Это

будет незабываемое событие.

Эпилог

Битву за Край вряд ли можно было назвать таковой — «Пророчества Рахелы» сдался экспедиционному корпусу Края без единого выстрела, а другие корабли из специальной оперативной группы «Рахелы» — те, команды которых по большей части еще оставались в живых, — сдались почти столь же быстро.

Пока потрепанные остатки команды «Рахелы» приходили в себя на «Духе Грейланд Второй», была воссоздана история событий: сэр Онтейн Маунт, обнаружив, что «Рахелу» экспроприировали сочувствующие Нохамапитанам и что ее команда и солдаты намереваются лишить его власти, в случае чего применив силу, перебросил своих морских пехотинцев на поверхность Края и уничтожил космическую станцию, которую собиралась захватить «Рахела» и которая требовалась ей для ремонтных работ и пополнения припасов.

На планете морские пехотинцы Онтейна объединились с повстанцами Вренны Клермонт, изводя войска (действующего) герцога Грени Но-

хамапитана, а также начали вести долгую игру с «Рахелой» и иногда с присоединявшимися к ней новыми кораблями, отказывая им в снабжении и обслуживании. Пираты, изначально снабжавшие группировку «Рахелы», в конце концов сами стали на нее охотиться. Тайные попытки сесть на поверхность для пополнения запасов заканчивались засадой и захватом в плен людей и материальных ценностей. То была самая эффективная блокада, когда-либо предпринимавшаяся со дна гравитационного колодца.

После прибытия «Духа» гражданская война на планете внезапно закончилась. Грени Нохамапитан — уже не герцог, действующий или какой-либо еще, — быстро сдался собственным войскам, когда им пообещали амнистию, если они сложат оружие и выдадут своего мнимого предводителя. Грени доставили к Вренне Клермонт, теперь герцогине Края, бесцеремонно запихав его в вещмешок. Вренна пообещала, что не убьет его, если он расскажет, где ее отец. Час спустя появился граф Джеймис Клермонт, целый и невредимый, но страшно довольный, что смог наконец покинуть ту проклятую комнату.

Два дня спустя, когда Грени Нохамапитан сидел в той же комнате, где он держал в плену графа

Клермонта, открылась дверь, и в нее втолкнули Надаше и графиню Нохамапитан, после чего дверь захлопнулась за их спиной, щелкнув замком.

С полминуты Грени молча таращился на мать и сестру, раскрыв рот, а затем стиснул зубы, и на его скулах заиграли желваки.

— Ладно, а теперь поговорим серьезно, — обратился он к сестре. — Что за хрень стряслась с твоим идеальным планом? Грррм?

Благодарности

Первое, в чем мне хотелось бы признаться, перед тем как принести благодарности, — я худшее чудовище в истории.

Причина, по которой я худшее чудовище в истории, состоит в том, что я потратил больше года на написание этой книги, причем поступил так же, как поступал с несколькими последними своими книгами, — ждал до самого последнего момента, чтобы сдать эту чертову вещь, доставив кучу хлопот всем остальным, участвовавшим в издании. Теперь им придется тяжко и усердно трудиться, и все из-за моей неорганизованности.

Итак, я худшее чудовище в истории. Я бы с радостью привел разумные оправдания своей безалаберности, но их попросту не существует. Самое большее, что я могу сказать (и это вовсе не оправдание), — я из тех людей, кого легко отвлечь на посторонние события, а в 2019 году для этого нашлось более чем достаточно поводов. Если вы пережили 2019 год, не проведя большую его часть в пещере или в наркотическом угаре, вы, вероятно, понимаете, что я имею в виду. Если же

вы провели 2019 год в пещере или обдолбавшись до упора — что ж, тем лучше для вас.

Я с радостью предпочел бы вернуться в безмятежные времена до 2016 года, когда я мог всерьез сосредоточиться и сдавал книги по графику, не заставляя издателей ненавидеть меня и не вызывая у них желания сжечь мое чучело, так что, если вы живете в Соединенных Штатах и читаете все это до ноября 2020-го, — пожалуйста, окажите мне любезность и:

а) зарегистрируйтесь, чтобы проголосовать, или проверьте, что ваша регистрация все еще действительна;

б) не забудьте проголосовать в день выборов (или до него, если голосуете досрочно);

в) постарайтесь не голосовать за того, кто готов ввергнуть нас в водоворот аморального хаоса.

Я был бы крайне вам признателен, к тому же вы, вероятно, получили бы от меня больше новых книг.

Обращаюсь ко всем, участвовавшим в создании этой книги: мне искренне жаль, что из-за меня вам пришлось совершать рывок на короткую дистанцию. Вы заслуживаете лучшего, и я постараюсь этому поспособствовать.

Кто же люди, участвовавшие в создании этой

книги? Патрик Нильсен Хейден, мой редактор; его (прошлые и нынешние) помощники Анита Окойе, Рэчел Басс и Молли Макги; художественный директор Ирен Галло и художник Николас «Спарт» Бувье; дизайнер текста Хезер Сондерс; литературный редактор Деанна Хоук, перед которой я заранее извиняюсь за своеобразное использование запятых; и мой рекламный агент Алексис Саарела. Благодарю также Беллу Паган из британского отделения издательства «Тор» и ее потрясающих сотрудников, включая ее помощницу Джорджию Саммерс. Как всегда, спасибо Стиву Фельдбергу, и его команде из издательства «Одибл», и Уилу Уитону, которому предстоит облечь слова в звуки для тех, кто читает на слух.

Благодарю также Этана Элленберга, Биби Льюис, Джоэля Готлера и Мэтта Шугармена, которые составляют команду Скальци, когда дело касается продажи моих трудов и изучения контрактов, и чью помощь я крайне ценю. Снимаю шляпу также перед Джорджиной Гордон-Смит, Суриан Флетчер-Джонс и Дженнифер Хатчинсон.

Иногда я вставляю в свои книги намеки на своих друзей и коллег-писателей, что, как правило, не влечет никаких проблем, но случается, что мне приходится прикончить персонажа, которо-

го я назвал чьим-то именем, и потом я чувствую себя неловко. Так что, Мэри Робинетт Коваль и Нава Вульф, — прошу прощения за то, что я убил этих чуваков.

(Особенно неловко мне перед Навой, в честь которой я назвал другого персонажа серии — Наффу Долг, близкую подругу Кардении, которую, как вы, возможно, помните, я взорвал в первой книге, из-за чего Нава постоянно напоминала мне, что я «укокошил ее персонажа ради Роковой Дамы». Ты прекрасно знаешь, Нава, что я искренне тобой восхищаюсь и высоко тебя ценю).

В числе друзей, помогавших мне сохранить здравый рассудок, пока я писал эту книгу, Кевин Стампфл, Янни Кузня, Билл Шафер, Ривенна Альтман, Оливия Аль, Девен Десаи, Моника Бирн и Меган Франк. Особая благодарность также Наташе Кордус, в буквальном смысле моей самой старой и самой дорогой подруге, за потрясающую поддержку в последние дни.

Спасибо создателям приложения «Freedom» — программы, которую я использую на своем компьютере для блокировки соцсетей, поскольку иначе я проверял бы «Твиттер» каждые двадцать секунд. Если вам нужна программа, помогающая не отвлекаться, — рекомендую.

(Но если вы подписаны на меня в «Твиттере» или «Фейсбуке» или читаете мой блог «Whatever» — спасибо вам. Вы нисколько не виноваты в том, что порой мне не хватает силы воли.)

Как всегда, благодарю Атину и Кристину Скальци, моих дочь и жену, за то, что они столь прекрасные люди и столь прекрасно относятся ко мне. Я мог бы рассказать намного больше об обеих, но, если вы читали прежде мои благодарности, вы уже знаете, насколько я могу быть сентиментален, так что я просто рад, что они есть в моей жизни.

И наконец — спасибо вам, читатели, за то, что прочли эту серию. Как ни странно может показаться, но это серия книг — хотя я преднамеренно обозначил ее трилогией. Обычно я пишу книгу, и если народу она нравится, то пишу еще одну, действие которой происходит в том же мире. Именно так мы получили шесть книг (пока) в серии «Война старика». Но насчет данной серии я изначально знал, что планирую написать три книги и что в конце империя действительно потерпит крушение. Для меня это был новый опыт, в котором сочеталось представление о событиях серии на всем их протяжении с моим

обычным «сочинением на ходу», и, должен сказать, я весьма доволен тем, что вышло в итоге. Я получил немалое удовольствие, как, надеюсь, получили его и вы. Спасибо, что следовали за моим замыслом.

Джон Скальци,
31 октября 2019 г.